

Министерство образования и науки Российской Федерации
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н.С. БАЖУТИНА, Т.О. БАЖУТИНА

ЧЕЛОВЕК, КУЛЬТУРА, ТВОРЧЕСТВО

Монография

НОВОСИБИРСК
2014

ББК 87.520 + 60.025.21

Б 169

Рецензенты:

д-р филос. наук, профессор *В.В. Крюков*;
канд. филос. наук, профессор *С.К. Сергеев*

Бажутина Н.С.

Б 169 Человек, культура, творчество : монография / Н.С. Бажутина, Т.О. Бажутина. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2014. – 240 с.

ISBN 978-5-7782-2495-7

Основное содержание составляют вопросы происхождения и сущности человека, его психофизиологической специфики и социокультурной миссии, проблема саморазвития. Критически анализируя историко-философские, археологические, психологические, этнологические, культурологические, лингвистические источники, авторы размышляют об эволюционной специфике человеческого рода и направлении развития современного человека.

Книга адресована философам, биологам, антропологам, медикам, этнологам, культурологам, психологам, лингвистам, этикам и всем, кто интересуется проблемой творческих способностей человека и проблемой смысла жизни.

ББК 87.520 + 60.025.21

ISBN 978-5-7782-2495-7

© Бажутина Н.С., Бажутина Т.О., 2014
© Новосибирский государственный
технический университет, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
ГЛАВА 1. ФЕНОМЕН АНТРОПОСОЦИОГЕНЕЗА	15
1.1. Философские проблемы теоретического исследования происхождения феномена человека	16
1.2. Методологические проблемы исследования антропосоциогенеза	35
1.3. Современный теоретический аппарат исследования переходных состояний развития	55
1.4. Теоретические средства исследования становления человека	76
ГЛАВА 2. МЕХАНИЗМЫ ОЧЕЛОВЕЧИВАНИЯ В СИСТЕМНОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИИ	91
2.1. Морфогенез	92
2.2. Психогенез	101
2.3. Социогенез	117
2.4. Трудогенез	127
2.5. Этногенез	141
2.6. Культурогенез	157
ГЛАВА 3. ЧЕЛОВЕК И ТВОРЧЕСТВО	171
3.1. Репродуктивно-творческая деятельность как основание человеческой сущности	171
3.2. Понятие «культура»	187
3.3. Культура как социальный способ регуляции саморазвития человеческой жизнедеятельности	195
3.4. Языки культуры и их творческая роль	211
Заключение	225
Библиографический список	231

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящее время, в связи с интенсификацией общественной жизни, закономерной в условиях постоянного ускорения общественного и научного развития, чрезвычайно злободневной оказалась проблема исследования переходных состояний развития в различных областях действительности, вне зависимости от того, происходят ли они в недрах природы или в содержании социальной реальности. Сама современная эпоха характеризуется глобальными, в рамках всего человечества, и локальными, в пределах отдельных территорий или сфер деятельности человека, кризисами. Информационная бессистемность, высокие темпы технологических изменений, проблемы системы образования, морали, демографическая ситуация, политические катаклизмы, появление огромного количества междисциплинарных научных исследований и т. п., также свидетельствуют о сложностях развития человека, о переходном состоянии развития общества.

«Переходные состояния развития» – это такие состояния в существовании объектов, в которых, с одной стороны, сохраняется определенное и неизменное качество, а с другой – это же качество интенсивно преобразовывается в что-то другое. Наше обыденное сознание при этом с трудом справляется с выявлением и фиксацией объекта, обнаруживающего в переходном состоянии развития специфическую «информационную неопределенность», затрудняющую восприятие и формы, и содержания данного объекта. На этой принципиальной неопределенности, изменчивости действительности всегда акцентировала внимание восточная философия, дающая парадоксальные для западного ума определения свойств и характеристик реальности: «Атман есть Брахман, а Брахман есть Атман»; «Вечность – это миг, а миг – это вечность» и т. п.

Сложность теоретического исследования переходных состояний развития во многом детерминирована не только особенностями психологии человека, но и объективной неспособностью классической научной методологии создать теоретический аппарат анализа качественных переходов, сущностной особенностью которых является открытость для взаимодействия со средой. При научном изучении переходных

состояний развития наиболее сложной проблемой неизменно оказывается задача исследования механизмов перехода, закономерности которых не поддаются сравнению по принципу аналогии относительно статичных объектов. Однако именно научное мышление предопределило специфически «европейский» способ разрешения возникшего практического противоречия и сумело зафиксировать его принципы на языке науки. Частные науки, вслед за химией и физикой, выстроили философские основания новой – синергетической – картины мира. А западная философия, чья историческая миссия – обобщать и осуществлять позитивную критику новых картин мира, – устранилась при этом из сферы науки и начала активно строить постмодернистские конструкции, восходящие, по сути, к основаниям солипсизма и описательным методикам преднауки.

Между тем «прикладными» науками в последние годы накоплен обширный эмпирический материал, дающий возможность проведения философского исследования многих переходных состояний развития и обобщения их в единую картину мира. Но задача обуславливает необходимость выработки особых теоретических конструкций описания механизмов становления нового качества, способных не только фиксировать феномены переходов языком постмодернизма или герменевтики, но и детерминистски или телеологически объяснять их. В этой связи задача философского осмысления концепций переходных состояний развития в рамках западноевропейской традиции является сегодня интересной и злободневной проблемой.

Современная философия уже несколько десятилетий стоит перед задачей формирования новой онтологии, адекватной, с одной стороны, научным достижениям и практическим потребностям человечества эпохи начала третьего тысячелетия, а с другой – по достоинству оценивающей роль человеческого разума и творческих возможностей человека. Не случайно в западной философии буквально все течения регулярно обращаются к онтологической проблематике и к системному представлению самой философии. Уже Гуссерль в своей феноменологии исследует структуры бытия, изменчивые и непостоянные в своем субъективно-объективном состоянии; Н. Гартман предлагает «многослойный» вариант понимания бытия; неотомизм возрождает и систематизирует онтологию средневековой схоластики, восходящую к системному объяснению материальных и идеальных его характеристик; экзистенциализм отходит от присущего ему психологизма в описании

человека и пытается представить человеческие переживания как характеристику самого бытия; постструктурализм и постмодернизм трактуют бытие как текстовое самовыражение и предлагают варианты смыслового конструирования бытия и т. д.

Новая онтология ориентирована на учет развития наук и отрицает самую возможность построения своей системы на чисто умозрительных началах, к которому склонен постмодернизм, когда «связующие Бытие» принципы приходится просто выдумывать. Вместе с тем сегодня «метафизика, построенная на одном-единственном принципе или на одной-единственной группе принципов (как ее раньше всегда конструировали), является... невозможной. Все сконструированные картины единства мира неверны – как «метафизика снизу», так и «метафизика сверху» (исходя из материи или духа)». Современная онтология объясняет мир как многослойный, лишенный единства в своих закономерностях и разнонаправленный в своем развитии. «Главных слоя четыре: физически-материальный, органически-живой, душевный, исторически-духовный. Каждый из этих слоев имеет собственные законы и принципы. Более высокий слой бытия целиком строится на более низком, но определяется им лишь частично... Нельзя все в мире сводить к одному знаменателю. Отсюда крах всей монистической метафизики»¹.

Исторически, исследуя категорию бытия, мыслители всех времен и народов строят локальные модели (картины мира), в основании которых лежат самые различные принципы. Бытие объясняют как изменяющееся или неизменное; движущееся или неподвижное; непосредственно воспринимаемое или принципиально непознаваемое; оформленное или бесформенное; простое или сложное; материальное или идеальное; жестко predetermined или основанное на случайностях; целесообразное или бесцельное; живое или мертвое.

Локальные модели мира описывают бытие, точнее – отдельные его аспекты прежде всего на базе естественнонаучного знания. Однако в бытии существуют и некоторые общие универсальные свойства и закономерности, которые называются атрибутами и проявляются на всех структурных уровнях бытия и во всех его формах. Среди них можно выделить связь, движение, пространство и время, структурную организацию, системность и др. Онтологию пополнила рядом новых идей современная физика (физика конца XX столетия).

¹ Гартман Н. Старая и новая онтология // Историко-философский ежегодник. – М., 1988. – С. 321–322.

- Существует слой реальности непосредственно или даже в принципе ненаблюдаемых объектов (кварки, глюоны, суперструны и т. п.).
- Существует слой реальности, порождаемый взаимодействием ненаблюдаемых объектов типа кварков, который можно наблюдать, — например, адроны, состоящие из кварков.
- Существует слой реальности, который человек может наблюдать в виде эффектов взаимодействия объектов второго слоя (например, адронов) с окружающей средой (это прежде всего элементарные частицы, атомы и молекулы).
- Существует слой реальности, который познается людьми в виде физических эффектов (явлений), непосредственно наблюдаемых на практике.

Эти слои «объективной реальности» правомерно дополнить слоями «субъективной реальности», но критерии их выявления будут существенно иные, чем в первом случае. В целом можно предположить, что бытие реально во всех основных своих проявлениях: и как объективная реальность; и как субъективная реальность; и в форме человека, нелинеаризованным образом сочетающим в себе оба вида реальности, что в конечном итоге дает синергетический эффект качественно отличной от первых двух реальности субстанциональности.

Сегодня достоверно можно утверждать только то, что процессы взаимодействий, взаимовлияний, взаимозависимостей и изменения в бытии доминируют над покоем и статикой. Вместе с тем формы движения в каждом из видов реальности настолько разнообразны, что при их взаимодействии друг с другом постоянно возникают синергетические эффекты, результатом которых является возникновение как разнообразных качественных определенностей (оформленностей), так и неопределенностей (бесформенности) в абсолютно и относительно разнородных и разноуровневых системных вещах и процессах.

Современная картина мира, основанная на достижениях в наиболее доказательных сферах человеческого знания, достаточно близка к картине мира, созданной даосизмом и конфуцианством: Бытие теперь предполагает понимание наличия в себе не только объективной реальности объективного Абсолюта, но и ставится в зависимость от трансцендентальной структуры личности, человеческого «я». Что это значит?

Понятие «трансцендентальное» возникло еще в схоластической средневековой философии и означало бытие, выходящее за пределы конечного, эмпирического мира. И. Кант впоследствии придал этому

термину иное значение: он употреблял его для обозначения априорных форм чувственности и рассудка, которые, следуя его учению, являются формальными условиями возможности познания мира. По сути, Кант считал, что небытие проявляется непосредственно через человека, а человек, благодаря существующим до всякого опыта (априори) пространственно-временным формам созерцания и категориям рассудка, как бы «вылавливает» и синтезирует в некоторые целостности те фрагменты бытия, которые способны принять пространственно-временные характеристики. Кант был уверен, что именно человек творит в своем сознании бытие мира явлений, а в конечном итоге и Абсолютное Бытие, Бога. Таким образом, Кант использовал понятие «трансцендентальное» не в онтологическом, а в гносеологическом смысле.

Экзистенциализм использует понятие «трансцендентальное» и не в онтологическом, и не в гносеологическом, а в морально-этическом смысле. Экзистенциализм вводит в структуру трансцендентального априорную внутреннюю готовность человека желать безусловного, стремиться к нему и признавать его безоговорочное наличие (априорный «зов» человеческого «я» к Абсолюту). Субстанциональность Бога и при таком подходе становится проблематичной. Бог делается возможным только благодаря наличию в трансцендентальной структуре человеческого «я» стремлением к абсолюту, которое сопровождается единственно достоверной в мире вещью: переживанием.

Философия постмодернизма увидела в проблеме Бытия еще один аспект: если философы-классики описывали не столько процесс Бытия, сколько его результат, то постмодернисты взяли на себя задачу обособить идею бытия как становления, как процесса. При этом под Бытием они поняли «Мысль, находящуюся в становлении». «Естественная природа мысли», по мнению таких философов, как М. Фуко, Т. Адорно, Ж. Деррида и др., не передается в полной мере с помощью логики. В философский (логический) текст заложена четкая и жесткая исследовательская программа, которая передается с помощью категориального мышления. Но при этом «за текстом» остаются «черновые мысли», а до читателя доходит только «отстоявшийся» текст. Оформляя мысль в слово, мы трансформируем мысль, навязываем ей порядок, не свойственный ей в ее бесформенном (черновом, но истинном) существовании. Истинное бесформенное состояние мысли и есть Бытие по мнению постмодернистов. Выразить Бытие и понять его можно только через осознание текучести, многосмысленной метафоричности, через

осознаваемую бессистемность, через априорную возможность множественных интерпретаций текста...

Можно спорить и соглашаться с представителями каждого из вышеописанных и неупомянутых в данной лекции философских направлений. Но, главное: в понимании бытия к началу третьего тысячелетия в западной философии произошел поворот к признанию доминирующей качественной характеристики Бытия – его изменчивости, его способности переходить от одного качественного состояния к другому, способности самоорганизовываться и самоструктурироваться таким образом, чтобы проявлять себя многообразно в разных отношениях и на разных этапах своего осуществления.

Говоря словами классической философской терминологии, в Бытии следует признать равноправными и материальное, и идеальное, и человеческое начало, несмотря на их перманентную изменчивость во времени и пространстве. Субстанциональность Человека детерминирована его «бесформенной плюралистической сущностью», тождественной самому Бытию. И в этом тезисе – признание правоты как Б. Спинозы, так и Лейбница; как постмодернистов, так и Платона; как Канта, так и Аристотеля...

Признание равноправия идеального и материального предполагает одновременный учет уникальной способности человека сочетать в своем существовании оба этих мира в их переменчивой взаимообусловленности, взаимопроникновении и неравновесном, асимметричном изменении (синергизме), имеющих вневременную и внепространственную качественную определенность. Последнее обуславливает востребование идеи субстанционального триединства мира. Эта идея исторически не нова (не монизм и не дуализм, а триализм – «*tertium datur!*»), но единственная на сегодняшний момент способна системно объединить и феномен суперструнности мира, и его синергизм, и материализм, и «объективность субъективного».

Новый философский подход требует очередной научной революции. В результате наука должна научиться видеть и объяснять объекты не только линейно, но и нелинеаризованно, т. е. в разных отношениях и посредством изменчивых разноуровневых причинно-следственных связей (как стохастические системы), причем нелинеаризованность должна превратиться именно в научный метод (сегодня этим методом владеют только представители искусства, но результаты их деятельности, как известно, бездоказательны и принимаются только на веру).

Современная картина мира гораздо сложнее, хотя и более «системна», чем в предыдущие века: сегодня для ее описания используется более сложная, – гуманитарная, – методология, опирающаяся при этом и на общую теорию систем. Из восьми направлений общей теории систем для построения современной философской картины мира, в которую закономерно и непротиворечиво включен человек, наиболее перспективны кибернетика и синергетика.

Кибернетика ввела в рассмотрение онтологической проблематики информационные характеристики системы и применила методологию описания поведения системы с точки зрения ее целей. Объектом кибернетики, таким образом, являются структуры, способные к «осознанию» внешнего мира. Кибернетический подход аксиологичен. В его основе лежит понятие «ценностей», которые имеют в этом случае операциональное значение по отношению к целям как критерий принятия решения. Процедура принятия решения является при этом основной информационной характеристикой обратной связи. Ценности выступают как стандарты, с которыми сравниваются возможные варианты принятия решения по поводу выбора дальнейшего направления развития. При кибернетическом подходе система идеализируется в отношении ее открытости по веществу, энергии и информации; но полностью открытая система абсурдна; она объективно сольется со средой, будет элиминирована средой.

Синергетика подошла к интерпретации бытия, понимая его как саморганизирующуюся систему. Самоорганизация – это систематическое параллельное взаимодействие элементов и их групп в системе, формирующее импульс для дальнейших направленных самоизменений. Синергетический подход делает акцент на изучении взаимодействий изучаемой целостности, причем в основании изменений (движения) лежит понятие хаоса. Синергетическая система открыта для любых взаимодействий со средой, открыта для самоизменения, но способна сохранять инвариант, качественную самоидентичность самой себе, не изменяющихся даже под давлением огромного массива количественных преобразований.

Этот подход сконцентрирован на описании поведения систем, находящихся под влиянием стохастических и спонтанных процессов. Характер поведения элементов самоорганизующейся системы приводит ее либо к полному хаосу, либо – к упорядочиванию и сохранению в новой форме.

Исторически термин «синергетика» возник в термодинамике, но в последнее время приобрел новое значение. Синергетика означает интегральное агрегированное описание поведения всей системы, непредсказуемое на основе знаний о поведении ее элементов, взятых по отдельности. По мнению В.Г. Буданова², синергетику можно назвать постдарвиновской эволюционной парадигмой, или универсальным эволюционизмом, т. е. категорией зарождающейся в настоящее время постнеклассической парадигмы науки. Синергетика сосредоточивает внимание не на состояниях гомеостаза, достаточно изученных кибернетикой и теорией управления (проблема поддержания системы в заданном режиме, идея отрицательных обратных связей), а на кризисных нестабильных состояниях. Таким образом, главная специфика современного понимания онтологической проблематики заключается в том, что бытие не может рассматриваться ни монистически, ни в отрыве от трансцендентального, ни вне понятий относительности пространства и времени.

Особая сложность исследования качественных преобразований в развитии высокоразвитых объектов – человека и общества – обуславливает необходимость изучения генетических аспектов проблемы становления социальной формы движения реальности, вбирающей в себя все предшествующие формы и закономерности качественных переходов в снятом виде. Переход от биологической к социальной форме движения в этой связи представляет исключительный интерес. Познание процесса становления общества является ключом к пониманию человеческой истории и человеческой сущности, так как только на основе досконального изучения предыстории человека и общества, философского анализа особенностей соотношения биологического и социального в развитии современного человека и закономерностей его качественного изменения может быть осуществлена дальнейшая разработка концепции человека.

Качественное преобразование общества, невозможное без изменения самого человека, связано не просто с целеполагающей деятельностью общественных сил, обеспечивающих возникновение нового, но и с необходимостью коренной ломки старого. Как показывает практика, целеполагающая деятельность человека разрушает старое с доста-

² Буданов В.Г. Принципы гармонии как холистические правила эволюционного суперотбора// Современная картина мира. Формирование новой парадигмы. – М., 1997. – С. 109–123.

точной легкостью и быстротой, зачастую не позволяющих самому человеку осознать побочные и долговременные следствия достижения поставленной цели. Не случайно существует поговорка «ломать – не строить»: с легкостью разрушенное «старое» чаще всего создает ситуацию, при которой «новое» приходится строить «с нуля», в том числе и те качества разрушенного старого, без которых невозможно существование нового. Вместе с устаревшими свойствами и характеристиками целеполагающая деятельность человека «вместе с мутной водой выплескивает и ребенка». Именно потому в исторической действительности постоянно возникает проблема: что (какую сторону старого) и как (какими способами и темпами) необходимо разрушить в первую очередь, чтобы создать реальные и экономически эффективные возможности для формирования общественно приемлемого нового качества. Под «экономичностью» при этом следует понимать такую форму управления процессами человеческой деятельности, при которой затраты на деятельность всегда меньше получаемого дохода.

Если принцип экономичности в мышлении отдельного человека или группы людей отсутствует, мы получаем деятельность, обычно характеризуемую образом «белки в колесе». При этом, применительно к исследованию социальной деятельности, метафизический принцип «бега на месте» приводит не просто к стагнации общественных или мыслительных процессов в теоретических моделях человека и общества, но к деструкции или регрессу при их проецировании на практику. Вспомним, например, последствия не просто волюнтаристского, но «научно обоснованного» разрушения религиозных институтов в нашей стране или политики общественного подавления любых форм коллективизма в период накопления капитала в развитых странах Запада.

Старое нужно уметь ломать с пользой для общества и индивидуального человека, а для этого нужно знать, каким образом это старое возникло на сущностном уровне. При программировании всякого *направленного* качественного преобразования «важно учитывать и способ разрушения старого, и возможные способы построения нового»³. Именно поэтому проблему общественного прогресса невозможно отделить от общего контекста человеческой истории вместе с предысторией.

Философское и специальное научное изучение переходных состояний на антропогенной стадии эволюции имеет наиболее длительную

³ Кедров Б.М. Ленин и научные революции. Естествознание. Физика. – М., 1980. – С. 12.

традицию. Проблема сущности человека, закономерностей его существования и его перспектив – это, пожалуй, самая главная из всех проблем, которые когда-либо вставали перед человечеством на протяжении его тысячелетней истории. Неугасающий интерес к человеческой предыстории все более концентрируется в направлении детального анализа механизмов качественной перестройки в антропосоциогенезе (Б.Ф. Поршнев, С.С. Батенин, Ю.И. Ефимов, В.П. Алексеев, Ю.И. Семенов, И. Л. Андреев и др.).

Среди исследователей антропосоциогенеза существуют значительные разногласия по поводу правомерности рассмотрения закономерностей переходных состояний развития как специфических закономерностей всякого перехода. Сторонники одной точки зрения допускают возможность равнозначно-двойной детерминации процесса перехода к социальной форме движения материи; с позиций исследователей, придерживающихся второй точки зрения, в реальности имеются особые промежуточные закономерности, определяющие специфику каждого переходного периода, и, в частности, существуют специфические закономерности антропосоциогенеза. Задача, таким образом, состоит в том, чтобы выяснить общую и особую природу перехода от мира природы к миру человека, проанализировать механизмы снятия биологического социальным.

В этой связи несомненный интерес представляет исследование методологического статуса и эвристической роли ключевой гегелевской категории «снятие» (Aufheben), отображающей, как известно, механизмы качественных переходов и, по сути, положившей начало построению теоретического аппарата неклассической науки.

Вместе с тем следует отметить, что начиная с 30-х годов эта категория в отечественной философии практически не исследовалась, а с 50-х годов была фактически отождествлена с категорией «диалектическое отрицание» и с тех пор в этом значении понималась⁴. Именно поэтому в настоящее время ее употребление является, по меньшей мере, проблематичным: авторы работ «советского периода» ссылались на «снятие», как правило, лишь в том случае, когда были не способны выявить научно обоснованным образом структуру и механизмы обсуждаемого перехода, а современные исследователи часто предпочитают игнорировать данную категорию вовсе, обосновывая собственные рассуждения о предельных основаниях мира вненаучными доказа-

⁴ Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – С. 619.

тельствами и аргументами, настолько проблема механизмов качественных преобразований сложна для экспликации. В отечественной философской литературе до сих пор существует только одна монография, имеющая своей целью раскрыть диалектику снятия⁵. В свое время эта работа внесла существенный вклад в исследование проблемы механизмов переходных состояний развития, но не решила ее полностью. Между тем гегелевская схема снятия вполне корректно коррелирует с современным синергетическим подходом к исследованию динамических, неравновесных и асимметрических систем, к которым относится и антропосоциогенез, а потому процесс возникновения человека может быть интерпретирован и как синергетический эффект, и как механизм снятия.

В данной работе предпринята попытка определения методологии анализа человека как конституированного во времени и пространстве переходного состояния развития. Предлагаемая теоретическая схема, отражающая процесс формирования человека и общества как процесса синергетического выхода за пределы внутренних закономерностей биологической формы движения, предполагает дальнейшее обсуждение.

⁵ Стрельченко В.И. Диалектика снятия в органической эволюции. – Л., 1980.

ГЛАВА I

ФЕНОМЕН АНТРОПОСОЦИОГЕНЕЗА

Научное определение человека, несмотря на тысячелетние попытки, до сих пор отсутствует. Человек слишком многогранен, многофункционален и уникален для выявления научными средствами его фиксированной сущности. Даже указание на его двойственную «био-социальную» природу проблемы не решает, а остается декларативным тезисом до тех пор, пока остается невыясненным, какое значение в человеческой жизнедеятельности играет каждая из сторон, какие именно факторы формируют человеческую «социальность», и обладают ли эти факторы фиксированным значением в процессе очеловечивания и функционирования феномена человечности.

Понять, что такое «человек» и какие свойства составляют его сущность и содержание, возможно только при условии, если мы раскроем эволюционный смысл возникновения феноменов человека и общества в недрах биологического мира, а также раскроем механизм процессов, участвовавших в историческом формировании *homo sapiens*.

Поскольку выбор исторических фактов для повышения достоверности гипотез описания и объяснения механизмов образования нового качества в антропосоциогенезе в значительной степени субъективно затруднен фрагментарностью ископаемых остатков и объективной сложностью определения степени их значимости, научный анализ проблемы невозможен без критического исследования существующих подходов в упорядочении и классификации эмпирического материала, накопленного частными науками.

1.1. Философские проблемы теоретического исследования происхождения феномена человека

Антропосоциогенез в предельно абстрактном понимании – это переход от биологической формы движения реальности к социальной. «Социальное» при этом предполагает такое качество, сущность которого определяется способностью этого качества формировать особое – культурное Время и специфическое – культурное Пространство, обладающие субъектной и субъективной спецификой; качество, субстанциальным основанием которого является Движение, превращаемое из атрибута реальности в его причину, смысл и цель.

В человеке не просто синтезируются все виды реальности, открываемые человечеством по мере познания мира, в человеке концентрируется материальное и идеальное единство мира, его статика и динамика, равновесность и неравновесность, симметрия и асимметрия, стохастичность и направленность, аддитивность и неаддитивность, субъективность и объективность. При этом человек вне зависимости от того, здоров он или болен, высоконравственен или аморален, труслив или мужествен, мечтателен или деятелен, сексуально активен или аскетичен, исповедует ли он принципы креационизма или материалистической диалектики, идеализма, материализма, постмодернизма или даосизма, прежде всего, тысячами нитей связан с миром природы и имеет материализованное проявление.

Представляется бессмысленным рассуждать о том, существовал ли чей бы то ни было замысел сотворения человека, или имеет ли процесс исторического возникновения человека земную природу. И в первом, и во втором случае на современном этапе научного развития для нас важнее понять, каким образом и за счет каких факторов он сформировался в своей земной жизни таким, каким он существует к настоящему времени, и какие факторы влияют на формирование полноценной человеческой жизни в онтогенезе.

Признание естественности происхождения человека, его тесных связей с природой, со всем живым миром, позволяет объяснить наличие у него таких же, как и у животных, строения и основных физиологических и биохимических процессов.

Участие социальной организации, психогенеза и трудовой деятельности в формировании современного человека свидетельствует о зависимости «начала» человеческой истории и от социальных форм существования прегоминид, от характера их поведения. Проблемными для

научного объяснения является только душа и дух человека, именно эти имманентные для человека качества требуют разработки такой методологии, которая синтезировала бы частнонаучные методы исследования человека и результаты их применения с религиозными и философскими концепциями.

Применение философских понятий в исследованиях «начала» человеческой истории на фоне недостаточно разработанной теории переходных состояний развития обуславливает детерминизацию создаваемой исследователями вопроса картины происхождения человека и общества не только специальной научной позицией авторов, но и непосредственно их общими мировоззренческими позициями. В связи с этим научное содержание проблемы нередко уходит на задний план исследований⁶, а привлекаемый к обсуждению эмпирический материал служит всего лишь иллюстрацией мировоззренческих схем и концепций, поскольку научному осмыслению подвергается только та информация о предмете, которую допускают методологические принципы используемого философского подхода, только те факты, которые результируют гносеологическую специфику исследователя.

Поскольку под фактами в науке понимается результат особого вида идеализации, которые можно выделить из окружающей действительности, воспроизвести многократно, проверить разными способами и однозначно использовать практически, то именно при выделении, отборе и проверке фактов используются различные философские подходы, идеи и гипотезы, изменяются и уточняются теоретические понятия наук, строятся научные теории. Теоретическое исследование антропосоциогенеза, таким образом, – это разработка критериев отбора и проверки фактов, относящихся к процессу очеловечивания, и построение теории антропосоциогенеза.

Что такое теория? Иногда утверждают, что теория – это обобщение опыта, практики и наблюдений. Однако далеко не всякое обобщение является теоретическим (научным). Допустим, человек обобщил свои самонаблюдения в следующей форме: «Всякий раз, когда у меня поднимается температура, я чувствую себя не вполне здоровым». Вряд ли

⁶ См.: *Gehlen A. Der Mensch, seine Natur und seine Stellung in der Welt.* – Berlin, 1944; *Scheler M.D. Die Stellung des Menschen in Kosmos.* – Darmstadt, 1929; *Крайнев Д.А. Некоторые вопросы становления человека и человеческого общества // Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма.* – М., 1970; и др.

возможно назвать это логически и практически правильное умозаключение «теоретическим» или «научным». Научные (теоретические) обобщения не просто выделяют общие моменты и свойства, наблюдаемые множество раз при одинаковых условиях, а применяют ряд специальных логических приемов.

1. Прием *универсализации*, который состоит в том, чтобы распространить общие моменты и свойства, наблюдаемые в ограниченном множестве экспериментов, на все однопорядковые процессы и явления в прошлом, настоящем и будущем («Все живые существа, у которых температура тела по разным причинам поднимается выше статистической нормы, не могут быть признаны в эти моменты здоровыми»).

2. Прием *идеализации*, состоящий в том, чтобы указать условия, при которых описываемые процессы происходят в «чистом» виде, т. е. так, как в самой действительности они происходить не могут. Например, в данном случае предполагается, что организм полностью изолирован от внешней среды, температура которой в реальности также может влиять на повышение температуры тела, причем иногда без патологических реакций организма на это повышение.

3. Прием *концептуализации*, состоящий в том, что в описание факта вводятся понятия (абстракции, концепции), заимствованные из других сложившихся теорий и получивших там выверенные значения (например, понятие «температура», которое получило смысл и значение прежде всего в физике), отличающиеся от тех смыслов, которые вкладываются в них обыденной речью.

Именно при условии соблюдения этих требований к обобщениям в науке формулируются *законы*, которые фиксируют в обобщенном виде повторяющиеся, устойчивые, необходимые, существенные отношения и связи между внешне различными, но внутренне едиными явлениями и их сторонами. Любой закон правомерен в отношении всех однопорядковых процессов или явлений, происходящих при вполне определенных условиях, что делает возможным, исследуя смежные области действительности, выделять факты при помощи общих для смежных наук терминов и понятий, что существенно повышает научную достоверность теоретической фиксации данных фактов.

Главная проблема даже начального этапа исследования исторического происхождения человека состоит в выделении антропосоциогенеза как некоторого научного факта, поскольку других однопорядковых процессов науке не известно, а проводить прямую аналогию с

процессами видообразования в природных популяциях не вполне корректно по причине необходимости введения в теоретический аппарат культурологической терминологии.

В рамках марксистской философии, которая, обращаясь к проблеме происхождения человека, всесторонне и глубоко работала с фактологией естественнонаучных исследований, общее методологическое основание проблемы становления человека и общества традиционно отводилось трактовке Ф. Энгельсом антропосоциогенеза как процесса постепенного нарастания значения социальных и вытеснения биологических факторов движения (трудовая теория происхождения человека)⁷. Содержание «переходного периода» рассматривалось при этом как снятие биологического социального, которое осуществляется путем коренной перестройки адаптивных механизмов жизнедеятельности и эволюции гоминид на основе формирующихся социальных признаков – групповой организации на производственной основе, развития орудий труда, речевых средств коммуникаций и т. п.

Как видно из работ отечественных исследователей марксистского направления, анализирующих процесс происхождения человека и общества⁸, проблема механизмов перехода, включающая в себя вопросы о стадной коллективности и ее роли в антропосоциогенезе, о способах утраты господствующей роли естественного отбора и т. д., постепенно все больше выдвигалась на первый план. Но, чтобы выявить механизмы возникновения и формирования социальности, необходимы особые теоретические средства, способные не только зафиксировать, но и логически доказать объективную необходимость появления социально-культурных феноменов. Между тем диалектико-материалистические представления о закономерностях снятия в процессах эволюции живого, хотя и нашли некоторое отражение в антропогенетических исследованиях, но не получили глубокого и полного анализа, которого требует объективная логика уникального и сложного перехода к социальной форме движения.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 20. – С. 486–495.

⁸ См.: Бунак В. В. Род Номо, его возникновение и последующая эволюция. – М., 1980; Борисковский П.И. Древнейшее прошлое человечества. – М., 1980; Файнберг Л.А. У истоков социогенеза. – М., 1980; Ефимов Ю.И. Философские проблемы теории антропосоциогенеза. – Л., 1981; Алексеев В.П. Становление человечества. – М., 1984; Андреев Л.И. Происхождение человека и общества. – М., 1988; Семенов Ю.И. На заре человеческой истории. – М., 1989; и др.

Объясняется это прежде всего тем, что природа снятия недостаточно выявлена даже в работах материалистических диалектиков, активно обращавшихся к гегелевской категории «снятие». Не случайно один из исследователей вопроса В.И. Плотников специально оговорил в своей работе, что считает решение проблемы антропосоциогенеза при помощи категории «снятие» «крайне опасным для философов», так как «популярный способ «снятия» диалектической схемой всех сложностей перехода от биологического к социальному», равно как и «попытка придать этой категории *объяснительный* характер»⁹, выглядят теоретически и фактически бездоказательными.

Основанием для критического отношения к методологическим возможностям категории «снятие», таким образом, явилось формальное использование последней по причине содержательной сложности разработанного Гегелем понятия. В марксистской литературе, так или иначе касающейся проблемы взаимоотношения биологического и социального в человеке, существует множество штампов, заменяющих и описание механизмов взаимодействия, и объяснение сути процесса: «биологическое наличествует в человеке, но в снятом виде»; «биологические законы снимаются социальными»; «в процессе диалектического отрицания старое качество снимается новым» и т. д. При этом авторы всегда ссылаются на «снятие», фактически применяя метод доказательства, который древние называли *obscurum per obscurum*¹⁰. Однако вряд ли в существовавшем положении были виноваты гегелевское снятие (*Aufheben*) и его «диалектическая схема».

Сложность представляют сами реальные переходные состояния развития, частным случаем которых является антропосоциогенез.

В имеющейся отечественной и зарубежной литературе советского периода достаточно полно показано, как трудовая, производственная деятельность становится основой жизнедеятельности человека и способом существования общества. Выявлен заключительный этап в эволюции орудийной деятельности и появлении человеческого общества. Однако как прегоминиды стали формировать в себе субъектность и субъективность, на основе которой стала возможна трудовая деятельность; что есть труд и чем он отличается от орудийной деятельности – так и не отвечено. Остается спорным вопрос о нижней грани переходного периода. Не выяснены в достаточной степени причины полимор-

⁹ Плотников В.И. Социально-биологическая проблема: материалы спецкурса. – Свердловск, 1975. – С. 17.

¹⁰ Лат. Незнаемое через неизвестное.

физма гоминидных форм на ранних стадиях антропогенеза, наличия большого числа прогрессивных признаков у исторически более ранних форм по сравнению со сменившими их формами, причины тупикового развития и вымирания (или *исчезновения*) большинства гоминидных линий. Широко обсуждаемая в литературе 70–80-х годов двадцатого века проблема соотношения биологического и социального в человеке так и не нашла однозначного решения. К.Е. Тарасов и Е.К. Черненко выделили семь основных способов решения этой проблемы и более пятнадцати вариантов подхода к пониманию взаимосвязи социального и биологического¹¹. Введение для объяснения специфики антропосоциогенеза категорий биосоциального отбора¹² и социального отбора¹³ так и не объяснило с достаточной степенью научности, каким именно образом происходила в ходе антропосоциогенеза утрата преобразующих, созидательных функций естественным отбором, который направляет всякое развитие в животном мире. Не создана и общая картина антропосоциогенеза.

Думается, что причина несостоятельности попыток объяснить видообразовательный процесс в эпоху перехода от биологического к социальному через типы отбора с «разной степенью социальности» заключается в произвольном привнесении в биологическое понятие отбора чуждой и инородной биологическому характеристике социального, которое, при таком подходе, берется «из ниоткуда», преформистски. Выявление закономерностей, действовавших в период становления человечества, продолжает оставаться наиболее острой проблемой современной науки.

Имеющегося фактического материала, служащего эмпирической основой для реконструкции процессов гоминизации, исследователям вопроса кажется недостаточно, тем более, что он характеризуется фрагментарностью. Вместе с тем накопление нового материала не упрощает, а, наоборот, усложняет и без того запутанную картину антропосоциогенеза, так как появление новых палеоантропологических данных и археологических находок обычно не вписывается в ранее разработанные схемы и противоречит сложившимся концепциям. Конкретные науки (такие, как археология, антропология, психология, этнология, физиология, генетика, палеолингвистика и др.), изучающие

¹¹ Тарасов К.Е., Черненко Е.К. Социальная детерминированность биологии человека. – М., 1979. – С. 50–77.

¹² Семенов Ю.И. Как возникло человечество. – М., 1966.

¹³ Гурьев Д.В. Становление общественного производства. – М., 1973.

проблему антропосоциогенеза в соответствии с предметом данной науки, и сегодня не в состоянии справиться со все возрастающим объемом научных знаний и проследить все обнаруживающиеся взаимосвязи и детерминированные ими следствия. Мешают исследованию проблемы и некритическое отношение к успехам отдельных наук, преувеличение или преуменьшение роли отдельных фактов.

Создать целостный подход к проблеме антропосоциогенеза на современном этапе научного знания может философия. Это вовсе не означает, что философия поглотит частные науки и заменит специфические методики одним универсальным методом познания. Речь идет о необходимости использования при исследовании процессов возникновения человека и культуры единой, современной методологической основы изучения переходных состояний развития. На сегодняшней ступени научного развития науками, способными предложить и новые принципы, и новые методы исследования объектов, находящихся в состоянии «информационной неопределенности» по причине их качественного преобразования, являются естественные науки – физика, химия, биохимия, астрономия и др. Именно они делают сегодня фундаментальные открытия, позволяющие научными средствами фиксировать и объяснять факты существования инвариантов в разнонаправленных процессах и появления новых качеств вне логики классических научных схем.

Разумеется, философское знание не способно и не должно быть некоей синтетической наукой, нивелирующей существенные различия, пролегающие между науками о природе и науками о человеке, т. е. между науками, которые дифференцируются по степени «субъективированности» объектов. Вместе с тем именно единое методологическое основание способно выявить то общее в характере исследуемых объектов, что не только онтологически объединяет неживую, живую и социально организованную материю, но делает их однопорядковыми прежде всего – в гносеологическом плане.

В отечественной литературе исследователи антропосоциогенеза долгое время традиционно использовали в качестве методологического основания диалектико-материалистическую концепцию форм движения материи и разрабатывали проблему в основном в трех направлениях: как целостную проблему человека¹⁴, как проблему возникновения

¹⁴ См.: например: *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. – Л., 1968; *Проблема человека в современной философии.* – М., 1969; *Батенин С.С.*

социального¹⁵ и как теоретическое обоснование ряда частнонаучных проблем¹⁶.

Но для того, чтобы целостно проанализировать проблему механизмов антропосоциогенеза, необходимо не только создать теорию переходных состояний развития и, следовательно, выявить общие закономерности всякого перехода от одного качества к другому, но и вскрыть основную историческую связь социального и биологического в акте возникновения, обнаруживающую сущность изучаемого объекта (выявление специфического).

Проблема выявления основной исторической связи антропосоциогенеза – это, по сути, проблема взаимосвязи биологического и социального в акте возникновения социального из недр биологического. Но что есть социальное? Чем отличается человек как живое существо, ведущее групповой образ жизни, от всех других представителей животного мира? В чем суть этого отличия?

Марксизм рассматривает человека как общественное существо, представляющее собой высшую ступень развития животных организмов на Земле, способное производить орудия труда, использовать их в своем воздействии на окружающий мир, обладающее речью и сознанием. Отличие современного человека от животных на первый взгляд, таким образом, ясно: это *опосредованный* трудом способ его существования. Однако «главная логическая задача состоит как раз не в том, чтобы найти то или иное отличие человека от животного, а в том, чтобы объяснить его возникновение. Сказать, что оно «постепенно возникло», – значит ничего не сказать, а увильнуть... наука повелительно требует ответа на другой вопрос: почему?»¹⁷.

Человек в его истории. – Л., 1976; Крутова О.Н. Проблема человека в социальной философии марксизма. – М., 1990; и др.

¹⁵ См., например: Федосеев П.Н. Проблема социального и биологического в философии и социологии // Вопр. философии. – 1976. – № 3; Биологическое и социальное в развитии человека. – М., 1977; Мархинин В.В. Диалектика социального и биологического в процессе становления этноса. – Томск, 1989; Андреев И.Л. Происхождение человека и общества. – М., 1988; и др.

¹⁶ См., например: Сержантов В.Ф. Философские проблемы биологии человека. – Л., 1974; Москаленко А.Т., Сержантов В.Ф. Личность как предмет философского познания. – Новосибирск, 1984; и др.

¹⁷ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. – М., 1974. – С. 43.

С методологической точки зрения проблема возникновения первичной производственной группы («трудового акта») является ключом к решению проблемы антропосоциогенеза, и выявление механизмов перехода от биологической к социальной форме движения материи есть прежде всего выявление причин и способов формирования первичных трудовых связей¹⁸. Проблема возникновения труда широко исследована в марксистской литературе, но интерпретирована по-разному. Совершенно справедливо подчеркивая решающую роль труда в возникновении и развитии человеческих форм коллективности и пытаясь найти его истоки, некоторые авторы помещали в недра биологической формы движения материи «предпроизводство»¹⁹, «рефлекторный труд»²⁰ и даже «противоречие между опосредованной функцией естественных органов» и «формой животной непосредственности отношения к объекту»²¹.

Пытаясь обосновать генетическую связь труда (социального) с биологическим, авторы, в сущности, механически привнесли новое качество (пусть и в зачаточном состоянии) в исходное, т. е. вольно или невольно встали на позиции преформизма. Ссылки на то, что предчеловеческая орудийная деятельность качественно отлична от производственной деятельности современного человека, по сути дела не меняют, поскольку тогда нужно объяснять, как индивидуальная орудийная деятельность превращается в общественную (коллективную), а такое объяснение в литературе отсутствует.

¹⁸ *Бажутина Т.О.* Происхождение человека: концепция переходных состояний развития: монография / Т.О. Бажутина. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 12.

¹⁹ *Гурьев Д.В.* Становление общественного производства. – С. 132.

²⁰ *Семенов Ю.И.* Предпосылки становления человеческого общества // История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. – М., 1983. – С 241–242. Следует отметить, что позже Ю.И. Семенов избегает таких неосторожных определений. «В период антропосоциогенеза, – пишет он, – человеческое общество одновременно и существует, ибо оно уже возникает, и не существует, ибо оно еще не возникло. Всякое становление является единством бытия и небытия» (см. Семенов Ю.И. На заре человеческой истории. – С. 16). Эта мысль Ю.И. Семенова вплотную приближает к научному пониманию переходных состояний, но одновременно недостаточно ясно обрисовывает пределы и уровни «бытия и небытия», что делает эти категории в данном контексте расплывчатыми и неопределенными.

²¹ *Семенов Ю.И.* Антропосоциогенез // Марксистско-ленинская теория исторического процесса. – М., 1981. – Ч. 1. – С. 38.

Между тем, это один из существеннейших вопросов проблемы. Данные этологов, например, свидетельствуют, что факты устойчиво существующей орудийной деятельности относительно малочисленны, но зарегистрированы лишь у существ, ведущих одиночный образ жизни. Исключение составляет отряд приматов, но и среди них опыт обращения с орудиями, как правило, даже передаваясь от особи к особи, не превращается в коллективно организованную деятельность, подобную той, которую демонстрируют, например, хищники при стайной охоте. Каким образом производственная деятельность при своем возникновении облекается «в животную оболочку не только условно-рефлекторного поведения, но и зоологического объединения»²², остается неясным, ибо никакой «постепенностью», на которую ссылаются авторы указанных подходов, столь существенный момент становления общественного производства объяснить нельзя.

Не зная логики развития сущности, познать самое сущность невозможно.

Трудности выявления истоков возникновения общественных отношений зачастую кажутся непреодолимыми: «Человеческая деятельность, – пишет, например, А. Портман, – происходит из истоков, которых мы не знаем и не можем постичь научно»²³. В другой работе он подчеркивает, что наука не способна «преодолеть темную зону тайны, которая окутывает наше происхождение»²⁴. Другой зарубежный исследователь, Эдвард О. Уилсон, в своей монографии «Социобиология», в которой под специфическим углом зрения исследуется проблема закономерностей, приведших к появлению человека и общества, не без основания замечает: «Представить себе главные черты социального поведения у всех организмов сразу, от колониальных водорослей до человека, значит столкнуться с парадоксом». Он раскрывает этот парадокс, делая вывод о том, что биологические (первичные) типы социальности «несовместимы с высокоорганизованными индивидами»²⁵.

²² Семенов Ю.И. Антропосоциогенез // Марксистско-ленинская теория исторического процесса. – М., 1981. – Ч. 1. – С. 39.

²³ Portmann A. Umzuchtung des Menschen? Aspekte heutiger Biotechnik // Universitas. – 1966. – Hf. 8. – S. 802.

²⁴ Portmann A. Zoologie und neue Bild des Menschen. Biologischen Fragmente zu einer Lehre vom Menschen. – Basel: Rowohlt, 1951.

²⁵ Wilson E.O. Sociobiology. The new synthesis. – Cambridge: Harvard Univ. Press, 1975. – P. 375.

Не вдаваясь в глубь научных споров о предметах социобиологии и социозтологии, следует отметить, что речь идет о качественном отличии групповой организации человека, в основании которой лежит способность обеспечивать через систематическую орудийную деятельность воспроизводство сообщества посредством синтеза несовместимой в биологическом мире предельной индивидуализации особей с интересами сообщества, объединенного в группу вне периодов биологического воспроизводства. В животном сообществе млекопитающих высокий интеллект особи обычно предопределяет ее одиночный образ жизни вне периодов размножения, охоты или выхаживания потомства. Человек же в условиях одиночного существования не способен к саморазвитию и даже утрачивает, вместе с угасанием культурных навыков, интеллектуальные навыки. Объяснить этот феномен посредством обращения к факту орудийной деятельности не удастся.

Сама по себе орудийная деятельность в животном мире не является исключительной привилегией человека. Но она встречается только у высокоорганизованных²⁶ индивидов отдельных отрядов и семейств практически всех основных классов – дятлового вьюрка, осы-аммофилы, осьминогов и некоторых видов млекопитающих. Практически во всех случаях орудийная деятельность является особой формой приспособления к среде в условиях ограниченных источников питания и за исключением отряда приматов всегда, даже при стадном образе жизни, осуществляется индивидуально, без передачи постоянно расширяющегося орудийного опыта от одной особи к другой, тем более – в условиях отсутствия сиюминутной потребности в данного опыта, «впрок».

Вместе с тем исследователи фиксируют, что у многих колониальных, особенно морских, птиц и млекопитающих, имеются своеобразные социальные образования, единственная известная до сих пор функция которых – непосредственное общение, не подразумевающее обучения по принципу «делай, как я»²⁷. Следовательно, в подобных

²⁶ Под «высокоорганизованными» биологическими образованиями, по-видимому, следует понимать любые органические образования, обладающие широким спектром адаптивных способностей в отличие от узкоспециализированных существ, сумевших освоить ограниченное число экологических ниш. Подробнее об этом см. Грант В. Эволюция организмов. – М., 1980; Грант В. Эволюционный процесс. – М., 1991; и др.

²⁷ Плюснин Ю.М. Проблема биосоциальной эволюции. – Новосибирск, 1990. – С. 140–141.

сообществах имеются механизмы биологической передачи «опосредованного чужого опыта», хотя и вне орудийной деятельности. «Налицо парадокс, – отмечал В.И. Плотников, – нуждающийся в теоретическом разрешении: совместная трудовая деятельность людей не могла возникнуть ни из эволюции сообществ, ни из эволюции орудийной деятельности, а между тем других общебиологических путей, ведущих в социальный мир, не существует»²⁸.

Чтобы познать антропосоциогенез как исторический процесс, необходимо знать конкретные предпосылки, служащие основой для преобразования животной формы в направлении очеловечивания. Кроме того, необходимо выявить наиболее существенные характеристики развитой сущности, т. е. современного человека и современного общества, для осуществления философского анализа их становления. Еще Гегель утверждал: «...то, что становится вначале как элементарное и из чего, как предполагают, должны быть выведены положения данной науки, оказывается неочевидным и имеющим свою причину и обоснование скорее в последующем»²⁹. Это особое отклонение от совокупности логического и исторического К. Маркс выразил в образном положении: «Анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны». Следовательно, чтобы понять суть и логику антропосоциогенеза, вполне обоснованно искать и определять в качестве непосредственных предпосылок очеловечивания такие биологические характеристики и свойства исходного качества, которые в дальнейшем составили основу способа жизнедеятельности человека.

Простым перечислением биологических предпосылок, обусловивших появление социального качества, ограничиться при этом, разумеется, невозможно, так как главной задачей исследования проблемы происхождения человека и общества является необходимость выявления причин и механизмов выхода за пределы биологического. Конечные предпосылки возникновения социального должны принципиально выводиться из биологического качества и обладать совершенно определенной спецификой дальнейшего развития, восходящей прежде всего к таким фундаментальным, но взаимоисключающим друг друга в биологическом мире характеристикам, как индивидуализм и коллективизм. Проблема «начала», таким образом, сводится к определению исходного этапа развития, основанному на выявлении исходной клеточки восхождения от абстрактного к конкретному.

²⁸ Плотников В.И. Социально-биологическая проблема. – С. 60–61.

²⁹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – М., 1970. – Т. 1. – С. 360–361.

Проблема выделения свойств исходной клеточки социального познания и исходной клеточки социальной формы движения материи активно обсуждается в современной отечественной философской литературе³⁰. В рамках трактовки систем, сформулированной на основе категориально-терминологического аппарата материалистической диалектики, выделено два аспекта исследований: генетический и функциональный. При этом проведены различия между, с одной стороны, «исходной клеточкой социальной философии» и «исходной (генетической) клеточкой» восхождения в социальной философии, а с другой – «исходной (генетической) клеточкой и абстрактно-всеобщей клеточкой социальной системы (абстрактная системная модель)»³¹. Поиск такой исходной генетической «клеточки» антропосоциогенеза как основания процесса перехода от биологического к социальному качеству обусловлен содержанием конкретных требований метода восхождения от абстрактного к конкретному, предполагающих необходимость фиксации того конкретного тождества, которое представляет собой исходный этап развития основного противоречия данной системы. Только при условии выявления и описания собственного основания системы антропосоциогенеза можно раскрыть взаимообусловленность сторон его движущего противоречия.

Реконструкция процесса генетического становления общественных отношений, являющихся исходной клеточкой восхождения в социальной философии, несомненно, является крайне сложной задачей, поскольку сама система отношений материального производства не представляет собой чего-то вещественного. Фактический материал, накопленный археологией, палеоантропологией, этологией, палеолингвистикой и другими конкретными науками, не может быть поэтому единственным основанием для теоретических выводов, хотя и способен выполнять роль важнейшего корректирующего и направляющего средства. Из-за отсутствия прямых данных о становящихся общественных отношениях первостепенное значение «приобретают общетеоретические положения, которыми руководствуется исследователь в своей попытке

³⁰ См., например: *Фофанов В.П.* К методологии изучения социальной формы движения материи // *Методологические проблемы науки.* – Новосибирск, 1976.

³¹ *Фофанов В.П.* Применение метода восхождения от абстрактного к конкретному в историческом материализме // *Методологические проблемы науки.* – Новосибирск, 1981. – С. 150–151.

нарисовать более или менее конкретную картину становления общественных отношений»³².

Одним из таких методологических положений является отрицание принципиальной возможности решения проблемы происхождения человека и общества вне комплексного решения проблемы происхождения труда, языка, мышления и социальной организации. Попытки одностороннего решения проблемы рано или поздно оказываются теоретически несостоятельными. Так, явно неправомерной представляется сегодня абстрагированная от генезиса других сторон сущности человека попытка генезиса общественного производства. «Возможность такого абстрагирования, – по мнению Д.В. Гурьева, – определяется относительной самостоятельностью существования и развития материального производства»³³. Система отношений материального производства, будучи исходным средством описания отдельных сфер *сформировавшегося* общества, действительно является абстрактной моделью всякой социальной системы, но сама не является чем-то исходным. Утверждать, что сообществам предлюдей свойственны производственно-технические и экономические отношения, создававшие производственно-техническую, динамическую и *экономическую структуры этих сообществ*³⁴, – значит переносить на них экономические отношения сформировавшегося общества, что не решает проблему возникновения и формирования производственных отношений, проблему «начала», а только отодвигает ее в глубь биологической формы движения материи, вырывая из общего контекста антропосоциогенеза.

В соответствии с принципами диалектической концепции переходных состояний развития, стремясь научно реконструировать процесс очеловечивания обезьяны, исследователи правоммерно пытаются определить основное движущее противоречие исходного качества, чтобы на его основе выявить механизмы антропосоциогенеза. Однако широко распространенное в современной отечественной литературе понимание исходного пункта антропосоциогенеза как переходного состояния, на протяжении которого формирующийся человек выступал как «животное, вовлеченное в небιологическое отношение»³⁵, заводит исследова-

³² Семенов Ю.И. Антропосоциогенез // История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. – С. 228.

³³ Гурьев Д.В. Становление общественного производства. – С. 4.

³⁴ Гурьев Д.В. Становление общественного производства. – С. 171.

³⁵ Туровский М.Б. Труд и мышление. – М., 1963. – С. 68.

телей в конечном итоге в тупик, так как противоречит исходному в марксизме постулату о закономерности возникновения человека в результате естественной биологической эволюции. При таком подходе «небиологические отношения» оказываются привнесенными извне, а не порожденными изнутри биологической формой движения материи. Как следствие, нарушается и принцип самоустраняющегося действия естественного отбора³⁶, поскольку на нечто, привнесенное извне, действие отбора, даже «самоустраняющегося», не может распространяться в принципе, а практика доказывает, что человек современный, точнее, телесная его часть, и по сию пору продолжает оставаться существом биологическим.

Вывод о том, что «орудийная деятельность ранних гоминид вступала в конфликт с той формой всеобщности, которая лежала в основе ее возникновения», есть, по существу, признание движущего противоречия антропосоциогенеза как противоречия между индивидуальной и коллективной деятельностью. Вероятно, именно это имеет в виду Ю.И. Ефимов, заявляя, что «...преодоление сложившегося противоречия шло в направлении коренного изменения самой структуры коллективно организованной деятельности». Но в таком контексте с этой, исходно правильной, позицией вряд ли можно согласиться, ибо закономерно возникает вопрос о том, каким именно образом была «коллективно организована» орудийная деятельность ранних гоминид, называемых Ю.И. Ефимовым «предсоциальной орудийной адаптацией», которая «существенно (но не полностью) определяла выживание предчеловеческих стад»³⁷.

В этой связи самого пристального внимания заслуживает концепция возникновения «элементарной социальной связи», выдвинутая В.И. Плотниковым. Предположение о том, что систематическая подработка орудий становится коллективной уже в стаде обезьян, он справедливо опровергает на том основании, что элементарная социальная связь обуславливает *систему регулирования*, ориентированную прежде всего на внешнюю деятельность – обмен веществом и энергией, т. е. такой механизм коллективной воли, который не подавляет отдельную особь, а побуждает ее к совместному действию. Такой системой регулирования в рамках стада обезьян с устоявшимися функциями и взаимозависимостями не может быть никакое, даже самое примитивное,

³⁶ *Кремянский В. И.* Структурные уровни живой материи. – М., 1969.

³⁷ *Ефимов Ю.И.* Природное и общественное в человеческой предыстории // Человек и природа. – М., 1980. – С. 20.

осознание вреда зоологического индивидуализма и преимуществ совместной орудийной деятельности, которая делает особь слишком независимой от сообщества вне репродуктивных периодов. «Стадо обезьян, даже в том случае, если все его особи ведут орудийную деятельность, никогда не сможет (имеется в виду «по биологическим законам». – Т. Б.) превратиться в стадо формирующихся людей»³⁸, так как стадные формы регуляции и взаимосвязи не позволят иных взаимоотношений между особями, кроме биологических отношений генетического воспроизводства.

Таким образом, орудийная деятельность животных, будучи индивидуальной по своему характеру и генезису, породить даже самые примитивные производственные отношения не способна, так как по биологическим законам не может быть индуцирована. Не способны породить организованную (коллективную) орудийную деятельность и биологические сообщества, поскольку ни одно из них не нуждается в иных функциях, кроме воспроизводимых генетическим путем. Тем не менее человек и общество возникли из недр биологической формы движения материи естественным путем (если, конечно, отбросить предположение, что в этот процесс вмешалась некая Высшая Сила). Следовательно, существовала и определенная логика этого процесса, которая, наряду с исходным движущим противоречием, должна быть научно выявлена.

Исходя из понимания сущности всякого скачка как процесса разрешения имманентно вызревшего противоречия между сущностно значимыми сторонами старого качества выявление этого исходного противоречия возможно через сопоставление структуры процесса перехода в новое качество с его результатом. «Победа» в ходе антропогенеза социальных отношений с сопутствующим им комплексом человеческих характеристик, возникновение которых невозможно вне общества (речь, мышление, труд и др.), доказывает, что одной из сторон движущего противоречия является отбор на приспособленность непосредственных предшественников человека к социальному (в первичном, биологическом смысле этого слова) способу существования. Давлению отбора в этом направлении способствовали такие биологические предпосылки, как адаптивно выгодные полуназемным и наземным приматам большие размеры группы, облегчающие защиту, конкуренцию и коллективную (в биологическом значении слова, т. е. сов-

³⁸ Плотников В.И. Социально-биологическая проблема. – С. 121.

местную) охоту³⁹, отсутствие четко выраженного сезона размножения, требующего непрерывной или, во всяком случае, длительной связи между особями разного пола. К образованию семейных групп и развитию стадности приводила (а в стадах обезьян приводит в настоящее время) и необходимость длительных связей между детенышем и самкой. Положение Ф. Энгельса о том, что «нельзя выводить происхождение человека, этого наиболее общественного из всех животных, от необщественных животных предков»⁴⁰, в этом отношении бесспорно.

В литературе достаточно обоснована биологическая необходимость индивидуальной орудийной деятельности высших антропоидов, обусловленная отсутствием у каждой отдельной особи морфофизиологических приспособлений для индивидуальной обороны от хищников, малой массой тела, наличием сложноорганизованного мозга и развитых, способных к достаточно тонкому манипулированию предметами, передних конечностей. Тезис о генетическом развитии и закреплении у ранних гоминид «тенденции к индивидуализации», позволившей выжить лишь наиболее «сообразительным» особям, подтверждается и положениями современной теоретической биологии.

Так, известный специалист по биологической эволюции Добжанский в одной из своих работ, посвященной роли естественного отбора применительно к человеку, решающее значение отводит индивидуальному отбору, который, по его мнению, действовал различными способами⁴¹. Действие индивидуального отбора по индивидуальным признакам у высших приматов проявлялось в развитии высшей нервной деятельности, подвижности психики, увеличении общей продолжительности внутриутробных и постнатальных стадий до достижения половой зрелости⁴², что и обуславливало возможность предельного для животного мира развития и закрепления «зоологического индивидуализма».

Главным источником эволюции гоминид – в том числе и в направлении сапиентизации являлось противоречие между их потребностью в автономном по отношению к сообществу существовании (выражающемся в способности к индивидуальной орудийной деятельности и высоком коэффициенте энцефализации⁴³), с одной стороны, и «невоз-

³⁹ Грант В. Эволюция организмов. – С. 358.

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 20. – С. 488–489.

⁴¹ Dobzhansky Th. Mankind Evolving. – New Hawen, Conn.: Yale University Press, 1962.

⁴² Цит по: Грант В. Эволюционный процесс. – М., 1991. – С. 430.

⁴³ Там же. – С. 429.

возможностью удовлетворить другие, не менее могучие потребности вне условий стадного существования» – с другой. Это противоречие, фиксируемое исследователями антропосоциогенеза разных школ и направлений, не могло не создавать состояния эволюционной напряженности, неустойчивости способа существования прегоминид и гоминид, «которые одновременно и нуждались в стадной жизни, и не могли существовать в тех узких рамках биологического регулирования, которые характерны для стадного существования»⁴⁴. Экологические условия, в которых начался и протекал антропосоциогенез, вынуждали предшественников человека к переходу из одной среды в другую (смена экологической ниши)⁴⁵, который не мог не вызвать (вместе с перестройкой локомоторного аппарата и другими морфофизиологическими модификациями) и смену видового поведенческого стереотипа. Освоение новой экологической ниши, безусловно, инспирировало и переход к систематическому использованию различных предметов в качестве орудий, а также и их подработку (но это еще не труд!) и, что не менее важно, сплачивало сообщества. В последнем «была единственная возможность выжить и сохраниться для индивидуально сильных, но достаточно разобщенных между собой внутри стада животных»⁴⁶.

Предположение, сделанное Д.В. Гурьевым, что последующее преобразование стадности в собственно социальную структуру произошло путем постепенного усложнения и дифференциации орудийной деятельности на производство орудий и их применение⁴⁷, было бы верным, если бы социальная организация не должна была опосредствоваться общественным целеполаганием, т. е. общественным сознанием. Разумеется, труд может существовать в самых различных

⁴⁴ Плотников В.И. Социально-биологическая проблема. – С. 132.

⁴⁵ Факт перехода в иную среду признается исследователями в разной степени: от перехода из одного сходного ландшафта в другой до полной смены экологической ниши. Однако все исследователи связывают воедино приобретение ортоградности (прямохождения) и географические условия. Советский ученый В.П. Алексеев сводит все существующие точки зрения на этот счет к двум модельным схемам: в соответствии с одной из них был осуществлен переход к прямохождению при освоении скалистой местности, в соответствии с другой – при переходе из леса в открытые безлесные пространства (см. об этом подробнее: Алексеев В.П. Становление человечества. – С. 139–140).

⁴⁶ Алексеев В.П. Становление человечества. – С. 143.

⁴⁷ Гурьев Д.В. Становление общественного производства. – С. 173.

формах, и роль его на различных этапах филогенеза гоминид не была одинаковой. Но труд с самого своего возникновения есть «целесообразная деятельность – или самый труд, предмет труда и средства труда»⁴⁸. Самые примитивные формы производственных отношений как отношений, в процессе которых создаются внеприродные ценности, могут быть охарактеризованы как трудовые только в соответствии с этим критерием, только при наличии целесообразной орудийной деятельности, невозможной в рамках биологической формы движения, внутри которой нечто надбиологическое если и может быть создано случайным образом, то не может быть воспроизведено и распространено в пространстве и во времени. Из позиции же Д.В. Гурьева следует, что с началом орудийной деятельности дана и социальная сущность стадной коллективности, только укрепляющаяся в ходе антропосоциогенеза посредством совершенствования собственной структуры. Сам процесс очеловечивания есть при этом не что иное, как однолинейный процесс в направлении неуклонного совершенствования производственной деятельности.

Между тем антропосоциогенез обладает противоречивым и разнонаправленным характером, а орудийная деятельность хотя и сыграла роль определяющего фактора преобразования стадности в собственно социальную структуру, но далеко не так однолинейно. Факты, например, свидетельствуют, что эволюция орудий труда происходила с иной, нежели эволюция морфофизиологии предлюдей, скоростью, в иные временные интервалы и с иной последовательностью. И хотя В.П. Алексеев, например, считает, что «скорость эволюционных преобразований, если рассматривать вопрос философски, не входит составной частью в определения явлений, сами явления в природе и обществе классифицируются по формам движения материи, а не по интенсивности движения, не по скорости обмена энергией, другими словами, не по энергетическим, а по структурным уровням»⁴⁹, факт стабильности орудий на ранних стадиях антропосоциогенеза, а также более низкие, нежели у морфологии предлюдей, темпы их изменений, действительно не являясь аргументом против признания их орудиями, все же нуждаются именно в философской интерпретации.

Революционная роль орудийной деятельности и обусловленного ею «разумного типа поведения» заключалась, вероятно, в том, что они

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 23. – С. 188–189.

⁴⁹ Алексеев В.П. Становление человечества. – С. 146.

задавали специфическую форму самодвижению эволюции гоминид, которая вела к полному раскрытию и, вследствие этого, к полному исчерпанию всех потенциальных возможностей, заложенных в биологическом содержании гоминизирующихся сообществ. Самоисчерпание возможностей дальнейшего развития вело к предельному обострению внутренних противоречий, которые разрешались посредством радикального преобразования развившейся сущности. И это преобразование коренным образом изменяло не только содержание, но и форму исходного качества. Изменение исходного качества при этом осуществлялось совершенно специфическим образом, но в соответствии с общими закономерностями снятия.

Если принять в качестве обоснования для последующего анализа тезис о специфической форме самодвижения эволюции гоминид, проблему «начала» человеческой истории можно решить под несколько иным, нежели традиционный, углом зрения, но сохранив при этом научную преемственность с частнонаучными исследованиями. Однако для того, чтобы последовательно развернуть и аргументировать этот новый подход, необходимо предварительно выявить основные методологические проблемы антропосоциогенеза, а также обосновать и углубить имеющиеся представления о механизмах и факторах преобразования исходного качества.

1.2. Методологические проблемы исследования антропосоциогенеза

Выявление методологических проблем теории антропосоциогенеза есть философское исследование *принципов и методов* теоретического познания, которые используются в научных работах, посвященных изучению перехода от биологического уровня реальности к социальному. Без этого невозможен критический анализ обобщений специальных наук, изучающих антропосоциогенез и их теоретически достоверный синтез.

В каждой частной научной ситуации, когда требуется измерить и зафиксировать научными средствами какую-либо величину, физик знает, какой способ измерений ему выбрать; биолог-генетик, поставивший задачу изменить наследственные свойства организма, знает какими ферментами, нуклеазами и в каком месте разорвать двойную спираль ДНК и с помощью каких других активных препаратов «склеить» из этих обрывков новые молекулы. Во всех подобных случаях

специалисту достаточно владеть профессиональной информацией, теориями смежных дисциплин и набором научно выверенных методов, понимаемых как объективированные и тиражируемые в пространстве и во времени способы осуществления какой-либо деятельности. Когда же речь заходит о необходимости пересмотра старых теорий или о создании новых, изучающих либо новый класс объектов, либо новые свойства старых объектов, дело существенно меняется. Для нового подхода к научно достоверному изучению сначала требуется формулировка принципов построения новой теории, т. е. новых идей, которые заложены в ее основание и служат гносеологическими критериями истинности при выявлении фактов и соотнесении их с теорией и практикой. Принципиально новые методы в науке невозможно создать, не объяснив научному сообществу, как минимум, почему нужно отказаться от старого.

Система принципов и методов, как известно, называется методологией. И если с исследованием и формулировкой методов успешно справляются частные науки, то анализ и формализация принципов, как правило, является функцией философского уровня теории частной науки. Именно на философском уровне обобщения формулируются законы любой новой частной науки или ее раздела – теории нечетких множеств в математике, теории относительности в физике, эволюционной теории в биологии и т. д.

Любая методология предполагает вполне определенную совокупность требований к мыслящему субъекту. Эти требования существуют в комплексе, точнее – системе, но при разработке методологических принципов есть свои сложности: развитие философии никогда не было однолинейным.

Для того чтобы разработать эффективную методологическую систему, необходимо не только знание методов исследования конкретного объекта и предмета, важен и выбор определенной цели, и характер подхода к ее достижению. В противном случае процесс познания будет осуществляться неэффективно и, по сути, непродуктивно. Лейбниц, как известно, приводил следующий пример: если войти в огромные часы через заднюю дверцу и добросовестнейшим образом изучить все детали часового механизма и все их взаимодействия, то можно узнать массу интересных вещей, кроме одной: который час. И уж, конечно, в этом случае будет невозможно понять, какое значение имеет для людей Время, и в чем смысл ситуации, при которой часы сигнализируют полдень, и в чем – когда они указывают полночь.

Как известно, исторически философский подход к построению методологии изучения и описания проблем имеет две главные традиции: а) аристотелевскую, б) галилеевскую. Эти традиции связаны, соответственно, с попытками человека понять предметы (явления) либо телеологически (какова их цель?), либо каузально (объяснить, какова их причина?). Каждая из этих традиций имеет свои положительные и свои отрицательные (негативные) стороны при построении методологии решения конкретных проблем. Так, на основе аристотелевской (телеологической) традиции сформирован структурно-функциональный и структурно-генетический подходы, которые вполне удовлетворительно объясняют исследуемые объекты в их существовании вне учета зависимости этих объектов от внешней изменяющейся среды. Иными словами говоря, на основе телеологического подхода относительно успешно исследуются статичные (устойчивые в своей форме) во времени и пространстве или линейно развивающиеся объекты. Галилеевская (каузальная) традиция дает начало детерминистскому и системному подходам, которые выявляют причинно-следственные связи и отношения изменяющихся объектов. Вместе с тем каузальный подход не способен фиксировать инварианты качественных изменений и, фиксируясь на внешней среде, ограничивается лишь указанием на то, что объект существует. Между тем антропосоциогенез – процесс, не просто имеющий качественную определенность (инвариант), но и объект, открытый для взаимодействия с внешней средой и от нее зависящий. Исследователю антропосоциогенеза необходимо совместить обе традиции, что само по себе является сверхсложной задачей.

Методология имеет также: а) материалистическую, б) идеалистическую традиции; а) монистическую, б) дуалистическую, в) плюралистическую традиции. К построению методологии можно подходить также сциентистски (т. е. исходить из тезиса о принципиальной возможности постижения истины) или антисциентистски (т. е. считать, что истина либо принципиально недостижима, либо может быть познана лишь в усеченном, неполном виде); диалектически (учитывать процесс развития и его закономерности) и антидиалектически (не учитывать в процессе познания целенаправленного, но противоречивого процесса изменения объекта); дедуктивно-номологически (исходить в познавательном процессе из наиболее общих посылок или понятий) и индуктивно-вероятностно (исходить в познавательном процессе из единичных посылок или понятий). Телеологический подход может быть под-

разделен при этом на области функции и цели, с одной стороны, и интенционально – с другой. Наконец, к исследованию любого объекта возможно применение гуманитарной или естественнонаучной методологии. Естественнонаучная методология исходит в исследовании и описании объекта из явных предпосылок, гуманитарная – из неявных. Естественнонаучная методология работает только с наличной информацией об объекте, гуманитарная – включается в процесс исследования, если информации об объекте недостаточно или эта информация избыточна относительно имеющихся теорий, хотя и закономерна, т. е. существенна, необходима и устойчиво выявляется во времени и пространстве. По сути, формируя факты в процессе обработки информации, гуманитарная методология работает на основе принципа домысливания – обогащения или обеднения мыслью имеющейся информации.

Логически последовательное соблюдение в любых научных рассуждениях избранных для построения данной методологии принципов, позволяет построить научно доказательную теоретическую систему. Теории и концепции, сформированные на базе морально устаревшей или небрежно разработанной методологии – наиболее расплывчаты, бессистемны и малопродуктивны, даже если и близки к истине в своей гипотезе.

В своих настоящих и последующих рассуждениях о происхождении человека и его сущности логично не нарушать принципа исторической преемственности с классической наукой в главном ее пункте представлений о человеке – о его естественно-историческом происхождении. Отрицать или игнорировать общность человека с природой и животным миром, – бессмысленно, ибо это и есть главная загадка человека, остроумно, хоть и грубовато сформулированная социобиологом Моррисом в определении: «Человек – это голая обезьяна, летающая в космос, но не освобожденная от необходимости мочиться».

Поскольку антропосоциогенез явился, во-первых, естественно-историческим результатом эволюции биологической формы движения материи; во-вторых, стал высшим звеном ряда эволюционных направлений, так как благодаря своей специфике смог реализовать потенциалы, заложенные в новое содержание предшествующими этапами эволюции, и, в-третьих, был качественно новой формой эволюции, слившейся с эволюцией культурной, то диалектически вполне возможен и даже закономерен факт такого качественного скачка в живой природе, при котором исходным качеством выступил не конкретный биологический

вид, а крупный таксон в своих наиболее существенных связях и характеристиках.

Скачок, порождающий новое качество в виде новой формы движения материи, т. е. качественно иного, нежели биологической, уровня, разрешает противоречия, возникшие в недрах биологической формы движения и неразрешимые ее собственными средствами, путем принципиально нового сочетания биологических связей и характеристик⁵⁰. Однако понимание под исходным качеством антропосоциогенеза всего живого мира на Земле⁵¹, высказанное в отечественной антропологии, имеет, на мой взгляд, рациональный смысл только в пределах сопоставления двух форм движения – биологической и социальной, а при исследовании механизмов и специфических закономерностей самого процесса перехода от биологической к социальной форме движения материи, т. е. на более конкретном уровне изучения проблемы, необходим поиск минимально предельного признака (или комплекса признаков), представленного в качестве наиболее пластичного (перспективного) на исходном уровне живой природы. Решение этой задачи имеет определенное значение не только для нахождения материального носителя комплекса исходных признаков процесса очеловечивания, но и для реконструкции процесса становления нового качества в антропосоциогенезе в целом.

Вопрос о сущности скачка от прегоминид к людям широко обсуждался в археологической и антропологической литературе 60–80-х годов двадцатого столетия⁵². Гипотеза двух скачков (или единого скачка, имевшего два поворотных пункта – начальный и конечный), выдвинутая свыше тридцати лет назад известными советскими антропологами В.П. Якимовым и Я.Я. Рогинским, в целом была принята большинством исследователей, хотя интерпретирована зачастую по-разному. Так, П.И. Борисковский отстаивал идею, согласно которой период между двумя скачками (поворотными пунктами) «началом формирования homo sapiens» и «начальным этапом развития первобытно-общинного

⁵⁰ Плотников В.И. Социально-биологическая проблема. – С. 121.

⁵¹ Зубов А.А. Общие предпосылки гоминизации // *Вопр. антропологии.* – 1983. – Вып. 71. – С. 215.

⁵² См., например: *Борисковский П.И. Древнейшее прошлое человечества; Бунак В.В. Род Номо, его возникновение и последующая эволюция; Андреев И.Л. Происхождение человека и общества; и др.*

стройка»⁵³ был единым процессом, тем самым фактически отрицая существование второго скачка и отодвигая период «перехода» за нижние пределы «первого скачка» (поворота). Ю.И. Семенов, напротив, проводит грань, отделяющую животную морфофизиологическую организацию от человеческой, между хабилисами и питекантропами⁵⁴, относя австралопитеков и хабилисов к «животным особого рода – предлюдям»⁵⁵.

Существо разногласий связано с тем, что ископаемые остатки свидетельствуют о большом временном разрыве между появлением характеристик, считающихся истинно человеческими: прямохождение возникло на миллионы лет раньше начала изготовления орудий и коллективной охоты, а большой и сложноорганизованный мозг – много позже всех остальных признаков⁵⁶. В развитии кисти – второго существеннейшего признака «гоминидной триады» – также «обнаруживается не менее отчетливое замедление формирования тех морфологических особенностей, которые в наибольшей мере сближают ее по функциональным возможностям с кистью современного человека»⁵⁷. Теперь, когда «выяснилось, что производственная деятельность возникла и первоначально развивалась в условно-рефлекторной форме, – писал Ю.И. Семенов, – невозможно обойтись без четкого ответа на вопрос, что же именно кладет эту грань: переход от использования орудий к изготовлению орудий с помощью орудий или начало формирования мышления, воли, языка (возникших на поздних этапах антропосоциогенеза. – Т.Б.) и соответственно специфически человеческой морфологической организации»⁵⁸. На проходившем в 1964 г. в Москве VII Международном конгрессе по антропологии и этнографии был даже организован симпозиум «Грань между человеком и животным». Было намечено немало частных граней, но общая задача симпозиума осталась нерешенной.

⁵³ *Борисковский П.И.* Древнейшее прошлое человечества. – С. 160, 173. (К этой точке зрения присоединяется и большинство современных отечественных археологов.)

⁵⁴ *Семенов Ю.И.* На заре человеческой истории. – С. 25.

⁵⁵ К этой точке зрения присоединяется большинство отечественных антропологов.

⁵⁶ *Уошберн Ш.* Эволюция человека // Эволюция. – М., 1981. – С. 228.

⁵⁷ *Алексеев В.П.* Становление человечества. – С. 94.

⁵⁸ *Семенов Ю.И.* Предпосылки становления человеческого общества. – С. 242.

Признание в качестве критерия «человечности» следов деятельности высокоорганизованных приматов в виде орудий труда⁵⁹, малой семьи, занимающейся в основном собирательством и трупоедением⁶⁰, формы организации охотничьей деятельности и форм потребления⁶¹ и другие гипотезы, абсолютизирующие любую из сторон системного гоминидного комплекса, противоречат идее о магистральной линии прогресса (об ароморфозе), получившей признание среди специалистов по теоретической биологии. Ведь всякий ароморфоз, согласно А.Н. Северцову, имеет комплексный характер, и эволюционная ценность ароморфозов тем значительнее, чем гармоничнее взаимосвязаны, «пригнаны» признаки в этом комплексе. Отсутствие, недоразвитие или чрезмерное развитие отдельных признаков этого комплекса могут существенно отразиться на последующей эволюции группы. Эту важную особенность всякого ароморфоза необходимо учитывать при выявлении механизмов и закономерностей процесса гоминизации.

Конечно, реальный переход к социальной форме движения материи стал возможен исключительно благодаря трудовой деятельности, но последняя могла возникнуть только на основе комплекса специфически биологических предпосылок, сформировавшихся в процессе эволюции на разных уровнях развития. Каждый эволюционирующий тип представляет собой мозаику примитивных и прогрессивных признаков, неспециализированных и специализированных черт⁶², поэтому поиск наиболее существенных признаков морфологии, обеспечивших становление человека разумного типа, является принципиально важной задачей.

Проблема грани между «последним животным» и «первым человеком» является одной из наиболее «старых» в теории антропосоциогенеза. Одним из способов решения проблемы таксономического критерия гоминид является исследование классической триады ведущих морфологических признаков гоминизации: прямохождения, трудовой руки и краниофациальной системы. В советской литературе сформировалась традиция рассматривать генезис гоминидной триады в качестве особых этапов развития антропосоциогенеза.

⁵⁹ *Борисковский П.И.* Древнейшее прошлое человечества. – С. 29.

⁶⁰ *Бунак В.В.* Род Ното, его возникновение и последующая эволюция. – С. 155–169.

⁶¹ *Файнберг Л.А.* У истоков социогенеза: От стада обезьян к общине древнейших людей. – М., 1980. – С. 15.

⁶² См., например: *Алексеев В.П.* Становление человечества. – М., 1984.

Эта тенденция наиболее отчетливо проявилась в классическом отечественном учебнике антропологии: сначала произошла «дифференциация верхних и нижних конечностей», т. е. двуногое вертикальное хождение и свободная рука, позднее – большая величина мозга, еще позднее – полное развитие его высших центров⁶³. В современную зарубежную систематику, кроме того, при количественном и качественном анализе филогении гоминид включаются также некоторые биохимические признаки⁶⁴ и изменения генотипа⁶⁵.

Генетическое дистанцирование формирующегося человека от его предков пока не нашло общепризнанного объяснения в науке, однако и за рубежом (Г. Селье, Ф. Кликс), и в нашей стране множится число сторонников точки зрения, согласно которой фактором, ускорившим или даже ставшим пусковым механизмом антропосоциогенеза, явился стресс. Академик Д.К. Беляев неоднократно настаивал на важнейшей генетической роли стресса в процессах видообразования, и антропосоциогенезе в частности: «...психоэмоциональный стресс как бы обнажает скрытые до того (т. е. в условиях нормы) пласты наследственной изменчивости и включает в сферу действия отбора признаки и функции, наследственное разнообразие которых ранее маскировалось действием средовых факторов»⁶⁶. Ф. Кликс приходит к выводу, что стрессы, действовавшие на психику наших предков, изменяли поведенческие стереотипы, а вместе с ними – генотип⁶⁷.

Принципиальное отличие нового качества, полученного в ходе антропосоциогенеза, от биологического, на основе которого оно зародилось, проявилось в качественно новом типе взаимоотношений особей, основанном на систематическом производстве орудий труда искусственными средствами их обработки. Но определение морфологического критерия на этом основании сопряжено со значительными трудностями: «сам вопрос о выделении этого критерия очень сложен и дис-

⁶³ Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. – М., 1978. – С. 311.

⁶⁴ См., например: Черфаз Дж., Гриббин Дж. Новое о происхождении человека // Америка. – 1984. – № 332. – С. 38–42.

⁶⁵ Кликс Ф. Пробуждающееся мышление: У истоков человеческого интеллекта. – М., 1983. – С. 40–41.

⁶⁶ Беляев Д.К. О некоторых факторах эволюции гоминид // Вопр. Философии. – 1981. – № 8. – С. 75–76.

⁶⁷ См.: Кликс Ф. Пробуждающееся мышление: у истоков человеческого интеллекта.

куссионен, и в литературе нашли отражение весьма различные подходы к его решению»⁶⁸.

Ароморфоз, приведший к очеловечиванию, безусловно, основан на более или менее существенных морфологических признаках, но не ограничен ими. В этой связи мнение М.И. Урысона о том, что ароморфными признаками, обеспечившими переход к человеческой деятельности, явились только изменения конечностей и преобразования костей таза, связанные с прямохождением как особой формой жизнедеятельности высокоорганизованных антропоидов⁶⁹, основано на положениях современной теоретической биологии.

«Ароморфные изменения покоятся... обычно на одном каком-либо или нескольких частных приобретениях, которые при данных условиях среды сразу привели к крупным преимуществам для организма, поставили его в благоприятные условия для размножения, увеличили его численность и изменчивость (в благоприятных условиях существования), тем самым значительно ускорив темп дальнейшей эволюции всего организма в целом», – писал развивший учение А.Н. Северцова И.И. Шмальгаузен, отмечая, что «некоторые, даже незначительные, изменения организации приобретают в известных условиях среды иногда исключительно большое значение, сразу открывая перед организмом широчайшие возможности расширения сферы своей деятельности»⁷⁰. При этом «после ароморфоза всегда намечается широкая адаптивная радиация форм... развивающихся далее по пути алломорфоза и теломорфоза»⁷¹.

Накопленный в последние годы обширный палеоантропологический материал свидетельствует, что адаптивной радиации, причем в достаточно широких пределах, не избежали и гоминиды, участвовавшие в антропосоциогенезе. Характеристика ископаемых гоминид по степени их близости к современным формам высших антропоидов и человека позволила выделить в эволюции гоминид несколько линий

⁶⁸ Хрисанфова Е.Н. Эволюционная морфология скелета. – М., 1978. – С. 196.

⁶⁹ Урысон М.И. Некоторые теоретические проблемы современного учения об антропогенезе // *Вопр. антропологии*. – 1965. – Вып. 19. – С. 33.

⁷⁰ Шмальгаузен И.И. Пути и закономерности эволюционного процесса. – М., 1983. – С. 212–213.

⁷¹ Шмальгаузен И.И. Пути и закономерности эволюционного процесса. – М., 1983. – С. 208.

(филумов, стадий), но не решила проблему таксономических критериев, выявление которых затруднительно из-за резкого полиморфизма гоминид на всех стадиях развития и отягощено не во всех случаях поддающимися систематизации сходством групп друг с другом⁷².

Под комплексом, обусловившим выделение гоминид из мира животных и детерминировавшим переход к двуногой локомоции, в настоящее время признается триада взаимосвязанных факторов: всеядность, вызванная оскудением источников питания; необходимость расширения кругозора, способного обеспечить своевременное бегство от хищников при исторически вынужденном переходе к преимущественно наземному существованию; использование внешних предметов для добывания пищи. Д. Джохансоном и М. Иди была высказана любопытная гипотеза⁷³, согласно которой возникновение прямохождения, приведшего к очеловечиванию, объясняется биологической необходимостью изменения стратегии воспроизводства высших антропоидов ради сохранения вида.

Гипотеза базируется на признании биологией двух основных типов стратегии воспроизводства видов: R-стратегии и K-стратегии. В первом случае организм продуцирует огромное количество яиц, на каждое из которых затрачивается мало энергии, – этот подход в своем крайнем выражении представлен устрицей, которая производит до 500 миллионов яиц ежегодно, из которых доживает до зрелого возраста незначительная часть. При другом подходе организм производит совсем мало яиц, но в каждое вкладывает много энергии. Предельный случай K-стратегии представляют как раз высшие антропоиды, самки которых производят одного детеныша один раз в пять-шесть лет, что в итоге составляет два-три детеныша за всю жизнь и ведет к снижению численности вида, несмотря на индивидуальную приспособленность и высокие адаптивные способности каждой особи в отдельности. Выход из эволюционной туиковой ситуации, с точки зрения авторов гипотезы, заключался в постепенном изменении K-стратегии, в переходе к более высокой частоте рождаемости, что невозможно сделать, если не снизить энергозатраты самки. Такое снижение и произошло при переходе к двуногости: теперь самка, потерявшая способность быстро бегать и тем сэкономившая свои силы, могла одновременно выкармливать не

⁷² Бунак В.В. Род Ното, его возникновение и последующая эволюция. – С. 22–37.

⁷³ Джохансон Д., Иди М. Люси. Истоки рода человеческого. – М., 1984. – С. 227–253.

одного, а нескольких детенышей, рожденных последовательно один за другим, в то время как у самок антропоидов наступление эструса тормозится до тех пор, пока детеныш не достигнет примерно пяти лет.

Началом процесса гоминизации в настоящее время считается ранний плиоцен или миоцен. Древнейшую форму гоминид составили рамапитеки, отличавшиеся от существовавших в то же время дриопитеков и сивапитеков своим сходством по ряду признаков с гоминидами. Следующую стадию в эволюции гоминид представляет подсемейство австралопитековых. Включение их в семейство гоминид до настоящего времени не является бесспорным. Так, некоторые исследователи включают в это семейство только крупных архантропов, обладающих высоким развитием «органов труда»⁷⁴. Правомерное включение фактора адаптации к трудовой деятельности в «адаптивную зону» гоминид исключает, по существу, при таком подходе из этого семейства представителей самой ранней и длительной фазы «трудогенеза», так как фактически делается попытка определить грань между прегоминидами и людьми, исходя только из данных телесного строения, которое отнюдь не является бесспорным критерием человечности. Методологической основой такой узкой, на наш взгляд, трактовки критерия грани между предлюдьми и собственно людьми является абсолютизация генезиса морфологической организации предлюдей в более или менее едином направлении. Речь же может идти только о *направленности* развития некоторого комплекса морфологических признаков, включающего в себя в *том числе* и адаптацию к орудийной деятельности.

Новые палеонтологические факты, собранные М. Лики⁷⁵, свидетельствуют, что морфогенез формировавшихся людей сопровождался утратой обезьяньих черт и приобретением человеческих с многочисленными боковыми отклонениями: ранним появлением прогрессивных признаков и более поздним – регрессивных и т. п. Объем мозга, форма зубов и длина ног эволюционировали с разной скоростью, что неизбежно приводило к смешению и даже стиранию этих признаков в ходе эволюции.

Неравномерность морфологической эволюции, особенно отчетливо выступающая на ранних ее стадиях, на этапах развития науки, предше-

⁷⁴ *Зубов А.А.* Систематические критерии рода Номо и его эволюция // *Вопр. антропологии.* – 1972. – Вып. 41.

⁷⁵ Излагается по: *Иди М.* Возникновение человека. Недостающее звено. – М., 1977. – С. 15, 41, 44–45, 76–77, 103, 120–122, 126.

ствующих появлению синергетического подхода и характеризующихся слабой проработкой гегелевской категории «снятие», породила генеалогический подход, наиболее явно выраженный в позиции М.И. Урысона⁷⁶, предложившего включить в семейство гоминид всех высших приматов, обладающих двуногим способом локомоции, с момента разделения линий эволюции на гоминид и понгид. При таком подходе человек интерпретирован как наиболее поздний гоминид, изготавливающий орудия и обладающий сознанием. На позиции включения в семейство гоминид всех прямоходящих антропоидов, обладающих свободными для манипулирования верхними конечностями, стоит в настоящее время большинство отечественных антропологов⁷⁷, что не исключает, а предполагает необходимость философского обоснования данного подхода или его аргументированную критику.

Анализ материалов по объему мозга австралопитековых, «человека умелого», «человека прямоходящего» также приводит большинство исследователей к выводу об отсутствии «морфологического рубикона», отделяющего «первого человека» и «последнее животное». Изучение характеристик структуры эндокрана ранних гоминид выявляет демонстративное нарушение принципа постепенности при переходе от австралопитековых к архантропам⁷⁸.

В палеонтологической летописи имеются многочисленные разрывы в развитии филетических форм, которые существуют сопряженно и параллельно с более или менее постепенными и прямолинейными линиями. Объяснение «разрывности» недостаточностью палеонтологических данных не удовлетворяет исследователей, констатирующих, что «накопление новых данных, как это ни парадоксально, делает таксономические категории менее определенными»⁷⁹.

Анализ археологических и палеоантропологических находок зачастую свидетельствует о несоответствии анатомо-морфологической организации ископаемых гоминид уровню их орудийной деятельности⁸⁰,

⁷⁶ Урысон М.И. Возникновение рода Ното и его эволюция // Вопр. антропологии. – 1972. – Вып. 41. – С. 153–155.

⁷⁷ Рогинский Я.Я. Проблемы антропогенеза. – М., 1977. – С. 93.

⁷⁸ См.: Кочеткова В.И. Палеоневрология. – М., 1973; Шевченко Ю.Г. Эволюция коры мозга приматов. – М., 1971.

⁷⁹ Хрисанфова Е.Н. Эволюционная морфология скелета человека. – М., 1978. – С. 195.

⁸⁰ Григорьев Г.М. К вопросу о происхождении ориньякской культуры во Франции // Вопр. антропологии. – 1963. – Вып. 14. – С. 25–40.

в том числе у австралопитековых. Морфологические особенности ряда австралопитековых носят по некоторым признакам более прогрессивный характер, чем ископаемые остатки неандертальцев из Ла-Кина, Ла-Шапель, Монте-Чирчео и др.⁸¹ Вместе с тем «все более поздние гоминиды (архантропы, палеоантропы) полностью разделяют с неантропами структуру скелета по основному комплексу локомоции, вопреки распространенным взглядам о постепенности формирования прямохождения на поздних этапах антропогенеза и неполном выпрямлении тела у древнейших и древних людей»⁸².

Изучение морфофизиологической организации многочисленных форм гоминид ставит под сомнение положение А.А. Зубова о том, что «тенденция к универсализации, автономизации и оптимизации в линии человека разумного, получившая максимальное развитие в этой линии гоминид, позволила представителям этого рода избежать адаптивной радиации, приводящей к рассеиванию накопленного «магистрального потенциала», своего рода «биологической энтропии», сохранив и закрепив фундаментальную интеграцию, концентрирующую этот потенциал на одной линии»⁸³. Предлагая отнести к роду *Номо* только те гоминидные формы, которые обнаруживают четкие признаки адаптации к трудовой деятельности⁸⁴, автор, по сути, отстаивает тезис об односторонности эволюции гоминид, любые отклонения от которой рассматриваются только как направления, приведшие к формированию различных морфологических комплексов – расовых особенностей⁸⁵.

Между тем игнорирование проблемы образования тупиковых и специализированных форм на разных стадиях антропосоциогенеза ведет к упрощению, а затем и к искажению действительной картины образования нового качества при переходе от биологической к социальной форме движения и фактически упраздняет вопрос о механизмах антропосоциогенеза, представляя процесс очеловечивания как одностороннее накопление ароморфного потенциала. Упрощенное понимание неограниченного прогресса, или прогресса в философском и общебиологическом смысле, обуславливает трактовку ограничений прогресса в ветвях, не завершившихся становлением человека, исклю-

⁸¹ *Рогинский Я.Я.* Проблемы антропогенеза. – С. 150–167.

⁸² *Хрисанфова Е.Н.* Эволюционная морфология скелета человека. – С. 186.

⁸³ *Зубов А.А.* Общие предпосылки гоминизации. – С. 34.

⁸⁴ *Зубов А.А.* Систематические критерии рода *Номо* и его эволюция. – С. 148.

⁸⁵ *Зубов А.А.* Общие предпосылки гоминизации. – С. 36.

чительно как результат изначально заданного «жесткого» приспособления отдельных групп к условиям среды, следствием которого являлось вымирание этих групп при изменении условий существования. Подобные выводы не согласуются с имеющимися эмпирическими данными, которые свидетельствуют скорее о высокой эволюционной пластичности гоминизирующих форм, способных модифицироваться в достаточно широких пределах.

Ряд исследователей считает, что в «первоначальном изготовлении орудий участвовал, очевидно, не один вид гоминид, хотя именно с одним только видом, увеличение размеров мозга которого способствовало изготовлению более сложных орудий, связан переход к *Homo erectus*»⁸⁶. В отечественной литературе была высказана гипотеза, согласно которой в становлении человека приняли равное участие все ископаемые гоминиды, а в процессе формирования человека и его предков отсутствовали как главные, так и тупиковые пути⁸⁷. В современной науке существуют концепции, полностью исключаящие ту или иную форму гоминид из общего с человеком ствола, а также не признающие существенных различий между ранними формами гоминид и включающие всех их в общее с человеком генеалогическое древо⁸⁸. Разнообразие существующих точек зрения с полной очевидностью выявляет недостаточную методологическую вооруженность исследователей, вынужденных постулировать положения, не удовлетворяющие в теоретическом отношении научных оппонентов.

Антропосоциогенез есть процесс складывания человека как производительной силы, поэтому формирование физического типа организации как ранних, так и более поздних гоминид обуславливалось воздействием орудийной деятельности. Однако морфофизиологическая организация гоминид, как свидетельствуют эмпирические данные, «приспосабливалась» к орудийной деятельности вне прямой зависимости от орудий и их развития (когда усовершенствование орудийного арсенала вызывает отбор и закрепление полезных анатомо-морфологических и функциональных адаптаций по типу «обратной связи») – этот процесс был значительно сложнее.

⁸⁶ Кларк Дж. Д. Доисторическая Африка. – М., 1977. – С. 57.

⁸⁷ Григорьев Г.П. Палеолит Африки // Возникновение человеческого общества. – Л., 1977. – С. 89–93, 207–209.

⁸⁸ Иди М. Возникновение человека. Недостающее звено. – С. 140–141.

В этой связи уместно напомнить, что в настоящее время все большее число исследователей начинают критически переосмысливать кладогенетические конструкции антропосоциогенеза, предусматривающие некий «магистральный ствол очеловечивания», «ветви» которого представляют собой отклонившиеся от магистральной линии гоминидные формы. Неудовлетворенность кладогенетическими схемами побуждает ученых к созданию модернизированных концепций происхождения современного человека. Схема генеалогического древа человека, построенная, например, Б. Кэмпбэллом (1972), представляет собой сложное переплетение множества извилистых линий в виде единого ствола и иллюстрирует представления о тесной взаимосвязи существовавших в антропогенезе морфологических форм⁸⁹.

Представляется, что теоретическое преодоление изживших себя идей кладогенеза возможно только с пересмотром основного его принципа, признающего его исключительно однолинейно направленную генетическую связь в развитии основных признаков гоминидного комплекса. В настоящее время назрела потребность теоретического обоснования новой концепции антропогенеза, способной охватить весь имеющийся эмпирический материал.

Поиски новых концепций уже начаты. В противовес кладогенетическим конструкциям советский антрополог В.В. Бунак выдвинул и развил идею, согласно которой антропогенез протекал по типу фамногенеза – «куста с коротким общим корнем и многими отходящими от основания ветвями»⁹⁰, а не дерева, имеющего ветви. По мнению В.В. Бунака, именно по типу фамногенеза «происходила дифференциация гоминидных групп на всех стадиях антропогенеза»⁹¹. Обоснование характера антропогенеза как фамногенетического акцентирует внимание на разнонаправленности эволюции гоминид на всех этапах процесса гоминизации, что в целом адекватно отображает эмпирический материал со стороны его противоречивости и разнородности. Однако с позиции фамногенеза остается не объясненным факт развития регрессивных признаков на исторически более поздних стадиях по сравнению с ранними. Игнорируется при таком подходе и другая, не менее важная, особенность ископаемых остатков – стойкое сходство гоминидных

⁸⁹ Кэмпбэлл Б. // Иди М. Возникновение человека. Недостающее звено. – С. 138.

⁹⁰ Бунак В.В. Род Номо, его возникновение и последующая эволюция. – С. 37.

⁹¹ Там же. – С. 303.

форм друг с другом по ряду признаков, относящихся к истинно человеческой морфологии, даже на поздних стадиях антропогенеза.

С точки зрения фамногенеза факт возникновения узкоспециализированных и регрессивных признаков в анатомо-морфологическом строении, например поздних гоминид, невозможно объяснить теоретически, а ссылка на факт длительного изолированного существования неандертальцев в неблагоприятных условиях предледниковой зоны, которую представляла собой в верхнем плейстоцене Западная Европа, в конечном итоге не устраивает исследователей⁹².

Неудовлетворенность аргументами подобного объяснения основана на том, что находки остатков классически неандертальского и сходного с ним типа были сделаны в отдаленных друг от друга районах (Западная Европа, Крым, Палестина, Ирак, Узбекистан, Северная и Южная Америка)⁹³, существенно отличающихся по своим природным условиям, что исключает возможность объяснения сходной специализации палеоантропов одинаковыми климатическими и другими внешними причинами. Эти и другие подобные факты свидетельствуют о том, что характер и направления развития гоминид зависят не только от внешних, но и от внутренних факторов, т. е. детерминируются специфическими закономерностями антропосоциогенеза как особого переходного состояния развития, отличающегося качественно от других видообразовательных процессов.

Чтобы выявить эти закономерности, действовавшие в антропосоциогенезе как процессе выхода за пределы биологического, нужно установить специфику взаимосвязи между низшими и высшими антропогенными формами, в совокупности составлявшими, по-видимому, исходное качество социальной формы движения. Анализ объективных изменений исходной формы, включаемой в процесс перехода, есть общепhilософское ядро этого вопроса.

Философия онтологии переходных состояний развития состоит в числе прочего и в признании того, что в процессе развития «новая конкретная форма возникает на основе и внутри ей предшествующих, превращается в конкретно-всеобщее начало новой системы и как таковая вовлекает эти предшествующие ей во времени формы в русло своей

⁹² Якимов В.П. Ближайшие предшественники человека // У истоков человечества. – М., 1964.

⁹³ Алексеев В.П. Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас. – М., 1978.

специфической конкретной истории»⁹⁴. Эмпирические схемы антропосоциогенеза описательного характера наглядно демонстрируют своим повторяющимся рисунком факт не только расхождения, но и повторного (циклического) приобретения нашими предшественниками ряда гоминидных признаков. Это неизбежно наводит на мысль, что динамике процесса очеловечивания присущи не только расхождение (дивергенция) признаков, но и их диалектический синтез и воспроизводство.

Думается, что основное движущее противоречие антропосоциогенеза, понимаемого как противоречие биологической целесообразности индивидуальной орудийной деятельности в условиях стадной формы существования, или, иными словами, противоречие между тенденциями к индивидуализации и коллективизации особей, снималось поэтапно, по завершении общепринятых исторических стадий антропосоциогенеза – стадий протантропов, архантропов, палеоантропов и неоантропов. К такому выводу приводят как факт существования на ранних стадиях процесса очеловечивания «пучков» близкородственных форм, характеризующихся различным сочетанием признаков понгидно-гоминидного комплекса и, следовательно, обладающих различными возможностями в направлении перехода к современному человеку и понимаемыми как «некоторые не закрепленные отбором мутации»⁹⁵, детерминирующие формирование нового качества в рамках общей направленности развития исходной системы, так и некоторые уникальные особенности дальнейшего течения эволюции гоминид.

Так, установлено, что *Homo habilis* обладал достаточно совершенным способом локомоции по сравнению с современным человеком, тогда как у исторически более поздних питекантропов строение стопы отличалось большей примитивностью. Ряд наиболее древних костных остатков свидетельствует о наличии прогрессивных черт у ископаемых черепов ранних гоминид, тогда как классические неандертальцы нередко имели значительно выраженные гребни, большую толщину костей черепа и другие специфически обезьяньи признаки⁹⁶.

С философской точки зрения перечисленные факты, фиксируемые в научных работах описательного характера, свидетельствуют о широ-

⁹⁴ Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. – М., 1960. – С. 206.

⁹⁵ Стрельченко В.И. Диалектика снятия в органической эволюции. – С. 156–157.

⁹⁶ Рогинский Я.Я. Проблема антропогенеза. – С. 147; Констэбл Дж. Возникновение человека. Неандертальцы. – М., 1977. – С. 127, 130.

ких колебаниях характерных особенностей внутри, например, неандертальских популяций, «в гораздо большей степени перекрывающих пределы изменчивости характерных особенностей современного человека, чем предполагалось прежде»⁹⁷, и требуют осмысления с диалектико-материалистических позиций концепции переходных состояний развития, предполагая необходимость их научно-доказательной интерпретации.

В настоящее время существует множество концепций, пытающихся свести воедино имеющиеся противоречивые палеонтологические факты. Так, своеобразна позиция советского антрополога С.П. Толстова, выдвинувшего гипотезу, согласно которой все без исключения области (в том числе обжитые неандертальцами типа Шаппель), заселенные палеоантропами, принимали участие в происхождении современных людей. Толстов при этом допускает различия в специфике протекания процесса очеловечивания в разных районах ойкумены.

Особого внимания заслуживает теория происхождения человека, предложенная венгерским антропологом Андором Тома⁹⁸. Концепцию антропогенеза он строит, исходя из четырех закономерностей, выделенных Уодингтоном в эволюционном процессе: радиации, параллелизма, задержки (латенции) и мозаичности. Автор предлагает строго различать генеалогические линии и фазы морфологической эволюции. По мнению Тома, все современное человечество произошло от единого «слоя архантропов», слоя относительно гомогенного, моногенетического по своему происхождению и космополитического по распространению. Развиваясь независимо друг от друга вследствие географической изоляции, в течение плейстоцена в Европе сформировались три ветви палеоантропов. Неоантропы возникли в результате смешения потомков этих палеоантропов в едином центре (протоевропеоиды и протонегроиды). Неоантропы монголоидного типа произошли, по мнению Тома, от африканских пренеандертальцев. В Восточной Азии независимо от предыдущих линий сформировались неоантропы веддо-австрало-айноидной ветви. Только классические неандертальцы, по этой версии, быть может, вследствие своеобразных условий существования, превратились в особый вид. Споры о том, произошел ли человек от различных локальных типов (полицентризм) или от одного (моно-

⁹⁷ *Констэбл Д.* Возникновение человека. Неандертальцы. – С. 130.

⁹⁸ См.: *Рогинский Я.Я.* Проблемы антропогенеза. – С. 126–134.

центризм), ведутся в современной антропологии преимущественно относительно стадии палеоантропов.

Сторонники полицентрической концепции, исходя из положения о решающей роли труда в становлении человека и общества, настаивают на том, что коль скоро закономерности возникновения и формирования человека зависят от одних и тех же закономерностей развития производства, то результаты эволюционирующих в сапиентном направлении групп (или линий) не могли быть различными в принципе. Противники теории полицентризма выдвигают возражения, основанные на сравнительной морфологии, которая показывает, что современные расы сходны между собой по множеству деталей, отличающих их ото всех древних людей, в то время как у последних эти признаки сильно варьировали⁹⁹. Вместе с тем теория моноцентризма в настоящее время не способна разрешить вопрос о сходстве каждой большой расы с локальной формой палеоантропа (или архантропа), предшествовавшей ей на данной территории¹⁰⁰.

Значительные сложности возникают у исследователей и при поисках связи генезиса человека с генезисом труда. В публикациях труд нередко отождествляют с инстинктивной предметно-манипулятивной деятельностью животных (Э. Майр, Г.Н. Матюшин) либо определяют как предшествующий становлению человека феномен. Динамика формирования «орудийной индустрии» предполагает, что критерием прогрессивных сдвигов в орудийной деятельности должны быть качественные изменения характера орудий (их формы и функциональной предназначенности), проявляющиеся в технологии изготовления и способе употребления. Но значит ли это, что каждый искусственно оббитый камень должен оцениваться как орудие труда?

Обращая внимание на трудности в определении начала систематической трудовой деятельности, украинский археолог С.В. Смирнов пишет: «Идея изначальности средств труда в антропогенезе породила парадоксальную ситуацию: средства труда возникают задолго до завершения процесса формирования сознательной трудовой деятельности и процесса формирования субъекта труда – человека»¹⁰¹.

⁹⁹ *Рогинский Я.Я., Левин М.Г.* Антропология. – С. 486–487.

¹⁰⁰ *Рогинский Я.Я.* Проблемы антропогенеза. – С. 147.

¹⁰¹ *Смирнов С.В.* Становление основ общественного производства. – Киев, 1983. – С. 7–8.

«Зыбким основанием оценки каменного орудия как искусственного служат наличие острых сколов (под действием природных сил их появление маловероятно) и повторяемость форм. Но теперь общепринятое среди археологов рассмотрение повторяемости форм первичных орудий в качестве критерия их искусственности и тем самым орудийности подвергнуто ревизии»¹⁰², – отмечает философ И.Л. Андреев, добавляя, что проследить возникновение «самого первого» орудия так же невозможно, как и появление «самого первого» человека. Разграничение генезиса орудий труда и их дальнейшего функционирования в качестве элементов «готового» человеческого общества, предлагаемое И.Л. Андреевым¹⁰³, предполагает понимание в качестве стержня трансформации предметов внешней среды в орудия объективного процесса *опосредования* как в предметно-манипуляционном, так и психолого-социологическом аспектах, что вполне правомерно. Однако и при таком подходе не исчезает необходимость поиска научных критериев «разобезьянивания», критериев начала антропосоциогенеза, тем более, что данная позиция противоречит марксистской традиции находить в социальных процессах материальные основания, а потому требует критического переосмысления либо самой себя, либо принципов и методов диалектического материализма.

В целом квалифицировать позиции отечественных специалистов советского периода, обратившихся к исследованию проблем антропосоциогенеза с позиций марксистской философии, как различные в философско-мировоззренческом плане было бы некорректно. Представители разных наук, разных школ и направлений долгое время искали и находили обоснование собственных позиций в положениях диалектического материализма о закономерностях переходных состояний развития, в основных принципах познания процесса становления человека и общества, выдвигаемых историческим материализмом. Все это необходимо подчеркнуть, чтобы показать, что источник разногласий всегда лежал не столько в различии исходных установок и принципов познания между, скажем, «идеалистической» и «материалистической» традицией, сколько в области методологической реализации даже единой мировоззренческой установки применительно к познанию одного и того же процесса.

¹⁰² Андреев И.Л. Происхождение человека и общества. – С. 103.

¹⁰³ Там же. – С. 111.

Во всяком случае, существование различных точек зрения по одной и той же проблеме в рамках одних и тех же диалектико-материалистических мировоззренческих установок показывает, что основанием разногласий служит в первую очередь недостаточная методологическая вооруженность исследователей вопроса, неспособных последовательно (но взаимосвязанно с данными разных наук) обосновать и развернуть свою позицию вследствие нехватки теоретических средств, способных глубоко, разносторонне и адекватно отобразить конкретный анализируемый объект, существующий в процессе перехода от старого качества к новому. Подобная ситуация прослеживается во многих науках, изучающих качественные переходы, – будь то педагогика подросткового возраста, космогония или генетика. Исследуя разные грани переходных состояний развития, ученые зачастую вынуждены либо ограничиваться хронологическим и количественным описанием выявленных эмпирических фактов, либо в значительной мере необоснованно интерпретировать анализируемый материал.

Чтобы заменить преимущественно описательный характер имеющихся разработок по проблеме антропосоциогенеза причинным объяснением эволюции гоминид, которое в конечном итоге поможет более глубоко и разносторонне разобраться в вопросе, что такое человек и каким образом он включен в окружающий мир, необходимо прежде всего целостное, философское осмысление выявленных к настоящему времени эмпирических фактов. Состояние же самой теории антропосоциогенеза сегодня таково, что становится очевидна настоятельная потребность конкретных наук в специальных теоретических средствах, способных не только зафиксировать появление феномена социальности, но и логически доказать объективную необходимость его появления и дать возможность адекватного описания механизмов его возникновения.

1.3. Современный теоретический аппарат исследования переходных состояний развития

Антропосоциогенез – переходное состояние развития, процесс видообразования и формирования принципиально нового для мира природы качества. Для его исследования теоретические средства «классической» науки, фиксирующие «предсказуемые», т. е. статичные, равновесные, симметричные свойства и характеристики объекта, – неприемлемы. Здесь скорее уместно использование теоретических средств теории

хаоса, исследующей влияние на систему в целом накапливаемых микроскопических изменений. «Теория хаоса рассматривает то, как самые малые изменения приводят к совершенно неожиданным последствиям, делая невозможными прогнозы»¹⁰⁴. В еще большей степени фиксируемые проблемы исследования антропосоциогенеза соответствуют принципам синергетической концепции.

И теории хаоса, и синергетическому подходу¹⁰⁵ исторически предшествовали и воззрения античных философов (Гераклит, Эпикур), и классическая немецкая философия. Гегелем, в частности для исследования «скачков», введена категория «снятие», в задачи которой входило оперативное отображение тех микроизменений, которые позволяют преобразующейся системе одновременно сохранять и утрачивать старое. Так, категория «снятие», входящая в понятийный аппарат закона отрицания отрицания, – одна из важнейших оперативных категорий диалектики Гегеля, способных отобразить механизмы качественных изменений.

Гегель предлагал соотносить в исследовании сложных объектов не только системные категории, составляющие ее содержание (в данном случае это «скачок», «сохранение», «уничтожение», «преемственность» и др.), но и оперативные категории, фиксирующие процесс взаимоперехода и изменение системных категорий, теоретически фиксирующих этот процесс и отражающих взаимосвязь всех трех основных законов диалектики.

В диалектике система изменений в общем виде фиксируется несколькими категориями, вводимыми в процесс анализа в зависимости от того, какие задачи ставит перед собой исследователь. Так, поиски источника и причины движения (изменения) требуют привлечения теоретических средств закона единства и борьбы противоположностей. Найти ответ на вопрос, каким именно образом осуществляется движение (изменение), помогают методологические средства закона отрицания отрицания или закона количественных и качественных взаимопревращений. При попытках теоретической фиксации реальной сложности переходных состояний развития задача исследователя, при создании основных типов «системных моделей» качественных преобразова-

¹⁰⁴ Томпсон М. *Философия науки* / пер. с англ. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. – 191 с.

¹⁰⁵ См, например: Пригожин И., Николис Г. *Познание сложного*. – М.: Мир, 1990.

ний, сначала заключается в планировании уровня конкретности, на котором будет вестись дальнейшее исследование. Планируемый уровень конкретности «теоретического видения объекта» определяет уровень всеобщности привлекаемых для анализа теоретических средств, определяет специфику теоретического аппарата исследования. Теоретический аппарат диалектики позволяет описать и отдельные объекты с уникальными свойствами и характеристиками, и разные классы преобразующихся объектов. Ключевым понятием, фиксирующим направленное изменение объекта во времени, в диалектической логике является категория «развитие». Без соотнесения с понятием «развитие» выявить методологическую роль какой бы то ни было дефиниции (в том числе категории «снятие») невозможно, так как понятие «развитие» отображает самую сущностную инвариантную характеристику объекта – его изменяемость и одновременную качественную сохранность во времени. Лишь соотнеся понятие операционального ряда с категорией «развитие», можно выявить уровень обобщения, доступный исследованию с ее помощью.

Это – довольно важное условие теоретического исследования переходных состояний развития, поскольку «хаос» – предельное состояние неупорядоченности, а в мире, доступном познанию, все существующее так или иначе упорядочено и имеет некий инвариант вполне определенного качества. Все переходные состояния развития так или иначе *развиваются*, но находятся при этом в достаточно хаотической форме. Поскольку наукой доказано, что существование в форме *развития* возможно только в открытых внешнему миру системах, получающих энергию для существования из внешнего мира, а *хаос* не имеет никаких формальных ограничений ни по форме, ни по содержанию, то переходные состояния развития всегда характеризуются «направленной неупорядоченностью». Поэтому, несмотря на возрастание неупорядоченности и энтропии в замкнутых статичных системах, в мире существуют и открытые системы с возрастающей сложностью.

Характеризуя переход от одного качества к другому, можно отметить, что качественные изменения развивающихся систем развития отличаются от изменений регрессивного типа скачком, противоречивостью, перерывом постепенности и единством (тождеством) бытия и небытия¹⁰⁶. Гегель отмечал, что всякий диалектический переход

¹⁰⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 29. – С. 256.

осуществляется посредством коренного преобразования старого качества, при этом перерыв постепенности означает не прекращение процесса развития, как в случае недialeктического перехода от одного качества к другому, а особую его поступательную форму. При этом он настаивал, что понимание всякой революции, всякого скачка в развитии возможно лишь с учетом двух сторон: *способа разрушения* и *коренной ломки старого, устранения старого, его преодоления и способа построения нового, его развития и утверждения*¹⁰⁷.

Однако специфика переходных состояний развития состоит в числе прочего и в том, что в момент перехода в новое качество противоположности, спровоцировавшие скачок, упразднены, нивелированы, а потому сам *процесс перехода* отобразить в полном объеме средствами диалектики невозможно. Причина этого кроется в том, что теоретический аппарат диалектики способен фиксировать только *результаты* развития или этапов развития, а необходимо (хотя бы и на отдельных стадиях скачка) выявлять и саму *динамику* процесса. Таким образом, для исследования переходных состояний развития необходима разработка категорий, не просто фиксирующих качественные переходы как *развитие*, но и вскрывающих механизмы этих переходов, выявляющих генетическую связь промежуточных ступеней в цепи качественных преобразований.

В современной науке на промежуточные ступени преобразований одних явлений и состояний в другие обращается все больше внимания. Теория самоорганизующихся систем, доказывающая наличие в реальности ячеек с возрастающей сложностью и отрицающая правомерность их исследования на основе редукционного подхода, тем не менее способна объяснить, почему мир разнообразен (однообразен только хаос), но все дальше уходит в телеологичность от каузальности. Между тем человечество нуждается в знании не только о том, каким именно образом происходит утрата устойчивости (инвариантности) содержания исходного качества, но и существуют ли единые основания у бесконечно многообразных форм переходов от одних состояний (явлений) к другим, противоположным или просто иным. Отсутствие единых представлений о подобных процессах в научной практике приводит к различным методологическим выводам и рекомендациям не только

¹⁰⁷ Кедров Б.М. Ленин и научные революции. Естествознание. Физика. – М., 1980. – С. 12.

о путях и способах исследования природы и механизмов качественных преобразований, но и о способах моделирования, конструирования и проектирования новых сложных систем.

Как известно, успешное решение любой гносеологической проблемы существенно зависит от выбора исходного для научного анализа пункта, исходных категорий анализа, способствующих выявлению закономерностей отражаемых сторон изучаемого объекта. Специально обращавшийся к этому вопросу К. Маркс отмечал, что начинать исследование надо не с тех категорий, которые связаны со всеобщими простейшими отношениями, свойственными всем стадиям существования объекта, а с тех, которые отражают определяющие, основанные на данной ступени его развития отношения, обуславливающие сущность данной специфической формы его бытия и составляющие то «общее освещение, в котором исчезают все другие цвета и которое модифицирует их в их особенностях», тот «особый эфир, который определяет удельный вес всего сущего, что в нем обнаруживается»¹⁰⁸. Речь идет о требовании начинать любое научное исследование с определения специфики объекта в данный момент времени и в данной точке пространства. Однако, чтобы выявить эту специфику, необходимо и априорное знание о том, в группе каких свойств, характеристик и закономерностей искать уникальные и неповторимые признаки данного объекта в данный момент времени. Исходя из понимания, что всякий качественный переход есть скачок, становление «определенной неопределенности в исходном качестве», попробуем описать переходные состояния как разные типы *скачков*.

Наиболее распространенные определения скачков по способу осуществления (резко выраженные «взрывного» характера и постепенные) фиксируют лишь самые общие различия между типами переходных состояний развития и не позволяют при анализе конкретного перехода заменить описательный характер исследования на причинное объяснение изучаемого процесса, так как предполагают только выявление различий в количестве изменений за единицу времени в процессе перехода по сравнению со скоростью изменений до скачка. Вариантов интерпретации скачков через категории количества и качества существует немало. Эти определения вплотную подводят нас к осознанию проблемы необходимости объяснения интенсивности изменений в период качественного преобразования, и только. Скачок – это перерыв посте-

¹⁰⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 12. – С. 733.

пенности, при попытках его описать научными средствами зачастую выясняется, что интенсивные изменения касаются самых неожиданных для исследователя сторон и качеств преобразующегося объекта, а определить, почему в процесс вовлечена та или иная сторона и почему эти стороны изменяются с разной интенсивностью, фактически невозможно, поскольку категория «активность» (или «интенсивность») диалектикой не учитывается.

В марксистской философской литературе скачок зачастую определяли и через борьбу противоположностей, и через отрицания, но и в таких случаях описание специфики преобразования сталкивалось со значительными сложностями, обусловленными объективной невозможностью всесторонне описать процессы качественных переходов категориальными средствами этих законов, взятых самих по себе. Отсюда – многозначительные, но малосодержательные определения скачка типа «скачок всегда есть скачок в определенном отношении»¹⁰⁹. Выразить понятием «скачок» *характер и механизм* становления «определенного отношения» невозможно, а ведь именно эта задача и является, по существу, главной для всех исследователей качественных переходов.

Для фиксации механизма становления «скачка в определенном отношении» мало подходит и категория развития, которая отображает процесс изменений лишь в самом общем виде, указывая на упорядоченность этих изменений. Следовательно, необходима категория, которая, обладая собственным специфическим содержанием, могла бы одновременно вбирать в себя и отображать часть того содержания, которым обладают категории, описывающие процесс развития в момент изменения старого качества объекта на новое. Иными словами, для адекватного описания и объяснения качественных переходов нужна категория, способная одновременно отображать как процесс развития, т. е. общую инвариантную характеристику всякого направленного изменения, так и специфику этого изменения, т. е. его вариативные характеристики, и именно категория «снятие» способна удовлетворить эти требования.

Поскольку скачок отображает некоторое специфическое изменение направления развития исходной системы, то важно акцентировать внимание именно на *изменении направления развития*. Как известно, наиболее общим, фиксирующим динамику любого явления или состо-

¹⁰⁹ Руткевич М.Н. Диалектический материализм. – М., 1973. – С. 440.

ния, является понятие «движение», трактуемое как «изменение вообще». Сопоставление объемов понятий «движение», «взаимодействие», «развитие» показывает, что конкретизация (приближение к специфике изменения объекта) дефиниций, характеризующих всякое изменение, идет в отношении направленности движения, его избирательности в пространстве. Так, если категория «движение» указывает на изменение объекта безотносительно к другим объектам, то понятие «взаимодействие» уже означает некоторое движение объектов по отношению друг к другу. «Развитие», в свою очередь, характеризует такое движение (взаимодействие), которое обладает тенденцией обнаруживать на более поздних (следующих во времени) этапах намеки на более высшее в пройденном старом. Так в движении понятий осуществляется переход от общей направленности развития (движения) к направлению развития (движения), т. е. переход к понятиям, отображающим механизм (специфику) переходов, ибо любые обобщающие понятия не только и не столько объективные, сколько гносеологические, т. е. включающие значительный момент субъективности, образования.

В этом смысле категории «направленность развития» и «направление развития» следует осознавать как различные понятия. Проблема направленности развития (движения) шире проблемы направлений. «Направление развития» в большей мере, чем «направленность развития», связано с моментами неустойчивости и сменяемости объектов, хотя эта вариабельность и ограничена пределами общей направленности развития системы, обусловленной, в свою очередь, инвариантностью исторических изменений. Внутри границ общей направленности развития системы может существовать некоторый набор направлений развития, исключительно из числа которых и выбирается конкретное направление дальнейших изменений. Скажем, углерод может преобразоваться как в графит, так и в алмаз, причем как для реализации каждого направления, так и для выхода за пределы данной направленности (для формирования более широкой направленности) ему должны быть созданы специальные условия.

Характеризуя процессы, в которых, с одной стороны, сохраняются наличные формы (вариабельность внутри определенных пределов), а с другой – они же отрицаются (но не элиминируются), обуславливая сменяемость и неустойчивость форм, «направления развития» совпадают по своему содержанию и результату с категорией «диалектическое отрицание», которая на наиболее абстрактном уровне отображает

процессы, также одновременно и отрицающие, и сохраняющие наличные формы.

Переход от одного направления к другому и есть скачок в развитии, но сущность этого перехода и его механизмы категория «диалектического отрицания» описывает только в самом общем виде – как сводную характеристику результата изменения направления развития некоторой конкретной исходной системы. По Гегелю, «диалектическое отрицание» *есть* прежде всего переход отрицаемого качества в «свое другое»¹¹⁰. При этом переход в «просто другое» фиксируется категорией «отрицание», т. е. таким типом отношений между последовательными стадиями (состояниями) развития, при котором последующая стадия (состояние) является противоположной по отношению к предыдущей не на уровне сущности, как в первом случае, а на уровне бытия преобразующегося предмета или явления.

Согласно принципам гегелевской диалектики, любой вид отрицания является необходимым моментом, условием качественного изменения вещей, идей или явлений. С точки зрения направленности движения понятие «просто отрицание» противоположно категории «диалектическое отрицание». Последнее всегда позитивно, т. е. как момент связи в цепи развития всегда содержит стороны того положительного, что имелось по отношению к новообразованию в исходном качестве. Под «положительностью (позитивностью)» при этом понимаются не обязательно прогрессивные стороны старого, но наиболее «жизнеспособные».

Диалектическое отрицание по сути есть отрицание предшествующего развития в пределах меры общей направленности развития старого качества, осуществляющегося на уровне сущности данного качества, т. е. в рамках меры, очерчивающей объем родового понятия данной сущности. «Просто отрицание» границами меры общей направленности старого качества не ограничено. Оно обладает способностью устанавливать только негативный тип связи между последовательными стадиями (состояниями), такими, например, как отчуждение, понимаемое в марксистской литературе как «социальный процесс, присущий классово-антагонистическому обществу»¹¹¹. Но даже если признать, что отчуждение характерно для любого общества, в любом случае речь

¹¹⁰ Гегель Г.В. Ф. Наука логики. – М., 1970. – Т. 1. – С. 186.

¹¹¹ Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – С. 472.

идет о превращении деятельности человека и ее результатов в самостоятельную силу, господствующую над человеком и враждебную ему. Уничтожение источников отчуждения создает предпосылки для его преодоления, и в этом смысле противопоставление отчуждения как отрицания «диалектическому отрицанию» весьма относительно и правомерно лишь в пределах рассуждений о направленности и направлениях развития. Только в указанных пределах «диалектическое отрицание» противоположно «просто отрицанию».

Если категория «диалектическое отрицание» фиксирует установление позитивных, а «просто отрицание» (на том же уровне) – негативных связей между генетически взаимосвязанными состояниями объекта, то осуществление принципа системности требует соотнесения обоих понятий с третьей категорией, интегрирующей, обобщающей с точки зрения *изменения направления* развития исходного качества оба вышеназванных понятия.

Попробуем разобраться в этом вопросе, исследуя содержание основных категорий закона отрицания отрицания, характеризующего, как известно, направление развития преобразующегося качества, единство поступательности и преемственности в его развитии, возникновение нового и относительную повторяемость старого. Как категория, отображающая направление развития преобразующегося качества, «диалектическое отрицание» совпадает с понятием «отрицание отрицания», также описывающим процесс направленных изменений. Однако «отрицание отрицания» описывает не просто направленное изменение, а относительно завершённый процесс развития сущности и поэтому, фиксируя не только конечный результат развития, но одновременно результаты диалектических отрицаний на каждой его ступени, является более широкой по отношению к диалектическому отрицанию категорией, так как «диалектическое отрицание» отражает, как известно, результаты не обязательно законченного процесса по отношению к генезису объекта в целом. Вместе с тем следует отметить, что в некоторых других отношениях объёмы обсуждаемых понятий «диалектическое отрицание» и «отрицание отрицания» как бы меняются местами: первая категория шире второй в том смысле, что является более абстрактной, более общей, менее конкретной.

Так или иначе, но обе эти категории определяются в марксистской литературе как *характеристики* типов отношения между исходным

старым и полученным новым качеством¹¹², т. е., по существу, как системно-оперативные категории. Системно-оперативные категории, действуя как принципы объяснения процессов развития и как принципы построения собственно категориальной системы, занимают вполне определенное место в системе категорий составляющего их закона. Но любое качественное преобразование – это прежде всего *процесс*, изменение. Отображение его посредством системно-оперативных категорий с адекватностью возможно лишь в моменты окончания определенных этапов, *завершения* некоторых стадий развития, *качественной определенности*. Результируя процесс на определенных этапах, системно-оперативные категории неизбежно ограничены в возможности отображения качественного преобразования как собственно *процесса*.

У оперативных категорий возможности адекватного отображения объектов в состоянии качественной определенности ограничены или вовсе отсутствуют, их функция – фиксация самого процесса движения, но категории «развитие», «изменение», успешно работая при объяснении теоретических проблем, мало подходят для описания конкретных, специфических преобразований, так как не в состоянии зафиксировать частные, уникальные особенности данного преобразования. В гносеологическом плане сложнее обстоит дело с категорией «диалектическое отрицание».

Таким образом, «диалектическое отрицание» и «отрицание отрицания» отображают конкретные качественные преобразования в момент скачка, но преимущественно в его результирующей части, а «снятие» фиксирует объект на этапах окончания некоторых качественных сдвигов, но одновременно вскрывает и структуру самого процесса. Отражая *направление* развития на каждом этапе перехода, категория «снятие» совпадает с понятием «диалектическое отрицание» и является тождественной ему. Но совпадает исключительно на этапах, результирующих преобразование, а в момент изменения направления развития действует самостоятельно. Снятие само есть процесс изменения направления развития и процесс, обеспечивающий взаимосвязь и преемственность между генетически взаимосвязанными состояниями (явлениями). И потому безоговорочное отождествление категорий «снятие» и «диалектическое отрицание», принятое в отечественной философской литературе¹¹³, пра-

¹¹² Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – С. 471, 619.

¹¹³ Там же. – С. 619.

вомерно лишь в отношении снятия-результата Выход снятия за пределы сферы действия закона отрицания отрицания обеспечивается тем обстоятельством, что понятие «диалектическое отрицание», которое фигурирует в этом законе как принцип объяснения процесса перехода в свою противоположность, «означает превращение в свою противоположность на уровне сущности»¹¹⁴. Превращение в свою противоположность на уровне бытия фиксирует, как уже отмечалось, категория «отрицание». Большинство же авторов, анализирующих содержание закона отрицания отрицания, считают, что под действие этого закона подпадают только те преобразования, которые совершаются на уровне сущности.

Собственно говоря, разграничение качественных переходов как происходящих «на уровне сущности – уровне бытия» в достаточной мере условно: скажем, гибель муравья есть его переход в иное качество на уровне бытия, если рассматривать муравья как самодостаточное образование; но она же (гибель) есть и преобразование на уровне сущности, если рассматривать его как единичное явление живой природы в целом. Но, как бы то ни было, существование в объективной реальности качественных преобразований, не вписывающихся (или не вполне вписывающихся) в существующие в марксистской философской литературе представления о диалектической сущности качественных переходов, породило разное понимание закона отрицания отрицания. Существуют три совершенно несовместимые друг с другом позиции оценки способности средствами закона отрицания отрицания отображать процессы развития. Так, с точки зрения некоторых авторов, в одних процессах возникновение нового осуществляется по закону отрицания, в других – нет: «повторение пройденного в прогрессивном развитии и получило название закона отрицания отрицания»¹¹⁵ (при этом под «прогрессивным» и его критериями ничто однозначное пока не понимается). Существует точка зрения, обосновывающая универсальность закона отрицания отрицания тем, что всякое развитие преемственно, повторяемо и представляет по сути постоянное превращение старого в новое, т. е.

¹¹⁴ Кедров Б.М. Отрицание отрицания как один из основных законов материалистической диалектики // Диалектика отрицания отрицания. – М., 1983. – С. 15.

¹¹⁵ Руткевич М.Н. Диалектический материализм. – М., 1973. – С. 507; Даниленко Л.Е., Рекунов Ф.Н. О месте закона отрицания отрицания в системе законов диалектики // Диалектика отрицания отрицания. – М., 1983. – С. 29; и др.

превращение в свою противоположность¹¹⁶. Различия между переходом в свою противоположность на уровне бытия и переходом в свою противоположность на уровне сущности при таком подходе, как правило, вообще не рассматриваются, поскольку переход «в свое иное» понимается исключительно как переход на уровне сущности. Некоторые авторы вообще выступают против применения закона отрицания отрицания к объяснению проблем развития и аргументируют свое неприятие выше-названного закона тем, что «моменты развития полностью отражаются законами взаимного перехода количественных и качественных изменений, а также единством и взаимодействием (борьбой) противоположностей»¹¹⁷.

Решение проблем, связанных с трактовкой закона отрицания отрицания, не входит в задачи нашего исследования, поэтому ограничимся замечанием, что, видимо, правомерно, вслед за Гегелем, противостоящим концепции качественных изменений континуалистского характера, обращаться к категории «отрицания отрицания» как моменту единства конечного и бесконечного в самом предметном мире, или, иными словами, – как к категории, характеризующей движение, идущее от одного завершенного и тем самым конкретного поступательного движения, со стороны общих тенденций его непрерывности и общей направленности. Закон отрицания отрицания отражает движение в его особом проявлении, «в той структурно упорядоченной форме, которая возникает как результат интеграции всеобщих принципов»¹¹⁸. Присоединяясь к мнению, что «нет оснований утверждать, что отрицание отрицания связано с какой-либо одной формой преемственности», а в возврате к «якобы старому... нельзя видеть чуть ли не единственную и неизменную сущность закона отрицания отрицания»¹¹⁹, следует тем не менее признать, что этот закон описывает только те качественные преобразования, которые совершаются на уровне сущности объекта, а не на уровне его бытия. При этом под «бытием» понимается непосред-

¹¹⁶ Кедров Б.М. Отрицание отрицания как один из основных законов диалектики. – С. 12; и др.

¹¹⁷ Мелюхин С.Т. Материя в ее единстве, бесконечности и развитии. – М., 1966. – С. 316.

¹¹⁸ Глядко В.А. Закон отрицания отрицания и его методологические функции. – М., 1982. – С. 71–72.

¹¹⁹ Миклин А.М., Подольский В.А. Категория развития в марксистской диалектике. – М., 1980. – С. 48.

ственное, несоотносимое с предшествующими и последующими фазами существования объекта состояние, а под сущностью – состояние непосредственное, но соотносительное.

Отрицание как процесс накопления количественных изменений («...отрицание включает в себя как этап количественных изменений, так и сам момент скачка»¹²⁰) есть условие и предпосылка *снятия* как непосредственного процесса качественного преобразования исходной системы. Вид отрицания задает общий характер снятия, ту специфику, которая отличает преобразование в «свое иное» конкретной исходной системы по сравнению с преобразованиями аналогичных исходных систем в других условиях развития. Это положение правомерно в отношении любых преобразований: осуществляющихся как на уровне сущности, так и на уровне бытия. В этом смысле переход в «свое иное» на уровне бытия также является отрицанием предыдущего этапа развития, процессом, имеющим собственные механизмы и закономерности, что и дает основание для предположения о том, что структуру *всякого* качественного преобразования, *всякого* внутренне обусловленного изменения направления развития образует процесс, тождественный процессу отрицания в рамках общей направленности развития преобразующейся системы, в рамках *общего характера* изменений развития, но отличающийся от него в том отношении, в котором выявляется мера преобразования исходного качества, конкретное изменение направления развития.

Так, исторически сложившаяся структура живой системы (например, наличие или отсутствие внешнего или внутреннего скелета у животных) предполагает дальнейшее развитие видов (в диалектической терминологии – отрицания), но одновременно в определенной степени ограничивает возможные пути дальнейшего развития эволюционными пределами¹²¹, что, однако, вовсе не означает принципиальную невозможность выхода за эти пределы. Выбор конкретного направления дальнейшего развития преобразующего качества зависит не столько от скорости (интенсивности) преобразования, сколько от способа разрешения движущего противоречия, т. е. снятия.

Именно способы разрешения движущего противоречия оказывают решающее влияние на выбор дальнейшего направления развития в

¹²⁰ Сухотин А.К. Закон отрицания отрицания в «Капитале» К. Маркса // Учен. зап. Томского гос. ун-та. – Томск, 1958. – № 34. – С. 15.

¹²¹ Шмальгаузен И.И. Пути и закономерности эволюционного процесса. – М., 1983. – С. 159.

рамках его общей направленности. Основываясь на фактическом многообразии форм качественных преобразований, исследователи неоднократно пытались выявить их конкретные формы. Эти же задачи необходимо решить и в отношении антропосоциогенеза: изучение качественного своеобразия процесса очеловечивания нельзя провести без выявления возможностей дальнейшего развития исходных форм сапиентности и способов включения этих исходных форм в новое содержание. А для этого нужно определить содержание и сущность категории «снятие», ее предметную область и методологические функции.

Снятие определяет процесс изменения направления развития исходной системы в рамках ее общей направленности. Сложности, связанные с выяснением соотношения закона отрицания отрицания с категориями «диалектическое отрицание», «отрицание отрицания» и «отрицание», побуждают исследователей искать все новые и новые типы отрицаний, не сводимые привлекаемыми теоретическими средствами к единому основанию, что, в свою очередь, вызывает бурные научные дискуссии о роли и месте закона отрицания отрицания, его всеобщности, сфере действия¹²². Именно этот всеобщий закон – в силу его синтетического характера – фокусирует внимание исследователей на наиболее сложном для теоретического отображения процессе «самоосуществления всякого бытия»¹²³, на акте, концентрирующем в себе прошлое и будущее, отринутое и приобретенное, возможное и действительное, необходимое и случайное, различное и тождественное, формальное и содержательное. Однако необходимость специального исследования диалектического отрицания (снятия) с точки зрения элементов, составляющих внутреннее содержание всякого переходного периода (скачка), обоснована рядом авторов¹²⁴, отмечающих, что попытки решения проблемы переходов традиционно используемыми средствами закона отрицания отрицания до сих пор оказывались недостаточными для создания интегральной картины качественных преобразований.

Введенная Гегелем и развитая на материале политико-экономических, социально-политических и социально-философских исследо-

¹²² См., например: Диалектика отрицания отрицания. – М., 1983.

¹²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 42. – С. 155.

¹²⁴ Харин Ю.А. Закон отрицания отрицания. – Минск, 1970.; Багиров З.Н. Категория отрицания и закон отрицания отрицания // Изв. АН АзССР. Сер. философии. – 1971. – № 1; Гладков В.А. Закон отрицания отрицания и его методологические функции; и др.

ваний классиками материалистической диалектики категория «снятие» (Aufheben) получила определенную разработку в трудах советских философов, но термин «снятие», как отмечалось выше, отождествляется с категорией диалектического отрицания, что закрывает пути к исследованию проблемы качественных переходов с этой стороны. Например, один из отечественных философов, понимающих необходимость расширения традиционного круга категорий, исследующих качественные преобразования, пишет: «в отличие от деструкции тот вид отрицания, который обычно в литературе представляется в виде единственно подлинного диалектического процесса, может быть назван «снятием»»¹²⁵.

Вообще в отечественной марксистской литературе распространены в основном два типа отношения к дефиниции снятия: либо формальное использование категории, ведущее в конечном итоге к появлению механистических тенденций в интерпретации проблем развития, либо полный отказ от нее, основанный на традиционном советском представлении о спекулятивном характере гегелевских построений. В действительности гегелевская концепция снятия (как и гегелевская философия в целом) намного сложнее, чем просто «спекулятивная схема», хотя то понимание, которое вкладывал в эту категорию Гегель, подвергалось усиленной критике классиками марксизма и их последователями. Кстати, критика «снятия» со стороны классиков сопровождалась активным использованием ими данной категории, но дефиниции этого понятия, отличающейся от гегелевской, они так и не дали.

Гегелевское понимание анализа природы «начала» выдвигает на первое место познания категорию чистого бытия, лишенного определенности, качественности, и требуется, отправляясь от неопределенного, чистого бытия, лишенного качественных различий, выявить возникновение – в строго системном порядке – многообразных различий, определенностей качества. Всякий раз у Гегеля это связано с постановкой, решением и более конкретными задачами, объединенными на начальной стадии общей системной целью. Определенности, различия у него «самопорождаются», возникают вновь в процессе переходов разных уровней бытия и небытия. Выявление единства бытия и ничто становится моделью и для высвечивания типа системно-диалектического перехода. При этом различие между бытием и ничто «...совершенно пусто, каждое из них в равной мере есть неопределенное. Это различие имеется поэтому не в них самих, а лишь в чем-то третьем,

¹²⁵ Харин Ю.А. Диалектика социального отрицания. – Минск, 1972. – С. 51.

в *предположении* (Meinen). Однако предположение есть форма субъективного, которое не имеет касательства к этому изложению. Но третье, в котором имеют свое существование (состояние – Bestehen) бытие и ничто, должно иметь место и здесь; и оно, действительно, имело место; это – *становление*. В нем они имеются как различные; становление имеется лишь постольку, поскольку они различны. Это третье есть нечто иное, чем они. Они существуют лишь в ином (что также означает, что они не существуют особо (für sich)). Становление есть состояние (Bestehen) бытия в той же мере, что и состояние небытия, иначе говоря, их существование есть лишь их бытие в *одном*; именно это их существование и есть то, что также снимает их различие»¹²⁶.

Весь процесс развития у Гегеля выступает как его стремление стать «для себя» тем же, что он есть в «себе». Отсюда и вытекает вневременный и телеологический характер развития. «Снимают» друг друга в гегелевской философии «получившие самостоятельное бытие абстракции»¹²⁷, поскольку Гегель конструирует предмет по образцу закончившего свое дело в абстрактной сфере логики мышления. Однако, считая, что в нескончаемом переходе от одной меры к другой обнаруживается истинная бесконечность совпадения с самим собой в своем другом, Гегель нащупывал путь к выявлению единства конечного и бесконечного в самом предметном мире, который содержательно связан с раскрытием механизма поднятия на новую ступень развития.

Гегель категорически отвергал точку зрения Лейбница на возникновение в мире качественно определенных видов бытия как их перехода от количественно малого своего существования к количественно большому, а на их исчезновение – как обратного перехода, когда полагается, что новое полностью содержится в старом, но в свернутом (а в случае исчезновения, наоборот, – в развернутом) виде. Он справедливо считал, что при подобном подходе проблемы качественных преобразований оказываются, по сути, устраненными из научного познания (и развития), так как подменяются проблемами восприимчивости или невосприимчивости наличного бытия, существующего в таком случае перманентно. Подлинное же развитие идет лишь через появление новых качеств; по Гегелю, это – всеобщий принцип.

Гегелевская логика действительно начинается с «чистых» абстракций – бытия и ничто. Это противоположности, которые, сливаясь, об-

¹²⁶ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – С. 151.

¹²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 1. – С. 232.

разуют в тождестве третье понятие – «становление». Эта категория уже наполнена конкретным содержанием: все понятия и предметы в этом мире находятся в непрерывном изменении, но не в хаотическом движении, а в *процессе перехода в новое состояние*. Мир – это вечное созидание или разрушение, покой лишь относителен.

Становление у Гегеля осуществляется путем развития старого качества, а не уничтожения, и предполагает примат сохранения над уничтожением. Поэтому и сам переход от старого к новому носит характер обогащения, а не преобразования. Но становление нового качества в результате, например, развития младенца, может означать формирование как здорового и полноценного юноши, так и инвалида, человека высоких моральных качеств и негодяя. В этом смысле становление нового есть *разное отрицание одного* старого, и в этом – чрезвычайно плодотворный момент категории «снятие», содержащей в себе – для себя – многое. «Отношение отрицательного с собой есть *отрицательное* отношение, есть, следовательно, отличие единого от самого себя, *отталкивание* одного, т. е. полагание *многих* *одних*. Со стороны *непосредственности* для-себя-сущего эти многие суть *сущие*, и отталкивание сущего одного становится поэтому их отталкиванием *друг друга* как наличных, иначе говоря, становится их взаимным *исключением* друг друга»¹²⁸. При этом снятие как отчуждение у Гегеля обуславливает резко отрицательное отношение между «своим другим» и его собственным источником. Поэтому отрицание приводит к утрате свободы, а связь между этапами ее достижения духом (форм права) истолковывается метафизически, в противоположность взглядам на развитие, изложенным в «Науке логики». Результат у Гегеля в любом случае оказывается определяющим, а не определяемым¹²⁹, отсюда результат – вне сферы отчуждения. Преодоление отчуждения – в признании равноправия саморазорванности духа, т. е. снятии этой саморазорванности на уровне разума.

У Гегеля налицо тенденция превращения снятия в сохранение, ведь всякое отчуждение, согласно его мнению, приводит к утверждению необходимости существования явлений, уже подвергшихся отрицанию (так снятие религии ведет к ее утверждению в качестве философии религии и т. п.). По словам К. Маркса, именно в этом пункте – «корень

¹²⁸ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. – М., 1975. – Т. 1. – С. 238.

¹²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 1. – С. 225.

ложного позитивизма Гегеля или его лишь *мнимого* критицизма». Однако содержащийся в концепции снятия пафос отрицательности побуждал Гегеля рассматривать «самопорождение человека как процесс», «опредмечивание как распредмечивание», как снятие и отчуждение этого процесса, но это и было тем плодотворным моментом снятия, которое привлекло к проблеме внимание К. Маркса.

Маркс считал, что гегелевское понимание снятия не может обеспечить «утверждение истинной сущности посредством отрицания мнимой сущности, а представляет собой утверждение мнимой или отчужденной от себя сущности в ее отрицании... Поэтому своеобразную роль играет у него *снятие*, в котором соединены как отрицание, так и сохранение, утверждение»¹³⁰, в то время как Гегель находил в снятии лишь абстрактное, логическое, спекулятивное выражение для процессов, которые уже были истолкованы в идеалистическом духе¹³¹, приведя, по мнению К. Маркса, Гегеля к ошибке, в соответствие с которой «он противоречие явления понимает как единство в сущности, *в идее*, между тем как указанное противоречие имеет, конечно, своей сущностью нечто более глубокое, а именно – существенное противоречие»¹³².

Серьезной критике К. Маркс подвергал также гегелевский способ разрешения противоречий путем опосредования противоположностей. Понятие противоречия используется Гегелем в основном при характеристике сущностного противоположения как *имманентного источника движения*, развития, жизненности. «Противоречие – вот что на деле движет миром, и смешно говорить, что противоречие нельзя мыслить»¹³³, – подчеркивал Гегель: «Все где-либо существующее есть некое конкретное и, следовательно, некое в самом себе различное и противоположное».

«*Снятие* (Aufheben) и *снятое* (идеальное – *ideelle*) – одно из важнейших понятий философии, одно из главных определений, которое встречается решительно всюду и смысл которого следует точно понять и в особенности отличать от ничто»¹³⁴. Русское «снимать» не передает двоякого, взаимоисключающего смысла немецкого «aufheben» (снимать). В немецком языке «aufheben» значит, во-первых, устранять,

¹³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 42. – С. 167.

¹³¹ Там же. – С. 171.

¹³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 1. – С. 324.

¹³³ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. – Т. 1.

¹³⁴ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – С. 168.

отрицать, и мы говорим, например, что закон, учреждение и т. д. seien aufgehoben (отменены, упразднены). Но aufheben означает также *сохранить*, и мы говорим в этом смысле, что нечто сохранено (aufgehoben sei)»¹³⁵. В свете этого уточнения Гегеля раскрывается главное, парадоксальное, на первый взгляд для философской категории значение, фиксирующее как единое взаимоисключающие процессы. По мысли Гегеля, при системном разворачивании бытия переход от одной определенности качества к другой осуществляется через фазу одновременного исчезновения и сохранения старого качества. Но снятое у Гегеля отождествляется с идеальным, ибо носит преимущественно гносеологический характер.

Заимствовав у Гегеля чрезвычайно эвристичную оперативную категорию «снятие», К. Маркс подверг ее коренной переработке со стороны внутреннего содержания: у Маркса результат является не определяющим, но определяемым, а само снятие как отчуждение носит и гносеологический, и онтологический характер¹³⁶. Содержательные моменты снятия (отрицание, преемственность, удержание положительного, преодоление и т. д.), в которых отображаются реальные закономерности развития природы, общества и познания, были высоко оценены К. Марксом, но он интерпретировал снятие «как предметное движение, которое *вбирает в себя обратно* отчуждение». С точки зрения К. Маркса, снятие – «это выраженная в рамках отчуждения идея о *присвоении* предметной сущности путем снятия ее отчуждения; это – отчужденное усмотрение *действительного опредмечивания* человека, действительно-го присвоения им своей предметной сущности путем уничтожения отчужденного определения предметного мира, путем его снятия в его отчужденном бытии»¹³⁷.

Снятие есть всеобщая форма взаимодействия противоположностей, но его изучение в каждом конкретном случае требует выявления его уникальной структуры, поскольку всякое снятие есть конкретное изменение конкретного направления развития конкретного инварианта. При этом следует иметь в виду важное различие между снятием-процессом и снятием-результатом. Последнее совпадает с отрицанием отрицания. Но снятие есть не только отрицание отрицания, отличие «снятия» от «диалектического отрицания» – задача, которую ставили

¹³⁵ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. – С. 238.

¹³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 1. – С. 335.

¹³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 42. – С. 168–169.

при изучении проблем снятия основоположники материалистической диалектики.

Эта задача не была ими выполнена в полной мере. Существующие же в марксистской философской литературе расхождения по поводу понимания категории снятия как раз и касаются прежде всего области ее применения и методологических функций. Связь снятия, декларируемая в марксистской литературе как закономерная связь между качественно специфическими этапами поступательного развития от старого к новому, от низшего к высшему и т. д., весьма неоднозначно интерпретируется разными философами. Причина этого лежит в объективной сложности познания переходных состояний развития, в постоянном изменении элементов преобразующегося качества в момент «перерыва постепенности».

Тем не менее, поскольку сама категория употребляется достаточно широко, существуют и толкования этого понятия. Наиболее распространенным является определение снятия как «отрицания с удержанием положительного»¹³⁸. Подобное определение, в котором даже не делается попытка отдифференцировать «отрицательное – положительное», и делает, по существу, категорию снятия неопределенной, *бескачественной* и неотличимой от любого другого вида отрицания. Между тем К. Маркс отмечал, что «всякое развитие, независимо от его содержания, можно представить как ряд различных ступеней развития, связанных друг с другом таким образом, что одна является отрицанием другой... Ни в одной области не может происходить развитие, не отрицающее своих прежних форм существования»¹³⁹. Многообразие реальных форм и типов отрицаний в гносеологической и онтологической сферах обуславливает необходимость их выявления.

Разумеется, научное понимание реального процесса перехода состоит «не в том, чтобы, как это представляет себе Гегель, везде находить определения логического понятия, а в том, чтобы постигать специфическую логику специфического предмета»¹⁴⁰, так как способ отрицания определяется в первую очередь *особой*, а не общей природой процесса. Но чтобы ответить на вопрос, каким именно образом происходит данный конкретный процесс качественного преобразования, необходимо сначала выяснить, в чем состоит отличие отображения

¹³⁸ Материалистическая диалектика. – М., 1981. – Т. 1. – С. 330.

¹³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 4. – С. 296–297.

¹⁴⁰ Там же. – Т. 1. – С. 325.

общей природы процесса снятия от отображения его специфичности и что есть общее во всех процессах снятия. Необходимо выяснить и то, какие теоретические средства способны зафиксировать и это общее, и это специфическое.

Еще Ф. Энгельс выделил два основных типа перехода в противоположность: а) в свою противоположность и б) просто в противоположность, в иное (но высшее по сравнению с исходной формой)¹⁴¹. Речь, по существу, идет о качественных преобразованиях на уровне бытия и уровне сущности. Переходы в новое качество на уровне сущности традиционно фиксируются в марксистской философской практике категорией «диалектическое отрицание»: росток пшеницы диалектически отрицает пшеничное зерно. Пшеничная мука также отрицает пшеничное зерно, но преемственность здесь иного уровня, и фиксируется переход категорией «отрицание». Развитие, таким образом, нелинейно, точнее, не обязательно линейно; формы преемственности и повторяемости тоже различны. И «позитивное», и «негативное» диалектическое отрицание одной и той же исходной системы будет различаться разнообразием форм, обусловленных как внутренними, так и внешними факторами. Вопрос как в том, что ограничивает это разнообразие, так и в том, что общего в этом разнообразии.

Позже было осознано существование двух классов объектов. Одни – детерминированные. Прогноз их поведения может быть дан на любое желаемое время. Другие – стохастические. До последнего времени ими занималась теория вероятностей. В последние двадцать лет было показано, что есть еще один, третий, класс объектов. Формально объекты этого класса являются детерминированными – точно зная их текущее состояние, можно установить, что произойдет с системой в сколь угодно далеком будущем. И вместе с тем предсказывать ее поведение можно лишь в течение ограниченного времени. Сколь угодно малая неточность в определении начального состояния системы нарастает со временем, и с некоторого времени мы теряем возможность что-либо предсказывать. На этих временах система ведет себя хаотически. Тут вновь приходится говорить лишь о статистическом описании. Такие системы были обнаружены в гидродинамике, физике лазеров, химической кинетике, астрофизике и физике плазмы, в геофизике и экологии. К таким же системам относится и антропо-

¹⁴¹ Там же. – Т. 20. – С. 640–641.

социогенез. Научное описание и объяснение данного класса объектов вполне соответствует гегелевским объектам, находящимся в процессе снятия (в процессе скачка определенного типа), а также – синергетическим состояниям.

1.4. Теоретические средства исследования становления человека

Акцент на онтологический план познания, т. е. отображение понятием «переходное состояние развития» некоторой сферы реальности путем простого указания на нее, составляет только необходимую предпосылку теоретического описания феномена качественного преобразования, в то время как само научное описание возможно только посредством категорий, фиксирующих *процесс* качественного преобразования в его *конкретности*. В классической науке исследование *процессов* возможно только при помощи методологии диалектики, которая вполне справлялась с описанием *начала* и *окончания* процесса перехода из одного качества в другое, но сам *процесс* могла зафиксировать лишь в самом общем виде.

Между тем человек и человечество – *процессы* качественного преобразования одной сущности в другую. Человек не только исторически, но и онтогенетически перманентно находится в своем развитии и саморазвитии в процессе преобразования животной сущности в качественно иную – в духовную реальность или, в случае нарушения законов этого процесса, – в специфическую биологическую.

В диалектике переход от исходного качества к новому, как известно, понимается как результат взаимодействия моментов, системно отраженных Гегелем в начальной триаде логики. Первый момент – собственно отрицание, преодоление, устранение. Взятое в изоляции от двух других моментов, отрицание «было бы то же, что и ничто»¹⁴². В единстве с ними оно представляет собой неотъемлемую сторону диалектического отрицания (снятия). Второй составляющий момент – сохранение того ценного, непреходящего, жизнеспособного, что имелось в отрицаемом. Он обеспечивает переход отрицаемого в итоге его «снятия» в «его другое», в его инобытие. И наконец, третий момент состоит в переходе на более зрелый уровень развития, так что «свое иное» оказывается более высоким результатом, чем исходное качество.

¹⁴² Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – С. 172.

Все три момента в процессе снятия, по представлениям диалектиков, могут выступать в различных соотношениях, что объясняет наличие в реальности двух основных направлений всякого развития – прогрессивного и регрессивного. Однако в реальности процесс качественного изменения сложноорганизованных систем сложнее и неопределеннее, чем прогресс или регресс. Поэтому отсутствие четкой иерархичности и многозначность процесса снятия зачастую воспринимались сторонниками диалектического учения как неопределенность *категории* снятия, в то время как *неопределенность* зачастую относится к самому отображаемому снятием процессу. Кажущаяся неопределенность этой категории не должна быть, во всяком случае, основанием для взаимоисключающих методологических выводов, как это иногда случалось в философской практике диалектики. Так, понятое идеалистически, «снятие» становится то апологией всего сущего, то служит обоснованию идеи непрерывного и плавного прогресса, никогда не существовавшего в действительности¹⁴³. Понятое вульгарно-материалистически, «снятие» работало преимущественно как уничтожение, устранение, элиминация старого («весь мир насилья мы разрушим»).

Между тем у Гегеля снятие подразумевало такую связь между предшествующей и последующей стадией, при которой субстанциональное содержание преобразующегося качества не столько уничтожается или сохраняется, сколько изменяется. Суть снятия, по мнению Гегеля, заключается в переходе в иную целостность с одновременным уничтожением одних сторон старого и сохранением других и возникновением третьих, причем каждый этап развития объекта в момент снятия является его собственным структурным составляющим. Каждая противоположность, находясь в целостном единстве с другой, имеет собственное место и роль в процессе, детерминированные как общей, так и особой природой процесса¹⁴⁴, и именно последнее, а не закон отрицания отрицания определяет способ снятия¹⁴⁵.

Среди работ последователей диалектического материализма, посвященных проблеме исследования переходных состояний развития, вплоть до настоящего времени существует только одна монография, которая ставит своей целью раскрыть диалектику снятия¹⁴⁶ как про-

¹⁴³ История диалектики. Немецкая классическая философия. – М., 1978. – С. 248–250.

¹⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 20. – С. 145.

¹⁴⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 1. – С. 168, 339.

¹⁴⁶ Стрельченко В.И. Диалектика снятия в органической эволюции. – Л., 1980.

цесс, а не как результат. Значительно углубив «вертикальный срез проблемы»¹⁴⁷, В.И. Стрельченко интерпретировал «снятие» как процесс, общая направленность которого складывается из некоторой суммы конкретных направлений развития. При этом особенности различных отношений между старым и новым, высшим и низшим проявлены в различных (сильном, слабом, оптимальном) типах снятия, определяемых его глубиной¹⁴⁸. Исследование, проведенное В.И. Стрельченко, является существенным вкладом в решение проблемы закономерностей переходных состояний развития. Однако для понимания закономерностей качественных переходов недостаточно раскрыть типологию снятия по признаку его глубины, необходимо еще объяснить причину образования *возможности* формирования разных типов снятия на базе единого исходного качества и его механизмы. Остался не ясным у Стрельченко и вопрос о взаимосвязи различных направлений развития исходного качества, реализующихся по принципу различных типов снятия.

В.И. Стрельченко отметил, что в отечественной философской литературе «до сих пор нет даже строгой постановки вопроса о необходимости более углубленного изучения категории снятия, о выявлении многообразия форм снятия в процессах развития»¹⁴⁹. Между тем снятие является принципом системной организации новообразования (качественного перехода) и одновременно внутренней структурой переходного состояния развития, необходимо выявить и исследовать различные формы процесса снятия как разные способы образования нового. И дальнейшая разработка категории снятия в этом отношении представляет несомненный интерес прежде всего для конкретных наук, изучающих качественные преобразования вещей и явлений.

Условия осуществления снятия, по В.И. Стрельченко, определяют глубину качественного преобразования (степень вовлеченности в процесс преобразования существенных сторон старого) и формируют тип снятия (оптимальный, сильный, слабый) в рамках общей направленности развития системы (тип отрицания). На этом этапе перехода осуществляется, по сути, «выбор меры» снятия как момента взаимосвязи между сохранением, уничтожением и переходом на новый уровень целостности, т. е. начинается становление нового качества.

¹⁴⁷ Философские науки. – 1983. – № 1. – С. 182.

¹⁴⁸ Стрельченко В.И. Диалектика снятия в органической эволюции. – С. 66.

¹⁴⁹ Стрельченко В.И. Там же. – С. 51.

Как известно, «становление» (развитие) характеризуется взаимоприсутствием *бытия вовне себя* и одновременно *выходом вовне себя*. Внутри категории «становление» (развитие), по Гегелю, заключено, таким образом, противоречие: оно и «стало», и «становится» одновременно. Данное противоречие и обуславливает движение (изменение) некоторого уже существующего инварианта нового качества. «Снятие», в некотором отношении предшествующее «становлению» во времени, характеризуется, как представляется, иным, чем становление, образом и осуществляется посредством иного противоречия: в снятии само противоречие одновременно и существует (так как разрешается), и не существует (так как разрешено). Поскольку снятие есть процесс разрешения противоречия, «выход вовне себя» оказывается в нем преобладающим и ведущим, что и определяет сущность данного процесса как изменения субстанционального содержания преобразующегося объекта; но снятие – и процесс изменения сущности категории, этот процесс отображающей. Возрастание субстанционального содержания преобразующегося качества при этом происходит посредством изменения содержания *процесса*, преобразующего исходное качество, и одновременно путем изменения содержания самого исходного качества. Это позволяет категории «снятие» фиксировать не только результаты перехода на отдельных стадиях процесса перехода (летающую стрелу в каждый конкретный отрезок времени в конкретных отрезках пространства), но и сам *процесс преобразования* (процесс полета стрелы).

Сохранение некоторых элементов и звеньев структуры отрицаемой системы, присущее процессу снятия, и включение их в состав нового качества как компонентов органического целого идет под знаком сохранения в новом качестве всего существенного для него. В это же время совершается либо радикальное преобразование, либо элиминация тех сторон старого, которые для нового качества малосущественны или вовсе неприемлемы. При этом нарушение границ меры исходного качества совершается в пределах, заданных типом отрицания.

Интересна еще одна особенность процесса снятия. В.И. Ленин, рассматривая проблему перехода в «свое иное», обращал внимание на то, что не только одна-единственная вещь (состояние) может стать «своим другим» для данной вещи (состояния), но в некоторых пределах существует определенный набор возможностей снятия, из которых на практике реализуется только одна¹⁵⁰. Однако эта возможность единственна

¹⁵⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 29. – С. 203.

только по отношению к *новому* качеству, а по отношению к старому она обычно является одной из многих. Иными словами, на базе одного старого качества возможно становление целого ряда качеств, и это положение правомерно в отношении как одновременных, так и разоб- щенных во времени процессов.

Становление «букета» новых качеств на базе единого старого воз- можно, но только при наличии соответствующих внутренних и внеш- них условий осуществления снятия в сложноорганизованной системе. Именно в таком случае не только внутренние, но и внешние условия детерминируют способы осуществления снятия, причем степень воз- действия этих условий на глубину и тип снятия зависит от того, на как- ком этапе разрешения противоречия они воздействуют на процесс.

Логично предположить, что чем выше уровень организации исход- ного качества, чем сложнее преобразующаяся система, тем больший набор возможностей снятия способен осуществиться при переходе в свое инобытие.

Известно, что нарушение качественной определенности исходной системы в отношении любой, но существенной для старого качества связи ведет к снятию движущего противоречия преобразующегося объ- екта. Если не затронуты связи и отношения, существенные для меры общей направленности развития исходной системы, то качественный переход осуществляется в пределах этой направленности. Например, зерно пшеницы, посаженное в землю, дает росток, а потом и колос с но- вым зерном. Но если даже в этом, относительно простом, случае, в про- цессе качественного преобразования затронуты более существенные связи, снятие осуществится в направлении перехода на новый уровень бытия, в иную плоскость (направленность) развития. Например, выса- женное в землю зерно, в зависимости от качества полива, сгниет или засохнет. Иными словами, если в процессе преобразования затронуты существенные для меры общей направленности связи (отношения), то преобразование влечет за собой выход за пределы этой меры. Если в движущее противоречие вовлечены связи и отношения, существенные для данной формы движения материи в целом, преобразование означает, точнее, при определенных условиях может означать выход за пределы меры данной формы движения материи. Если же мера устойчивости не нарушается, то преобразование происходит в пределах последней.

Чем более существенные связи и отношения вовлекаются в процесс качественного преобразования (глубина снятия), тем радикальнее про-

цесс отрицания исходного качества, которое при таком подходе правомернее определять как *изоморф*¹⁵¹ системы (исходного качества), т. е. совокупность (единство) наиболее существенных инвариантных характеристик старого, служащих основой для преобразования.

Процесс нарушения количественной определенности («отрицание», «диалектическое отрицание», «отрицание отрицания») при этом не совпадает со снятием во времени: снятие исходного качества происходит в момент нарушения меры устойчивости исходной системы, т. е. в тот момент, когда количество изменений, осуществленных в исходной субстанции (в изоморфе), повлекло за собой предельную неустойчивость и неопределенность исходного качества. Процесс отрицания не только начинается, но и заканчивается позже снятия, так как и после осуществления качественного преобразования необходимо накопление определенного количества качественных изменений (становление), требуемых для создания меры устойчивости полученного нового качества.

Снятие, как всякий всеобщий процесс, несмотря на специфическую логику каждого конкретного качественного преобразования, развивается по вполне определенной схеме, т. е. имеет моменты, общие для всех типов снятия. Выдвижение данного принципа отнюдь не означает попытки сведения реальных процессов переходов к некоторой абстрактной конструкции, к сумме статистических состояний и абсолютизации видов развития, которые имеют место в чисто логической формуле движения Гегеля: тезис – антитезис – синтез. В реальности действительные процедуры множества переходов имеют гораздо более сложную структуру, что неоднократно отмечалось исследователями¹⁵².

В действительности последовательный переход от одного четко фиксированного состояния к другому не всегда совершается по упрощенной формуле структуры отрицания отрицания. Образные изображения схемы развития «ячменного зерна», «почки» даются и Гегелем, и Энгельсом для того, чтобы на примерах, доступных обыденному сознанию, показать расхожест, обыкновенность процедуры, называемой «отрицанием отрицания»¹⁵³. Реальное изменение организации системы связано либо с увеличением многообразия связей (прогресс), либо с

¹⁵¹ *Фофанов В.П.* Социальная деятельность как система. – Новосибирск, 1981.

¹⁵² См., например: *Лосев А.Ф.* Типы отрицания // Диалектика отрицания отрицания. – М., 1983; *Горбач В.И.* Проблемы диалектических противоречий. – М., 1972; *Косолапов Р.И.* Социализм. К вопросам теории. – М., 1979; и др.

¹⁵³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. – Т. 29. – С. 316.

уменьшением этого многообразия (регресс), либо с их перестройкой без увеличения или уменьшения многообразия (одноплоскостное развитие)¹⁵⁴.

Рядоположенность временных или пространственных состояний структуры цепи диалектического отрицания, представленная в диалектике простейшим примером триады, выявляет лишь общий характер переходов в развитое противоречие, для которого не существенно, на каком уровне происходит процесс качественного преобразования, что отрицается первым, а что – вторым, что является «началом», а что – «концом» процесса. Что же касается конкретного перехода от одного качества к другому, при исследовании которого ставится задача выявления механизмов перехода, то здесь проблема «начала» имеет глубокий смысл, существенно значимый для объяснения структуры и функций «конца» (результата) данного качественного преобразования. Гегелевские «тезис – антитезис – синтез» – лишь моменты этого процесса, некоторые кульминационные точки, осуществляемые в цепи отрицаний и потому относительно легко поддающиеся теоретической фиксации. Спецификой процесса перехода является постоянное изменение соотношения составляющих процесс элементов: старого, нового, сохранения, уничтожения, преемственности и т. д. Фиксация этих изменений и есть фиксация сущности самого процесса качественного преобразования (скачка).

Выше уже было выдвинуто предположение, что «снятие» есть всеобщая форма разрешения противоречий, определяющая конкретное направление развития преобразующегося качества в развивающихся системах. Новое направление развития формируется в пределах общей направленности развития исходной системы, образующих зону, внутри которой некоторые свойства и признаки исходной системы свободно дивергируют и конвергируют. Чтобы теоретически реконструировать процесс выхода за пределы этой зоны в определенном направлении, необходимо выявить изоморф, на базе которого происходят эти изменения, а это, в свою очередь, невозможно сделать без всестороннего исследования исходного качества.

Выявление изоморфа исходного качества – это поиск оптимально развитой части исходного качества, т. е. поиск некоторой целостности внутри старого, которая в разных средах (разных условиях) может реа-

¹⁵⁴ *Бондарев Г.И.* Куда развивается мир? // Диалектика отрицания отрицания. – С. 186.

лизоваться в один из вариантов развития собственной сущности. Стало быть, в изоморфе (оптимально развитой части исходного качества) существует не единственная возможность дальнейшего развития, а некоторый спектр таких возможностей. «Переход от низшей ступени к высшей связан не с наиболее развитой разновидностью старого, а с той, которая оптимально развита, наиболее пластична и обладает многосторонними возможностями развития»¹⁵⁵. Нахождение оптимально развитой части исходного качества есть первое условие научного анализа конкретного перехода от одного качества к другому, так как только после выявления изоморфа исходного качества возможно теоретически зафиксировать *начало* качественного преобразования, имеющего разную уровня сложность, но вполне определенную структуру и, следовательно, реально поддающуюся исследованию.

Выше уже был выдвинут тезис о необходимости признания в качестве основного движущего противоречия антропосоциогенеза факт устойчивого существования индивидуальной орудийной деятельности гоминид в условиях стадной организации. Если сравнивать эти характеристики жизнедеятельности предшественников человека с остальными характерными их особенностями, то станет очевидно: именно способность к орудийной деятельности наиболее пластична, вариативна и одновременно стабильна во всех сообществах антропоморфных обезьян; следовательно, именно она наиболее оптимальна. Все последующие рассуждения имеют в виду это обстоятельство.

Следует обратить внимание на то, что процессы, характеризующие исторически предшествующие стадии развития, специфическим образом воспроизводятся в составе иного, нового, более сложноорганизованного целого. Дело в том, что после порождения одной целостной системы (К. Маркс называл такую систему «органическим целым») целый ряд процессов, являющихся источником и условием возникновения нового качества и, естественно, предшествующих появлению новой целостной системы, воспроизводится специфическим образом в составе этого нового целого. Более того, новая система не способна функционировать без воссоздания предшествующих процессов, пусть и в специфически измененном виде, причем воссозданные на новой основе процессы являются уже не просто условиями данной системы, но одновременно и ее следствиями. Именно поэтому наука легко нахо-

¹⁵⁵ Ефимов Ю.И. Философские проблемы теории антропосоциогенеза. – Л., 1981. – С. 142.

дит существенные признаки эволюции всего живого мира, исследуя изменения зародыша человека в утробе матери.

В акте возникновения процесса всякого развития зарождается общая основа будущего качества, аккумулирующая и «откладывающая» в себе собственное прошлое, поэтому становится возможной, специфичная именно для процесса качественного перехода, диалектика поступательности и возврата, восхождения и преемственности, единичного и общего, непосредственного и опосредованного¹⁵⁶. Кроме того, в реальности переход от старого качества к новому в сложноорганизованных системах очень редко бывает линейным процессом, гораздо чаще это процесс нелинейный, поскольку качественное преобразование претерпевают в этом случае многокачественные объекты, исследуемые обычно со стороны основного, «ведущего» качества. Но в таком случае из поля зрения исследователей обычно выпадают те факторы, элементы и внутренние механизмы, посредством которых формируется преемственное единство старого качества с новым.

Взаимосвязь между сохранением, уничтожением и возникновением нового в процессе перехода от одного качества к другому (в данном случае – в процессе перехода от биологической к социальной форме движения материи) определяется в науке чаще всего как непрерывное *снятие сущности* исходного качества, ее преобразование в иной уровень целостности. Но это преобразование всегда осуществляется на базе вполне определенного движущего противоречия, а изменение способов разрешения движущего противоречия исходного качества влечет за собой становление разных новых качеств, способных при определенных обстоятельствах формироваться параллельно и сопряженно. Например, при посеве одной и той же партии зерна, объективно будет существовать не одна, а три группы развития – зерно, благополучно взошедшее и выросшее в колосья; зерно сгнившее и зерно задохшее. Причинами такой дифференциации станут как внутренние, так и внешние условия произрастания – от заболеваемости и качества осенней подготовки до условий полива, температуры, плодородности и освещенности внешней среды.

Дальнейшее осмысление концепции снятия, осуществленное в общем виде основоположниками материалистической диалектики и раз-

¹⁵⁶ Материалистическая диалектика как общая теория развития. – М., 1982. – Ч. 1. – С. 306–307.

витое в исследованиях современных марксистов¹⁵⁷, в частности применительно к органической эволюции в целом, состоит в выявлении тех характеристик снятия, которые позволяют этому процессу изменять и конкретизировать направления развития исходного качества. Различные процессы снятия по признаку глубины представляется эффективным в вопросе выяснения соотношения старого и нового в процессе снятия и позволяет проследить его масштабы. Вместе с тем предложенная Стрельченко типология не является исчерпывающей, так как, фиксируя степень «расшатывания», перестройки, подчинения черт и свойств старого и включения их в новое содержание, она позволяет, по сути, зафиксировать только одну сторону конкретного процесса снятия – способ *разрешения* исходного противоречия, не выявляя картину *зарождения* противоречия нового, тождественного процессу перехода из рамок общей направленности развития к конкретному направлению.

Между тем «основание (т. е. результат разрешения данного противоречия. – Т. Б.), которое сначала обнаружилось перед нами как снятие противоречия, является... как новое противоречие»¹⁵⁸. Способ зарождения нового противоречия представляет собой такую же неотъемлемую сторону снятия, как и способ разрушения снимаемого старого. Способ зарождения нового противоречия закладывается именно в процессе снятия и определяется им, а это, в свою очередь, накладывает специфический отпечаток на характер самого снятия и формирует результаты разрешения исходного противоречия (новое противоречие).

Очевидно, что если способ разрушения старого (глубина снятия предковых признаков, по В.И. Стрельченко), определяя тип снятия («сильный», «слабый», «оптимальный»), обуславливает и способ построения нового противоречия в виде общей направленности дальнейшего развития объекта, в виде формирования границ меры общей направленности развития системы, то и конкретное направление развития также формируется в ходе снятия. Фундаментальные ограничения направленности развития преобразующегося качества (если речь идет о переходе к новому качеству на новом, высшем уровне развития целостности) и ограничения, удерживающие объект в пределах какого-то кон-

¹⁵⁷ См., например: *Бакрадзе К.С.* Система и метод философии Гегеля. – Тбилиси, 1958; *Reuner I.* Marx und der Begriff «aufheben» // *Deutsche Zeitschrift für Philosophie*. – 1966. – Нф. 3; *Мотрошилова Н.В.* Путь Гегеля к «Науке логики». – М., 1984; и др

¹⁵⁸ *Гегель Г.В.Ф.* Соч.: В 14 т. – М.; Л., 1929–1959. – Т. 1. – С. 208.

кретного направления развития (если переход совершается как качественное преобразование в одной плоскости), в процессе *разрешения* исходного противоречия, которые можно определить как этап *развертывания* снятия, расширяются до пределов, заданных типом снятия. Это создает внутренние условия для реализации всех заложенных внутри этих пределов возможностей дальнейшего развития. Развертывание возможностей дальнейшего развития носит активный характер по отношению к старому качеству и пассивный – по отношению к новому.

Пассивность развертывания снятия по отношению к вновь возникающему качеству детерминируется зависимостью результата перехода от способов преобразования. Определяется пассивный характер развертывания снятия тем, что реализация каждой из открывшихся в процессе разрешения противоречия возможностей дальнейшего развития, равно как и само выявление этих возможностей, существенно зависят от соответствующих внешних факторов. При отсутствии благоприятных условий потенциальные возможности исходного качества могут так и не обнаружить себя и, следовательно, в принципе не смогут перейти в действительность.

В момент развертывания снятия внешние условия оказывают решающее влияние на процесс формирования содержания внутреннего развития преобразующегося качества в тех пределах, которые заданы исходным движущим противоречием данного качества. Но как только процесс «вливания» внешнего во внутреннее доходит до заданных пределов или заканчивается вследствие самоисчерпания возможностей внешнего, внутреннее начинает преобразовывать внешнее в соответствии с собственными потребностями. Начинается *свертывание* снятия. Это означает, что все возможности дальнейшего развития данного объекта в данных условиях преобразования выявлены и начинается процесс структурирования реализации этих возможностей. В свертывании снятия заключены во взаимной обусловленности и взаимосцеплении прошлое и будущее; оно есть переход в действительность одной или нескольких раскрывшихся возможностей. Свертывание снятия активно по отношению к своему результату, и если марксовская формула – результат является определяемым – верна в отношении этапа развертывания снятия, то в отношении этапа свертывания явно прав Гегель: здесь определяющим является результат.

Полное снятие исходной сущности происходит в момент максимальной развернутости снятия, что в процессах прогрессивного развития (т. е. в процессах, как считается, подпадающих под действие зако-

на отрицания отрицания) можно отождествить с завершением «первого отрицания». Этот момент является критическим для преобразующейся системы, так как именно на этом этапе начинается зарождение нового движущего противоречия, коррелируемое типом снятия. Стороны противоречия еще не обнаруживают своего различия, но для их единства и противостояния уже заданы рамки общей направленности дальнейшего развития. Эти рамки, или границы меры, еще неустойчивы и подвижны, поэтому внешние факторы развития ощутимо значимы в этот момент для преобразующейся системы в целом и для выбора конкретных направлений дальнейшего развития в частности. «Веер» открывшихся на этом этапе возможностей еще не начал свертываться в конкретных направлениях, как эти направления уже выявлены глубиной снятия оптимально развитой части старого, формируя «определенную неопределенность» преобразующегося качества.

Выдвинутое положение позволяет объяснить первое отрицание как стадию развертывания возможностей исходного качества в пределах общей направленности развития преобразующейся системы, а второе (следующее) – как этап свертывания раскрывшихся возможностей в определенном отношении (направлении). Разграничение это в значительной мере условно, так как развертывание снятия в одних отношениях может не совпадать во времени с развертыванием и свертыванием снятия в других отношениях. Чем сложнее система, на базе которой происходит качественное преобразование, чем более существенные связи и отношения вовлекаются в этот процесс, тем большее количество внутренних и внешних факторов влияет на процесс преобразования и тем сложнее действительная картина перехода к новому качеству.

Окончание процесса снятия в частных отношениях открывает возможности для новых частных процессов качественных преобразований преобразующегося объекта, которые как внутренние факторы влияют на общий характер снятия исходного качества. Однако говорить об окончании качественного перехода относительно всей преобразующейся системы в таких случаях неправомерно, так как некоторое качество формируется не из некоторой *суммы* новых и старых характеристик, а посредством *синтеза* этих характеристик в ходе разрешения исходного противоречия и возникновения нового субстанционального содержания¹⁵⁹.

¹⁵⁹ Бажутина Т.О. Формирование культуры и творчества в антропогенезе: автореф. дис.... д-ра филос. наук / Т.О. Бажутина. – Новосибирск, 1995. – С. 15–16.

Таким образом, в процессе качественного преобразования (скачка) первое отрицание, совпадающее с этапом развертывания снятия, определяет общую направленность развития изоморфа преобразующегося качества, а второе – результирует предшествующую стадию переводом одной или нескольких раскрывшихся возможностей в действительность. В момент перехода от развертывания к свертыванию снятия преобразующаяся система находится в состоянии предельной неустойчивости и неопределенности, так как выбор дальнейшего направления развития уже сделан, но еще не осуществлен, что и делает процесс перехода в этот период в значительной мере зависимым от внешних факторов.

Так, чрезмерно (относительно оптимума) активное снятие сущности преобразующегося качества, вызванное, допустим, слишком благоприятными условиями протекания процесса преобразования, может вызвать слишком глубокое снятие противоречия, которое в предельном случае будет означать гибель системы. Отсутствие необходимого давления со стороны внешних факторов на втором этапе снятия может обусловить пассивное свертывание процесса преобразования, которое в таком случае ведет к увеличению числа частных преобразований и в конечном итоге – к неглубокому снятию предковых признаков, означающему в животном мире узкую специализацию.

Определение пределов меры снятия, внутри которых совершается качественное преобразование, имеет большое значение для выявления глубины снятия как процесса, определяющего переход на новый уровень целостности. Чем больше дисперсия признаков и свойств, вовлекаемых в процесс качественного преобразования, тем большее число запретов и ограничений, налагавшихся на исходное качество, элиминируется. Чем больше элиминируется ограничений развития признаков, тем шире новая зона дисперсии признаков. Чем шире раздвигаются пределы ограничений (пределы меры), тем радикальнее отрицание исходного качества и *оптимальнее* тип снятия. Определение границ, меры возможного преобразования исходного качества делает возможным и определение принципиальных направлений дальнейшего развития преобразующегося объекта, осуществляющихся внутри этих пределов.

Необходимая степень определенности объекта анализа при исследовании переходных состояний развития зависит как от целей анализа, так и от характера изучаемого объекта (уровня исходной целостности, характера его внешних и внутренних связей, определения оптимально развитой части и движущего противоречия). Если объектом анализа, как в данном случае, является процесс преобразования качества,

а задачей исследования – создание модели процесса преобразования, то выявление структуры процесса возможно двояким путем: объединением частных, детальных характеристик процесса в более обобщенные (агрегирование) и последовательным углублением детализации структуры к более частным (деагрегирование). Чем большим количеством переменных с сетью связей между ними (неизвестными или слишком затруднительными для непосредственного анализа) обладает структура процесса, тем целесообразнее первый путь исследования, или агрегирование. В этом случае создаваемая модель объекта первоначально будет необходимо носить гипотетический характер, что облегчает интеграцию взаимосвязей и обобщенных параметров, выявляемых эмпирическими методами.

К объектам, находящимся в состоянии скачка, с определенной мерой адаптации приложимы общие методы исследования систем. Однако при этом необходимо учитывать специфику внутренних связей переходных состояний развития, определяемую и качественными особенностями изоморфа, и многообразием взаимодействий с другими системами, усугубляющихся реакцией преобразующегося изоморфа на эти взаимодействия и взаимосвязи.

Отражая процессы действительного перехода в динамике, категория «снятие» является важнейшим методологическим средством для исследования и теоретического воспроизведения переходных состояний развития и выявления механизмов и закономерностей переходов от одного качества к другому. Использование концепции (схемы) снятия в исследовании переходов, наряду с применением других средств и теоретических принципов, является залогом детерминистско-объяснительного характера предпринятого анализа. Преимущество данного подхода состоит в том, что категорией «снятие» воспроизводится практически весь объем многообразного содержания объекта в момент качественного преобразования. Снятие служит системообразующим принципом, позволяющим связать в единый узел различные аспекты проблемы переходов. Взаимосвязь гносеологического и онтологического аспектов, обнаруживаемая в категории снятия, дает основание отображать переходные состояния как в виде гипотетических построений, так и в конкретно-научных исследованиях.

Существенно, что при анализе качественных преобразований (скачков) с позиций концепции снятия становится возможной фиксация таких последовательностей состояния развития преобразующегося объекта, которые являются закономерными для всех качественных переходов (общее), а также специфики конкретных преобразований (особенное).

Снятие позволяет специфицировать, эксплицировать существенные для объекта в том или ином отношении связи, хотя, вероятно, при нынешнем состоянии концепции переходных состояний развития полностью определить все внутренние и внешние взаимодействия и взаимозависимости любого объекта пока не представляется возможным.

Предшествующий анализ категории «снятие» можно резюмировать в следующих положениях: чтобы объяснить и описать сущность качественного перехода, недостаточно пытаться зафиксировать состояние преобразующегося объекта в каждый отдельный момент времени, следует также обратиться к категории «снятие», отображающей изменение самого процесса преобразования.

Процесс качественного преобразования представляет собой снятие исходного качества, способ которого обусловлен как логикой развития исходного качества (его движущего противоречия), так и спецификой осуществления снятия (его типом и глубиной).

Снятие исходного качества осуществляется в момент разрешения движущего противоречия старого и зарождения движущего противоречия нового. Оно характеризуется изменением направления развития исходного качества в рамках общей направленности процесса перехода, детерминированных типом и глубиной снятия предковых признаков.

Снятие осуществляется поэтапно. На первой стадии, в рамках общей направленности развития старого качества, разворачиваются потенциальные возможности его дальнейшего развития. На втором этапе осуществляется свертывание снятия в виде выбора и перевода в действительность одной (или нескольких) из раскрывшихся возможностей.

Поскольку тезис о поэтапном осуществлении снятия в определенных пределах «неопределенного характера», т. е. о становлении «определенной неопределенности» преобразующегося качества на этапе разворачивания и конкретизации направлений развития на последующих стадиях, был выдвинут в качестве рабочей гипотезы, необходима проверка этой гипотезы. «В методологическом исследовании проверить гипотезу можно, на наш взгляд, заставляя ее «работать» при объяснении тех противоречий, которые в избытке накопились ныне в научном знании»¹⁶⁰. Способность выдвинутой гипотезы объяснять противоречия и открывать путь к проверке частнонаучными методами, может служить методологической проверкой ее плодотворности.

¹⁶⁰ Плотников В.И. Социально-биологическая проблема. Материалы спецкурса. – Свердловск, 1975. – С. 137.

ГЛАВА 2

МЕХАНИЗМЫ ОЧЕЛОВЕЧИВАНИЯ В СИСТЕМНОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

В предшествующих главах были подготовлены условия для достижения цели исследования: раскрыть проблемы формулировки методологических принципов реконструкции антропосоциогенеза и главные теоретические трудности. Теперь, когда, с одной стороны, выявлены философские и методологические проблемы соответствующей эмпирической области, а с другой – развернута концепция закономерностей процессов в системе переходов от одного качества к другому, задача состоит в том, чтобы перевести исходные абстракции в очерченную эмпирическую область, т. е. осуществить систематическое восхождение от абстрактного к конкретному. Последнее невозможно без определения общего и особенного в реализации выдвинутых принципов исследования переходных состояний развития применительно к проблеме антропосоциогенеза и человека.

Несмотря на то что антропосоциогенез необходимо исследовать как целостное единство качественных изменений, следует отметить, что сущностные стороны человека и общества – и биологические, и социально обусловленные, – имеют различную историческую последовательность формирования в процессе очеловечивания и играют разную роль в общественном и индивидуальном существовании человека. Поэтому те человеческие характеристики, которые имеют первичное значение для содержания его биологического существования, – специфическая морфофизиология, психика и коллективная организация – будут рассмотрены в первую очередь, хотя многие их черты исторически сформировались позже всех остальных; а те, которые вторичны по отношению к биологическому уровню существования

человека, – труд, этнос и культура, – во вторую, несмотря на то, что исторически именно орудийная деятельность животных стала основной предпосылкой очеловечивания.

2.1. Морфогенез

Выделив в качестве объекта исследования некоторую систему (единство) качественных преобразований, материальным доказательством целостности которых служит наличие уникального гоминидного комплекса, возводящего гоминид в ранг семейства и характеризующегося наличием прямохождения, развитых для манипулирования передних конечностей и большим, сложноорганизованным мозгом (близкое родство между человеком и африканскими человекообразными обезьянами обнаружено и на молекулярном уровне¹⁶¹), в объект введено и понятие противоречивости, изменяемости самого объекта, поскольку «всякий объект понимается как движущийся объект, т. е. как процесс»¹⁶². Иными словами, выделение в качестве объекта *процесса* перехода от биологической к социальной форме движения материи привело и к понятию изменяемости этого процесса, в данном случае – понятию изменяемости процесса эволюции гоминид на всех уровнях их существования: от молекулярного до поведенческого и коммуникативного.

Понимая под исходным движущим противоречием антропосоциогенеза противоречие между биологической потребностью в индивидуальной орудийной деятельности и биологически целесообразной стадной формой существования гоминид, в рамках которой природная индивидуальная орудийная деятельность бессмысленна, а в некоторых случаях и противопоказана с биологической же точки зрения, а также исходя из положения о четырех сторонах сущности человека – морфофизиологической, психической, духовной и социальной организаций, – правомерно считать, что именно морфогенез, психогенез, социогенез и культуругенез (сфера реализации духовности человека) были теми основными руслами, в направлении которых осуществлялась радикальная перестройка биологической формы движения реальности, исчерпавшая возможности своего дальнейшего эволюционного развития по совершенствованию высшей нервной деятельности на собственном уровне целостности.

¹⁶¹ Грант В. Эволюционный процесс. – М., 1991. – С. 356–370.

¹⁶² Фофанов В.П. Социальная деятельность как система. – Новосибирск, 1981. – С. 28–29.

Поскольку идея эволюции включает два неперменных противоположных аспекта – сохранения и изменения, а современная наука рассматривает нелинейность как универсальную и фундаментальную черту окружающей реальности, было бы некорректным утверждать, что качественные преобразования в морфогенезе, психогенезе и социогенезе шли строго параллельно, линейно и сопряженно, или будто скачок в направлении сапиентизации осуществлялся в какой-то строгой последовательности.

Вместе с тем следует отметить, что некоторые приоритетные, доминирующие на каких-то этапах антропосоциогенеза закономерности изменения этих сторон исходного качества человека и общества несомненно были. Об этом свидетельствует, по крайней мере, тот факт, что единого мнения на этот счет у исследователей вопроса нет.

В современной науке существует точка зрения, согласно которой на первой стадии антропосоциогенеза собственно «антропогенеза» не было. Например, Э. Майр, многие французские антропологи и нейроморфологи, советские ученые Г.Ф. Хрустов, М.И. Урысон и некоторые другие настаивают на том, что переход к очеловечиванию не ознаменовался изменениями в морфологическом облике наших непосредственных предшественников, в частности – в размерах и строении их головного мозга.

Обосновывая тезис об отсутствии морфологической перестройки в коре головного мозга, несмотря на изменение его функций, сторонник теории ведущей роли поведения (наряду с изменениями среды) в эволюции человека Э. Майр (1977) утверждал: для прогрессивной эволюции характерно то, что каждый организм таит в себе большие потенциальные возможности той или иной функции. «С этим предположением, перекликающимся с высказанным в свое время мнением А.Н. Северцова о «запасном уме», – пишет антрополог Е.И. Данилова, – несомненно можно согласиться. Но все же необходимо признать, что изменение поведения того или иного животного относится лишь к одному из механизмов видообразования»¹⁶³.

Возражение, выдвигаемое Е.И. Даниловой, разумеется, является бесспорным, но правомерно оно только для процессов видообразования, происходящих в рамках целостности биологической формы движения материи, да и то только в стабильной среде, когда нет необходимости срочно менять морфологическое нечто и изменения морфологии идут сопряженно с изменениями среды.

¹⁶³ Данилова Е.И. Эволюция руки. – Киев, 1979. – С. 48.

Однако в случае антропосоциогенеза речь идет не просто о видообразовательном процессе, а о переходе к качественно иному уровню развития жизни, в рамках которой претерпевают радикальное качественное преобразование не только некоторые структурные составляющие системы, но и их функции. В ходе очеловечивания изменяется не только животная психика, но и ее роль в способе жизнедеятельности нового качества (человека). При этом видообразование выступает в роли фактора антропосоциогенеза. Однако установлено, что филоценогенез осуществляется не только путем специогенеза¹⁶⁴, но и эзогенеза¹⁶⁵, и трансгенеза¹⁶⁶, т. е. способами, совершающимися и без эволюционных изменений видов, причем при относительно кратковременных сукцессиях, в том числе циклических, вследствие нарушения среды обитания, расселения видов, биоценологических факторов¹⁶⁷. «В любых саморазвивающихся открытых системах, находящихся на разных уровнях организации, можно выделить ряд аналогичных этапов и сходных черт внутренней структуры. Однако, допуская аналогии, нельзя переносить закономерности одного уровня организации на другой»¹⁶⁸.

Несомненно, «понятие “человек” – не только философская, но и таксономическая категория, представления о которой, как и для всех таксономических групп органического мира, складывались и складываются главным образом на морфологических критериях, отражающих конечный результат эволюционного развития взаимосвязи организма и среды для той или иной группы»¹⁶⁹. И главным образом именно потому, что человек есть следствие самоорганизации в определенном направлении *живой системы*, теоретически корректно начинать рассмотрение антропосоциогенеза с той стороны его существования, которая традиционно рассматривается в научных разработках в отношении биологических систем – с их *морфофизиологии*.

¹⁶⁴ Специогенез – постепенное превращение одного сообщества в другое вследствие эволюционного изменения населяющих его видов, в особенности – доминантных (см.: Фауногенез и филоценогенез. – М., 1984. – С. 14).

¹⁶⁵ Эзогенез – преобразование сообществ путем изменения роли видов; например, один доминант уступает место другому (см.: Фауногенез и филоценогенез. – С. 14.)

¹⁶⁶ Трансгенез – результат инвазии в сообщества одних видов и выпадения других (см.: Фауногенез и филоценогенез. – С. 14).

¹⁶⁷ Фауногенез и филоценогенез. – С. 15.

¹⁶⁸ Фауногенез и филоценогенез. – М., 1984. – С. 13.

¹⁶⁹ Данилова Е.И. Эволюция руки. – С. 48.

Анализ видообразовательного характера антропосоциогенеза свидетельствует о том, что главные трудности теоретического определения прямоходящих обезьян (австралопитековых) – люди или животные? – лежат в пределах традиционных представлений о ведущей роли материальных (морфологических в данном случае) критериев изменения. Одни ученые, основываясь на анализе морфологических признаков австралопитеков, считают их обычными человекообразными обезьянами, другие – «почти людьми». Существует обоснование и того, что австралопитековые – тупиковая ветвь гоминизации. Но проблема в том и состоит, что единый комплекс морфологических критериев, характеризующих меру «человечности» австралопитековых, до сих пор не найден и навряд ли будет найден в силу специфического положения обсуждаемых особей в биологической иерархии. Необходимо осознать, что «...качественное своеобразие отбора в человеческом обществе (корректнее было бы сказать: в сообществах гоминид. – *Т.Б.*) с самого начала нашло свое выражение в изменении направления его действия»¹⁷⁰.

Австралопитеки были первыми существами, о которых достоверно известно, что они передвигались на задних конечностях. По строению черепа, лица и объему головного мозга они были сходны с человекообразными обезьянами, но по наличию признаков зубов, вертикальному положению тела и способности к передвижению на двух ногах близки к человеку. Исследователи разных направлений признают значительные трудности систематики австралопитековых, и объясняют их фрагментарностью находок и их неполным описанием, или необходимостью опираться только на костные остатки, как и при описании любых ископаемых форм, а также – противоречивостью имеющегося эмпирического материала. Большая часть исследователей, по сути, стремится выявить некие линейные цепочки, исторически последовательно переводящие одни морфологические формы в другие, а при невозможности выявить такие линейные цепочки ссылаются на неполноту эмпирических данных.

В науке выделено четыре основных вида австралопитеков: австралопитек афарский, австралопитек африканский, австралопитек бойсеи и австралопитек робостус. При этом так и не нашли решения многолетние научные дискуссии о степени причастности разных видов австралопите-

¹⁷⁰ *Алексеев В.П.* Биологическая адаптация человеческих популяций к природным условиям в эпоху палеолита // Первобытный человек и природная среда. – М., 1974. – С. 29.

ков к «чистой филетической линии очеловечивания». По мнению одних авторов, австралопитек африканский и австралопитек афарский не входили в число прямых предков человека; другие (например, уже упоминавшийся отечественный исследователь Ю.И. Семенов) считают их единственно истинными предлюдьми¹⁷¹, третьи склоняются к мнению, что, несмотря на близость Номо с австралопитеками, это два разных рода, один из которых вымер, а другой выжил¹⁷². Вопрос о точном строении филогении гоминид продолжает порождать множество самых разных гипотез. Неизменным остается одно: на всех стадиях антропогенеза, в разных географических местах исследователи фиксируют наличие двух дивергентных морфологических линий австралопитеков и сходных с ними форм – массивного и грацильного типов.

Грацильный тип представлен на всех соответствующих исторических этапах антропогенеза афарским и африканским австралопитеками (безотносительно к тому, относятся они к одной или двум разным линиям), синантропом, палестинским неандертальцем. Для данных форм характерны доминирование эволюционно пластичных модуляций черепной коробки, опережающий рост коэффициента церебрализации (отношение веса мозга к общему весу тела), приспособленные к всеядности челюсти. Для массивных форм, напротив, характерны доминирование роста массы тела, выражающееся в ускоренном росте длины скелета вплоть до эпохи палеоантропов (на стадии палеоантропов – в опережающем росте плечевого пояса, с чем, несомненно, связан ускоренный рост силовых возможностей мускулатуры), высокая степень приспособленности челюстей и зубов к растительной пище.

В массивных линиях, кроме того, особняком стоят две ветви, представленные, с одной стороны, австралопитеком бойсеи (сверхмассивным), мегантропом палеояванским, шапфельским неандертальцем; с другой – австралопитеком робостус, человеком прямоходящим и шанидарским неандертальцем. Первую из названных массивных ветвей следует охарактеризовать как гипермассивную.

Эмпирические схемы, описывающие генетические и функциональные связи существовавших в антропогенезе морфологических форм, показывают, насколько по-разному истолковывают специалисты фактические данные и как меняются теории в связи с новыми находками. Но хотя палеоспециалисты не могут прийти к согласию не только в вопросе о месте и роли ископаемых форм в процессе очеловечивания,

¹⁷¹ Семенов Ю.И. На заре человеческой истории. – М., 1989. – С. 59.

¹⁷² Грант В. Эволюционный процесс. – С. 418.

но и относительно того, когда именно возник и сколько времени существовал тот или иной вид, из разнообразных описаний неравномерного процесса формирования человека разумного довольно отчетливо выявляется картина расхождения основных морфологических показателей в начале каждой исторической стадии антропогенеза и схождения признаков к началу следующего этапа. Поиски «чистой филетической линии» гоминид, приведшей к очеловечиванию, ведутся преимущественно на основании доводов о стадийном росте коэффициента церебрализации¹⁷³.

Вместе с тем факт расхождения других морфофизиологических признаков служит основанием для выводов о том, что «стадийно сходные формы, обнаруженные на разных континентах, не обязательно связаны единством происхождения»¹⁷⁴, поскольку «размах изменчивости между признаками и их сочетания настолько разнообразны, что, хотя можно выделить формы по уровню развития, установить между ними генетическую связь почти невозможно»¹⁷⁵.

Стадийная волнообразность расхождения и схождения морфологических признаков при таком подходе в научной литературе, посвященной исследованию происхождения человека, обычно не учитывается и соответственно никак не объясняется, хотя вопрос о причинах, например, превращения грацильных форм австралопитековых¹⁷⁶ (рост 120 см) в грацильных архантропов (рост 150 см) невозможно решить, не учитывая участие в процессе очеловечивания массивных линий. Сходная картина наблюдается в отношении описания увеличения общих размеров мозга на каждой последующей исторической стадии антропогенеза (см. таблицу). Показатели церебрализации в менее, чем грацильные, вариабельных (пластичных) линиях массивных форм не просто более стабильны, но и имеют отчетливо выраженную тенденцию превосходства над показателями грацильных линий.

Однако максимальный размах изменчивости по показателям изменения структуры мозга и его объема характерен именно для грацильных форм, хотя специальных расчетов и выводов по этому вопросу

¹⁷³ Хрисанфова Е.Н. Эволюционная морфология скелета человека. – М., 1978. – С. 192–195.

¹⁷⁴ Бунак В.В. Род Номо, его возникновение и последующая эволюция. – М., 1980. – С. 67.

¹⁷⁵ Там же. – С. 67, 303.

¹⁷⁶ Грацильные формы, как правило, признаются за сапиентную линию, а массивные – за линии, уклоняющиеся от сапиентного направления.

никто из антропологов, насколько мне известно, пока не делал. Вполне возможно, что «видовой полиморфизм семейства преувеличен» и действительно «необходимо специальное, основанное на самостоятельном изучении всего имеющегося материала, критическое исследование, которое до сих пор никем не проведено»¹⁷⁷.

Следует отметить, что объяснить резкие эволюционные сдвиги телесного строения гоминизирующих особей на начальных и последующих

Таблица сравнительных морфофизиологических показателей гоминизирующихся групп

		Рост, см	Вес, кг	Объем черепа, см ³	Время существования, тыс. лет назад
1.	Рамапитековые	110	?	48 0	14000
2.	Австралопитек африканский	120	40	500	2000–5000
3.	Австралопитек робостус	130–150	50–70	500	2000–3000
4.	Австралопитек бойсеи		2?	530	1600–4000
5.	Homo habilis	120–140	?	625	1000
6.	Питекантроп типа «синантроп»	150	?	1050	600–400
7.	Питекантроп типа «Homo erectus Erectus»	?	?	900	1000
8.	Питекантроп типа «мегантроп палеяванский»	160–175	?	750	1900– 500
9.	Ранние неандертальцы типа «штейнгеймские»	?	?	1500-1300	400–750
10.	Неандертальцы типа «палестинские» (Сос ил Y)	170–180	?	750	80–40
11.	Неандертальцы типа «ианидар», «тешик-таш»	?	?	?	80–40
12.	Классические неандертальцы типа «шапельские»	155–165	?	свыше 1450	80–40

¹⁷⁷ Алексеев В.П. Становление человечества. – М., 1984. – С. 109.

стадиях антропогенеза, исходя из динамики изменений морфологии в различных звеньях одной линии¹⁷⁸, учитывать которые в первую очередь призывает В.В. Бунак, возможно только при одном условии. Условие признания эволюционной необходимости своеобразного синтеза (точнее, различных типов синтеза, определяемых глубиной снятия), зафиксированных исследователями признаков телесного строения на кульминационных этапах снятия отдельных сторон преобразования биологической сущности в ходе формирования «фундаментальных вероятностных связей»¹⁷⁹.

Вклад каждой из форм в осуществление «выбора» направления дальнейшего развития более чем очевиден: пластичность мозговых структур, присущая грацильным формам, означала способность их обладателей к овладению все более сложными формами поведения, в то время как прогресс внутренней структуры мозга, имеющий своей предпосылкой рост абсолютной емкости черепа, сопряженный в рамках биологической формы движения с одновременным увеличением общих размеров тела, перестройка которого всегда сопровождается наиболее консервативными морфологическими корреляциями¹⁸⁰. Перестройка пропорций тела эволюционирующих в сапиентном направлении гоминид не могла бы, таким образом, осуществиться без увеличения общих размеров тела, т. е. без хотя бы частичного участия в сапиентизации массивных форм. Тупиковые и специализированные в направлении адаптации к изменившимся условиям биологического существования направления могли возникать, в таком случае, даже при условии вовлеченности отдельных групп в процесс синтезирования итогов снятия биологического социальным на всех начальных этапах антропогенеза.

Иными словами говоря, на начальных этапах антропосоциогенеза количество флуктуаций в пределах общей направленности морфологических изменений прегоминид было максимальным. Являясь генетически и функционально вторичными по отношению к движущим механизмам антропосоциогенеза, морфологические преобразования позволили определить существенные черты начала процесса очеловечивания как *развертывание снятия* предковых признаков, осуществлявшие-

¹⁷⁸ Бунак В.В. Род Номо, его возникновение и последующая эволюция. – С. 67.

¹⁷⁹ Ахундов М.Д., Баженов Л.Б. Эволюция, нелинейность и марксизм // Природа. – 1991. – № 4. – С. 5.

¹⁸⁰ Хрисанфова Е.Н. Эволюционная морфология скелета человека. – С. 195.

еся посредством *неаддитивного* пересечения различных морфологических цепочек гоминидных форм внутри пределов «массивные – грацильные». Предельная открытость преобразующейся морфологической системы делала ее максимально зависимой от внешних факторов, и сохраниться на уровне бытия ей удалось только за счет повышения качества реактивности на все имеющиеся внешние и внутренние раздражители.

Выдвигаемое положение основано прежде всего на имеющихся эмпирических данных: приблизительно равный объем мозга и сходный тип его строения у высших антропоидов по сравнению с австралопитековыми при ортоградности (двуногой локомоции) последних фиксируют прямохождение как первый специфически человеческий признак, повлекший за собой становление «гоминоидной триады» как системного морфологического критерия.

Группа органов, связанных с прямохождением, эволюционировала у ранних гоминид наиболее интенсивно. Однако эволюция скелета так и не завершилась у человека его специализацией: двуногая локомоция у младенца не закреплена настолько, чтобы он смог обойтись без специального обучения. История знает множество примеров, когда ребенок, воспитанный вне человеческого общества, в качестве «естественного способа локомоции» выбирает передвижение на четвереньках. Но и дети, воспитанные в родительских семьях, встают на ноги только после достаточно длительного обучения, хотя в животном мире процесс специальной «родительской дрессуры», направленной на формирование навыков локомоции, характерной для вида, существует только в классе птиц, а для млекопитающих он не является необходимым.

По сути оказывается, что эволюционная определенность двуногой локомоции, существующая в отряде *Homo sapiens*, так и не закреплена соответствующей морфологией скелета, и, являясь «первым специфическим человеческим признаком», выполняет не только функции передвижения и освобождения верхних конечностей для манипулирования. Эволюционная незавершенность морфофизиологии человека, необходимой для его двуногого передвижения, огромная философская и научная проблема. Мало того, что человеческих детенышей приходится обучать прямохождению, но ведь и само прямохождение чревато многочисленными заболеваниями позвоночника у современного человека, хотя у эволюции было достаточно времени для устранения собственных «недостатков» за десятки тысяч лет, прошедших со времен начала прямохождения. Загадочной с морфофизиологической точки

зрения является и морфофизиологическая половая дифференциация человека в отношении скорости передвижения у разных полов, совершенно не свойственная остальным млекопитающим. И гепард, и гепардиха; и заяц, и зайчиха; и волк, и волчица передвигаются с одинаковой скоростью, потому что скорость при беге является основным условием их видового существования.

Представляется, что именно эволюционная незавершенность строения скелета, совокупно с межполушарной асимметрией головного мозга имеет, тем не менее, позитивное эволюционное значение и служит важнейшим фактором развития психики ребенка, создавая предпосылки для преодоления и развития себя при обучении и самообучении видению мира с максимально возможных точек зрения. По сути, особенности морфофизиологической организации человека и создают материальные предпосылки для максимальной пластичности психики, основания для саморазвития и самоорганизации человека¹⁸¹ и общества.

2.2. Психогенез

Выводы теоретической биологии свидетельствуют, что в процессах видообразования происходит фундаментальное расширение диапазона характеризующей вид изменчивости, всегда сопровождающее пан-ойкуменное расселение и морфофизиологическую дифференциацию вида. Эти процессы всегда предполагают максимальную подвижность и нестабильность психики особей, участвующих в эволюционном изменении. Не случайно и в современном обществе, правда, под воздействием антропогенных факторов, максимальное давление испытывает именно психика населения, приспособляющегося, – прежде всего интеллектуально и эмоционально, – к качественному изменению информационной среды обитания.

Разумеется, трудно уповать на то, что исследования эволюции поведения, взятой изолированно от других предпосылок и факторов процесса происхождения человека, «могут приоткрыть тайну того переломного периода, того скачка, когда «разумное», целесообразное поведение высших антропоидов сменилось социально обусловленным поведением *Homo sapiens*»¹⁸². Однако, поскольку орудийная деятельность

¹⁸¹ Бажутина Т.О. Культура, творчество, устойчивость / Т.О. Бажутина. – Новосибирск: ИФиПр СО РАН, 1994. – С. 7.

¹⁸² Карсаевская Т.В., Леонович В.В. Методологическая роль принципов диалектики в решении проблем становления человеческого общества // Методологические проблемы материалистической диалектики. – Л., 1974. – С. 192.

животных всегда является индивидуальной (или изредка – групповой) формой приспособляемости к *наличной* среде, ограниченной пределами генетически детерминированного «видового фонда»¹⁸³ поведенческих модификаций организма, вопрос о роли психики в системе механизмов антропосоциогенеза является одним из центральных вопросов проблемы происхождения человека и общества.

Бесспорное качественное отличие человеческой психики, заключающееся в выходе за пределы животной стереотипности, от психики высших обезьян базируется на незначительной количественной разнице в морфофизиологическом субстрате мозга. «Если подходить к определению уровня сложности строения и функций мозга человека, не учитывая комплексной интеграции на высшем уровне, и оценивать его совершенствование лишь по прибавлению массы, останется непонятным столь разительное превосходство функций мозга у человека при сравнительно малой надбавке его массы»¹⁸⁴. Гносеологический тупик в исследовании «начала» очеловечивания прямоходящих гоминид как раз и заключается в том, что найти и зафиксировать статичные и определенные морфофизиологические критерии «человечности» практически невозможно.

«Проблема мозговых механизмов исторически сложившихся у человека способностей и функций... составляет критический пункт, перед которым останавливается исследование большинства психологов социологического направления. Вместе с тем она имеет совершенно принципиальное значение... Трудность этой проблемы состоит в том, что признание общественно-исторической природы психических способностей человека ведет к парадоксальному на первый взгляд утверждению их относительной независимости от морфологических особенностей мозга. Иначе говоря, возникает вопрос о возможности существования таких психических способностей или функций, которые не имеют специальных органов в собственном, морфологическом значении слова»¹⁸⁵.

«Для окончательного решения вопроса о «превосходстве» человека над животными (его необходимо решить в интересах этики жизни, так же как в интересах чистого знания...) я вижу только одно средство –

¹⁸³ Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. – М., 1981. – С. 383.

¹⁸⁴ Шевченко Ю.Г. Эволюция коры мозга приматов и человека. – М., 1971. – С. 371.

¹⁸⁵ Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. – М., 1981. – С. 396–397.

решительно устранить из совокупности человеческих поступков все второстепенные и двусмысленные проявления внутренней активности и рассмотреть центральный феномен – рефлексию»¹⁸⁶, – считает известный французский биолог и гуманист Тейяр де Шарден и поясняет, что рефлексия – это приобретенная человеческим сознанием способность сосредоточиться на самом себе и овладеть самим собой как предметом, обладающим своей специфической устойчивостью и своим специфическим значением; способность не просто познавать, а познавать самого себя; не просто знать, а знать, что знаешь, и, что, пожалуй, еще важнее – знать, что не знаешь! Если вдуматься в знаменитое высказывание Ст.Е. Леца «наше незнание достигает все более далеких миров», равно как и Сократовское изречение «я знаю, что ничего не знаю, а другие не знают и этого», они отражают именно психическую сущность человека, позволяющую ему, человеку, критично относиться и к миру, и к себе, произвольно и целенаправленно формируя цели познания, выходящие за пределы потребностей насущного бытия.

Эволюция человека (а эволюция это в первую очередь психическая трансформация, история жизни) есть, по существу, эволюционное формирование сознания, завуалированное морфологией. Таким образом, на первый план исследования антропосоциогенеза, понимаемого как историческое возникновение и формирование феномена человека и общества, выдвигается проблема соотношения внутренних закономерностей развития высшей нервной деятельности с морфофизиологией человека и социальными закономерностями.

Вопрос о роли психики в процессе очеловечивания можно сформулировать и на более конкретном уровне: почему ничтожный в количественных показателях морфологический скачок привел к невероятному потрясению всех сфер жизни гоминид? И почему сознание не сформировалось у значительной части антропоидов, хотя они практически ничем не отличаются от гоминид анатомически и способны осуществлять как орудийную, так и языковую деятельность?

В современной научной литературе высказывается мнение, что процесс возникновения человеческой сущности происходил путем «социологизации индивида и индивидуализации общества, ибо богатство общества, его социального опыта определяется богатством развиваемого им индивидуального многообразия человеческих сущностных

¹⁸⁶ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. – М., 1987. – С. 136, 138.

сил... В осуществлении этой закономерности находят свое выражение историческое развитие социальной сущности, механизм этого исторического развития»¹⁸⁷.

Но социализация индивидов и индивидуализация животных сообществ могли возникнуть только при двух условиях: 1) при наличии либо навыков орудийной деятельности у каждой отдельной особи, либо иного видового способа сверхадаптации без вовлечения генетического уровня и, одновременно; 2) при стадной форме существования данного биологического вида. Однако если навыки орудийной деятельности не закрепляются *социально*, т. е. не транслируются в пространстве и во времени в форме сказаний, легенд или традиций, и если сама орудийная деятельность не способствует – через коллектив (группу) – *индивидуализации* особей, то даже систематическая орудийная деятельность не способна превратиться в труд, в производственные отношения, потому что труд требует не только группового действия, но и индивидуализации поведения и ценностного отношения к действительности. Иначе особо не будет нарушать II закон термодинамики и расходовать ограниченную жизненную энергию на бессмысленные с точки зрения сиюминутного опыта усилия.

Явившись причиной выработки социальных средств закрепления индивидуального опыта в форме традиции, орудийная деятельность оставалась биологической по своей сущности до тех пор, пока психика высших антропоидов оставалась животнобразной, а сами животные продолжали жить только настоящим. Животным нет нужды думать ни о прошлом, ни о будущем, об этом за них «думают» гены. Чтобы стать человеком, следует научиться не только приспосабливать свое поведение к изменяющимся условиям жизни, но и уметь изменять эти условия. При этом самостоятельно создавать такие формы поведения, которые вынуждают окружающий мир изменяться под влиянием (давлением) нового типа поведения в нужном для индивида направлении, можно только с помощью мышления.

Животнобразная психика даже в самых совершенных своих проявлениях не способна противоречить второму закону термодинамики и создавать системы, превосходящие самих себя по сложности функций, не способна к синергетическим эффектам, не может создавать знания «впрок», на будущее.

¹⁸⁷ Батенин С.С. Человек в его истории. – Л., 1976. – С. 37.

Вставший перед исследователями проблемы происхождения человека вопрос: «оказывало ли прямохождение влияние на усложнение структуры мозга или прямохождение в первую очередь инициировало преобразования животной психики?» склонил антропологов во второй половине XX века к мнению, что в антропосоциогенезе психические особенности стали играть более важную роль, чем физические признаки¹⁸⁸.

Как происходил процесс формирования мышления? Дело в том, что изменяемость процесса качественного преобразования в переходных состояниях развития, как уже отмечалось выше, не означает неуклонного и непрерывного изменения всех сторон преобразующегося качества одновременно и в едином направлении.

В переходных состояниях развития, этих сугубо нелинейных областях «разупорядочиваемого и упорядочиваемого хаоса», возможны и свои космосы (если воспользоваться античными терминами «хаос» и «космос», которые вновь активно используются в философской литературе).

В любых переходных состояниях развития (вода при температуре, равной 0 или 100 градусам; при болезни; в период социальных революций и т. п.), этих сугубо нелинейных областях действительности, всегда сохраняются устойчивые динамические структуры, неравновесная целостность которых обеспечивается наложением друг на друга множества «хаосов», охарактеризовать сущность которых возможно только через категории «интенсивность», «изменения структуры», «синергетические эффекты» и т. п. Наиболее устойчивыми в переходных состояниях развития оказываются как раз не статичные, а динамичные структуры исходного качества. В этом отношении наиболее пластичной и динамической структурой высших антропоидов являлась психика, которая несла в период антропосоциогенеза основную нагрузку по сохранению и *изменению* исходной формы – сообщества животных, способных к автономному от группы существованию.

Если, например, H₂O при одних и тех же внешних условиях может существовать одновременно во всех своих возможных агрегатных состояниях – газообразном, жидком и твердом, что регулярно наблюдается на зимних российских улицах при незначительных минусовых показателях температуры, то психика гоминид была еще более подвижной. Люди способны по-разному оценивать одну и ту же книгу; один и тот же фильм или исторический факт, но одинаково относиться к другой книге, другому фильму или историческому событию.

¹⁸⁸ Steiz E. Evolution des Menschen. – Weinhein, 1974. – S. 10.

Именно поэтому мы можем утверждать, что одной из фиксируемых закономерностей качественных преобразований в антропосоциогенезе явилось *становление некоторой неопределенности существования* гоминид как преобразующейся целостной сложноорганизованной, открытой и саморазвивающейся системы. Эта «определенная неопределенность» была вызвана разворачиванием возможностей дальнейшего изменения исходного качества, самоисчерпавшего собственное развитие в предыдущем направлении. Поскольку внутри границ меры общей направленности развития преобразующейся системы в период *развертывания снятия* любое качественное преобразование всегда претерпевает в первую очередь наиболее пластичная и неустойчивая характеристика (свойство) изоморфа, то, судя по имеющимся фактам, такой наименее устойчивой и пластичной характеристикой у высших антропоидов и стала психика (организация высшей нервной деятельности).

Вопрос о психике животных, ее роли в живой картине мира во все времена решался по-разному, нередко с противоположных позиций. Схоласты старой школы полагали инстинкт своего рода гомогенным и застывшим низшим разумом, знаменующим собой одну из онтологических и логических стадий, через которые в универсуме бытие «деградирует» и реализуется от чистого духа до чистой материальности. Для сциентистов мысль и животные изолированы друг от друга. Большинство современных биологов не делают четкого различия между инстинктом и мыслью. Как большинство противоположных суждений, каждая из этих точек зрения не лишена доли истинности. Но для всех них характерна одна общая ошибка непонимания того, «1) что инстинкт, отнюдь не являясь эпифеноменом, в своих различных выражениях передает сам феномен жизни; 2) что он, следовательно, представляет собой величину *переменную*»¹⁸⁹. Акцентирование внимания на этой мысли необходимо прежде всего потому, что признание эволюционной пластичности и разнообразия поведения в животном мире вообще зачастую отсутствует даже в современной этологии, ориентированной на изучение только наследственно обусловленных «комплексов фиксированных актов» поведения, «моторных паттернов», имеющих генетическую природу.

Сегодня наследственно детерминированные признаки поведения используются в биологии наряду с морфологическими в ранге таксо-

¹⁸⁹ *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. – С. 137.

номических критериев. В условиях стабильной среды животные, действительно, действуют стереотипно, и это их главное отличие от человека. Но на изменения среды животные реагируют прежде всего изменением своего поведения, и это есть момент, который эволюционно сближает любые виды.

В этой связи достаточно показательны «словарные определения» психики и психологии, как науки о психике: «психика – это системное свойство высокоорганизованной материи, заключающееся в активном отражении субъектом объективного мира в построении субъектом неотчуждаемой от него картины мира и саморегуляции на этой основе своего поведения и деятельности». Вместе с тем, несмотря на указание, что «У человека психика носит как осознанный, так и неосознанный характер»¹⁹⁰ и определяющие человеческие признаки психики человека, отличающие его от животного, фиксируются ссылкой на *сознание* и способность к осознанию. Знание и осознание, в свою очередь, определяются через мотивационно-ценностное отношение к переживаемому. Но откуда в психике вдруг появляется ценностное отношение – не ясно. За эту проблему не берутся ни психологи, ни логики, ни лингвисты, ни нейрофизиологи, ни антропологи, ни этнографы, т. е. никто из специалистов, занимающихся проблемами сознания. Между тем это очень важно.

Слово «психика», в переводе с греческого, означает «душа». В современной науке психологией называется теоретическая система знаний о закономерностях развития психики как особой формы жизнедеятельности живого. При этом под «психикой» понимается системное свойство животных со сложноорганизованной центральной нервной системой относительно активно перестраивать свое поведение в нестандартных жизненных обстоятельствах, активно адаптироваться при жизни к изменившимся обстоятельствам. Психика, таким образом, есть у всех высших животных, способных «неосознанно» индивидуализировать свое поведение. Человеческая психика отличается от психики животных своей *осознанностью*, тем, что некоторые свои реакции человек способен *произвольно* изменять: либо сдерживаться в проявлении каких-либо ощущений, либо, наоборот, демонстрировать их в преувеличенном виде; либо произвольно концентрировать внимание на каком-либо объекте вплоть до ложных реакций, либо, напротив, вполне осознанно игнорировать его своим вниманием, несмотря на наличие сильных стимулов.

¹⁹⁰ Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2 изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1990. – С. 299.

Момент произвольности, субъективности и субъектности в психических реакциях человека и процессах функционирования его психики предполагает существенную роль в его поведении прежде всего мировоззренческих *установок*. *Установка* – это готовность, предрасположенность субъекта, возникающая при предвосхищении им определенного объекта и обеспечивающая целенаправленный характер деятельности по отношению к данному объекту¹⁹¹. Более позднее понятие *социальной установки* (аттитюда) обозначает субъективную ориентацию индивидов как членов группы (или общества) на те или иные ценности, предписывающих индивидам определенные социально принятые способы поведения. А формирование определенных социально-психологических стереотипов поведения, в свою очередь, определяется морально-нравственными ценностями социальной группы или общества в целом.

Моменты субъективности и *предвзятости* человеческая психика начинает продуцировать только в режиме *познания*, в проблемной ситуации. С.Л. Рубинштейн определил проблемную ситуацию как ситуацию, в которой неизвестное дано не прямо (голоден, вижу зайца, для утоления голода надо поймать зайца), а опосредованно (хочу есть, ничего подходящего вокруг не видно, надо придумать, как утолить голод), через личностное отношение к проблеме. Для решения любой проблемной задачи необходимо сначала найти, а затем заполнить «пробел» в знаниях, который всегда выступает в виде внешнего противоречия между требованиями задачи и ее решением. Иными словами говоря, человеку всегда приходится думать и переживать в том случае, если он имеет цель (насытить голод), но не знает алгоритмов достижения этой цели.

Думать, т. е. решать проблемные задачи, человек исторически учился за счет того, что стал одновременно и строить тактику достижения цели, и эмоционально переживать процесс ее достижения. Дикие животные предпочитают включать эти функции попеременно: например, сначала охотятся, потом отдыхают и эмоционально радуются добыче. Человек, как известно, может охотиться и получать от охоты удовольствие одновременно. Включая в алгоритм психического моделирования деятельности эмоции, гоминиды получили возможность не только оценивать собственную деятельность, но и искажать ее

¹⁹¹ Психология. Словарь. – 2-е изд. Под ред. А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. – М., 1990. – С. 479.

с помощью эмоций. И, действительно, трудно себе представить гепарда, который в хорошем настроении бежит быстрее или медленнее, чем в плохом! Но для человека это – норма.

Если учитывать, что переход в иное качество, в соответствии с закономерностями любых переходных состояний развития, всегда характеризуется на своих начальных этапах становлением некоторой неопределенности преобразующегося качества, то объяснить возникновение на базе психики животных сознания все же возможно.

Описывая в статье «Адаптация» проблемы изучения видообразования, Р. Левонтин отмечает следующее противоречие, возникающее при анализе всех процессов эволюции: «Если экологические ниши определять, используя в качестве критерия только те организмы, которые их занимают, то эволюцию нельзя представить как процесс адаптации, потому что все организмы уже адаптированы... Одним из способов устранения этого парадокса служит «гипотеза Черной Королевы», названная так Леем ван Валеном из Чикагского университета в честь одного из персонажей «Алисы в Зазеркалье»; королева эта должна все время бежать, чтобы оставаться на месте... Вот и в животном мире для того, чтобы вид мог продолжать существовать в условиях непрерывно меняющейся среды, он должен обладать достаточным запасом наследственной изменчивости соответствующего типа, который бы создавал возможность для приспособительных изменений»¹⁹².

Очевидно, что если вид замедлит скорость своих приспособительных изменений к изменяющейся среде или, тем паче, вообще остановится, это закончится для него самым пагубным образом – он вымрет, исчезнет из эволюционного процесса. Но, пользуясь предложенной аллегорией, хочется спросить: а что должна делать королева, если она захочет перейти на другое место? Если ей нужно в силу каких-то причин перейти на другое место? Разумеется, для того чтобы переместиться на принципиально новый отрезок пространства, «королева» должна изменить направление своего «бега». Но сначала она будет вынуждена *разбежаться еще и в разные стороны* одновременно, потому что изменению всегда предшествует выбор возможностей. При этом до того как положение бегуни изменится в пространстве, зафиксировать это изменение, точнее, *начало* этого изменения можно будет только по изменению реакции «королевы» на собственный способ передвижения, т. е. по изменению ее поведения. Это изменение выразится, прежде всего, не только и не столько снижением скорости движе-

¹⁹² Левонтин Р. Адаптация // Эволюция. – М., 1981 – С. 246.

ния бегуни в момент «выбора» нового направления (поведение «Буриданова осла»), сколько активизацией психических процессов (переживание шока, вызванного дистрессом).

Активизируются все основные структуры психики, отвечающие как древнейшие (раздражимость и ощущения, отвечающие за физиологическое состояние организма), так и эволюционно более поздние, высшие (восприятие, память, представления, ответственные за целостность и общую адекватность ориентации в мире). Возбуждение и повышение деятельности психики на фоне снижения общей деятельностной активности бегущего организма находит выход в синергетическом эффекте, возникающем в результате синтеза клеточной и тканевой (раздражимость и ощущения) и ориентировочной (восприятие, представления, память) активности в форме сознания. Сознание, по сути, это способность одновременной работы ощущений, создающих субъективированный фон для деятельности и восприятия, объективирующей деятельность в формах видового поведения. Субъективированность ощущений позволяет исказить восприятие настолько, что оно становится способным быть направленным не только на внешний мир, но и на самого себя.

Если это предположение верно, то критика сторонников ведущей роли поведения на ранних стадиях антропосоциогенеза только на том основании, что «они неизбежно приходят к ложным представлениям о том, что движение не всегда является функцией материи»¹⁹³, поскольку «фиксируют движение нематериальными характеристиками», несостоятельна. Суть ошибки сторонников концепции ведущей роли поведения заключается не в этом, а в том, что они явление принимают за сущность процесса, считая качественно преобразующееся поведение ранних гоминид не *проявлением*, а *фактором* развития. Поведение может стать фактором развития только в том случае, если оно закреплено в любой (как генетической, так и негенетической) форме на видовом уровне. Однако если перманентность клеточного возбуждения закрепляется на генетическом уровне, то оно теряет активность и закрепляется в форме чувствительности групп рецепторов, для активизации которых потребуются дополнительные стимулы, что неэффективно в биологическом отношении.

С точки зрения эволюции адаптационных способностей гораздо экономичней формировать многофункциональные открытые саморазвивающиеся системы, нежели идти по пути специализации.

¹⁹³ Данилова Е.И. Эволюция руки. – С. 48.

Историческое рождение действия, т. е. разделения предмета деятельности и ее мотива, разумеется, стало возможным на определенной материалистической основе: факты свидетельствуют, что в результате прямохождения изменилось положение головы и глаз австралопитековых и соответственно значительно возрос объем воспринимаемой информации. Возрастание объема воспринимаемой информации создавало уникальные предпосылки и возможности адаптивного использования таких свойств мозга, на основе которых развиваются экстраполяция и сложная программированная деятельность, т. е. разумное поведение. Но это вовсе не означало, что человек разумный уже возник.

Психика гоминид в определенный исторический момент *уже* вышла из-под контроля биологических закономерностей, но естественный отбор *уже* не закрепил *генетически* последствия этого выхода, а культура, как внегенетический способ регуляции метапсихической деятельности, *еще* не возникла.

Сосредоточенность на себе, самососредоточение – лишь один из вариантов, моментов реализации возможностей когнитивных запасов сложноорганизованного мозга, эволюционно сформированного у большого числа отрядов животного мира. Эта потенциальная способность *всех высших антропоидов* по сути *избыточна*, не обязательна для их успешной жизнедеятельности, а потому – за исключением одного единственного случая – и не возникает в природе как способ общевидового поведения. Но даже и поведение человека, вероятно, не есть предел возможностей совершенствования в направлении формирования новых качеств на базе высшей нервной деятельности – коэффициент «полезного» использования мозговых структур у человека и поныне далек до хотя бы пятидесятипроцентного. При этом следует помнить, что избыточность некоторых структур является обычным и распространенным в природе явлением: этологами, например, описаны птичьи «клубы», единственной выявленной функцией которых является «ничегонеделанье», и т. п.¹⁹⁴

Период становления человека может и должен рассматриваться как особый тип переходного состояния развития, в рамках которого путем коренного преобразования биологического содержания и биологической формы происходит переход к новому уровню движения материи. Антропосоциогенез действительно, как утверждают большинство

¹⁹⁴ *Плюснин Ю.М.* Проблема биосоциальной эволюции. – Новосибирск, 1990. – С. 140–147.

исследователей, нельзя рассматривать как частный случай происхождения видов, однако методологически неверно настаивать и на том, что «формирование человека не подчиняется логике развития биологических объектов и систем, а происходит по новой, небιологической логике развития»¹⁹⁵. При таком подходе как раз и нарушается важнейший методологический принцип диалектики – принцип историзма.

Качественное отличие человека по сравнению с остальной природой вовсе не означает его исключения из ряда животных форм по основным параметрам жизнедеятельности. Если в ходе эволюции материи аминокислоты и основания, объединившись в макромолекулы, дали новое качество – редупликацию, если макромолекулы, отгородившись мембраной, дали клетку с ее свойством деления, если клетки, собранные в единый организм, вновь дали новое качество – размножение, то человек вне общества по-прежнему остается только *организмом*. Более того, он остается организмом даже в обществе. Даже самое существенное отличие человека от животных – способность к рефлексии и самовоспитанию – не передается потомкам, и они, как и любые животные, формируются за счет двух факторов: наследственности и действия окружающей среды, но окружающей среды только особого типа – культурного сообщества.

Выход из-под контроля биологических законов в ходе антропосоциогенеза происходит на определенном историческом этапе, и именно этот этап фактически является главным объектом исследования при решении проблемы механизмов процесса очеловечивания. Решить эту задачу можно, только предположив (и постоянно имея в виду), что человек начал формироваться в ходе эволюции именно как новый *биологический* вид, который в ходе своего возникновения сначала подчинялся всеобщим закономерностям биологического характера, а потом, в силу определенных *биологических* же причин, выявление которых, по сути, и составляет важнейший аспект исследования при анализе механизмов антропосоциогенеза, вышел за рамки биологической логики развития.

Тезис о ведущей роли психики (поведения) на начальных этапах антропосоциогенеза согласуется с выводами ряда специальных наук. Так, А.Н. Северцов, например, еще в 1922 г. в статье «Эволюция и психика» выделил три основные линии эволюционного процесса:

¹⁹⁵ Карсаевская Т.В., Леонович В.В. Методологическая роль принципов диалектики в решении проблем становления человеческого общества. – С. 189.

1) изменение *строения* органов животных, 2) способ *функционального* изменения органов и 3) способ приспособления к среде посредством *изменения поведения* животных¹⁹⁶.

Изменение поведения, обеспечивая высокую пластичность существующих животных форм, является могучим средством приспособления животных к окружающей среде, а стрессовые ситуации, как доказывают исследования новосибирских генетиков, способны вызвать такие мутации, которые генетически закрепляют у следующих поколений принципиально отличные от исходных форм стереотипы видового поведения¹⁹⁷. Исследования этологов показывают, что в поведении выших антропоидов уже обнаруживается мощный когнитивный потенциал, весьма эффективный при решении житейских проблемных ситуаций. При этом «формирование и дифференциация когнитивных процессов на первых порах протекают независимо от образования звуковых сигналов»¹⁹⁸, что позволило ученым сделать вывод о предшествующем возникновению речи формировании мышления. В этой связи уместно напомнить, что психологами¹⁹⁹ высказывается идея о формировании в онтогенезе так называемого «практического интеллекта» на доречевых стадиях индивидуального развития, а онтогенетическое развитие, как известно, в некотором смысле повторяет филогенетическое.

Представляется, что повышенная потребность в развитии и сохранении индивидуального опыта, которая заставляет удерживать в памяти ведущих орудийную деятельность гоминид все большее количество информации и, что самое важное, когнитивно перерабатывать ее в *знания о известном и неизвестном*, транслируемые внегенетическим образом в пространстве и во времени, возникает только при условии ослабления (или полного распада) стадных форм коллективности.

Мозг гоминид к подобной «революции» морфологически уже подготовлен предшествующей эволюцией. Прямохождение облегчало

¹⁹⁶ При проведении опытов рыжие лисицы, искусственно подвергавшиеся постоянному стрессу, не только стали вести себя как домашние животные и приобрели характерные скорее для собак внешние признаки (загибающийся кверху хвост «колечком»), но и рождали потомство, более похожее на щенят собак, чем лисиц.

¹⁹⁷ *Клике Ф.* Пробуждающееся мышление: у истоков человеческого интеллекта. – М., 1983. – С. 93–94.

¹⁹⁸ См.: *Северцов А.Н.* Эволюция и психика. – М., 1947. – Т. III. – С. 298–300.

¹⁹⁹ См.: *Обухова Л.Ф.* Концепция Жана Пиаже: за и против. – М., 1981. – С. 28.

решение задачи, стимулируя производство множества реакций индивида на одну и ту же ситуацию. Именно поэтому следует согласиться с утверждением, что «полифункциональность передних конечностей антропоидов обеспечила избыточность типов деятельности, что определяло надежность функционирования организма в целом и способствовало выживанию вида»²⁰⁰. Однако выводы о том, что «усовершенствование орудий... по-видимому, было связано с заметной константностью поведенческих шаблонов, персистированностью биологических механизмов, нервной деятельности и привело впоследствии к вымиранию вида человека прямоходящего», сделанные А.К. Астафьевым, противоречат его собственной логике, согласно которой возникновение на последующих ступенях антропогенеза речи обеспечила мутация, единственно способная «преобразовать гортань настолько, чтобы она оказалась способной к диапазону модуляции звука, обеспечивающему членораздельную речь»²⁰¹. При таком подходе остается непонятным, как могли закрепиться пусть даже случайные мутации, если их закрепление не было подготовлено становлением и закреплением в пространстве и во времени сложных форм поведения на предшествующих фазах эволюции.

Полифункциональность передних конечностей действительно обеспечивала, по-видимому, избыточность видов деятельности у предков человека, но она не столько определяла «надежность функционирования организма в целом», сколько создавала предпосылки для постоянного стресса, разрешаемого особями путем поиска новых, не стереотипных типов поведения, ставивших в тупик как хищников, против которых у предков человека не было более надежных средств борьбы, так и членов собственной группы, с которыми по мере формирования мыслительных способностей становилось все труднее взаимодействовать на биологическом уровне.

Становление социальности, как осуществления выбора одной из раскрывшихся возможностей снятия биологического, требовало, согласно общим закономерностям снятия, радикального преобразования системы посредством раскрытия «веера» возможностей дальнейшего развития формы организации преобразующихся животных сообществ

²⁰⁰ Астафьев А.К. О роли эволюционных и социально-исторических факторов в происхождении человека // Человек и природа. – М., 1980. – С. 29.

²⁰¹ Там же.

на начальных этапах антропосоциогенеза. Этот процесс вновь был перерывом постепенности в развитии, но перерывом постепенности в развитии групповой организации гоминид, который, как любой процесс, протекал во времени и, следовательно, материализовался определенным образом. Б.Ф. Поршневу, например, считал, что процесс перехода от животного к человеку распался на два последовательных процесса: на первом в нейрофизиологии предков людей возникал механизм, противоположный нейрофизиологической функции животных (возникновение неадекватных рефлексов в результате ультрапарадоксальной инверсии, смены функций возбуждения и торможения), на втором происходило становление собственно человека. Человек, по мнению Поршнева, нуждается в обособлении «преимущественно от этого посредствующего, а вовсе не от обезьяньего»²⁰².

Однако возникновение сознания и в онтогенезе современного человека характеризуется неадекватностью восприятия, иницирующей как познавательный интерес (не любопытство!), так и развитие навыка критического анализа воспринимаемого. Именно в этот период онтогенеза формируется способность ставить *цель познания*, которая заслуживает специального осмысления. Еще в Античной Греции это умение сознания было сформулировано как парадокс: «Как мы можем искать то, чего совсем не знаем, а если знаем, Что нам искать, то зачем тогда искать?»

Дело в том, что мышление (сознание) начинает работать в режиме познания лишь в том случае, если оно «определило» наличие проблемной ситуации. Если проблемной ситуации, предполагающей многовариантное решение, в наличии не имеется, сознание попросту бездействует («спит»), а человек если и действует при бездействующем сознании, то только на основании инстинктов и/или рефлексов, как животное (т. е. «бессознательно»).

Как известно, С.Л. Рубинштейн определил проблемную ситуацию как ситуацию, в которой *неизвестное* дано не прямо, а через личностное отношение к тому, что содержится в данной ситуации. Иными словами *искомое* в мышлении дано не прямо, а опосредованно в виде условий задачи, которую необходимо решить. При этом «условиями» задачи являются известные факты (информация, знание), субъективи-

²⁰² Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории: проблемы палеопсихологии. – М., 1974. – С. 59.

рованное сопоставление (анализ, синтез и/или обобщение) которых позволяет получить новое знание. Отсюда можно вывести и основной алгоритм мышления (познания): для решения любой познавательной задачи необходимо сначала найти, а затем заполнить «пробел» в знаниях, который всегда выступает в виде внешнего противоречия требований задачи и ее условий.

Неизвестное обнаруживается через свою связь с тем, что известно. Область поисков истины, таким образом, в мышлении сведена к логическому навыку формулировки для самого себя так называемого «недоступного» вопроса, который может быть осуществлен мышлением как последовательный ряд доступных для самого себя вопросов. «Доступными» при этом называются вопросы, ответы на которые мышлению относительно легко получить с помощью известной для него (или «доступной») информации.

Дело в том, что чувственные образы всегда индивидуальны, наделены личностными смыслами, субъективированны. Но, как известно, смыслы и значения понятий совпадают далеко не всегда. Значения понятий – это их смыслы, прошедшие проверку временем и социальными контекстами. Значения понятий одинаковы для всех членов одной культуры. Смыслы в большинстве своем индивидуальны. На этапе формирования мышления смыслы некоторый отрезок времени уже существуют, а значения – нет. В качестве общезначимого в этот период выступают животные знаки, или собственно психические проявления агрессии, желания, миролюбия и др. Это время «понимания», но не знания; чувствования, но не эмоциональности. Индивид уже способен реагировать не только на стимул, но и на его отсутствие, однако сам способен продуцировать во вне себя только стимулы.

Естественно, что межиндивидуальные коммуникации в этот период затруднены и не полноценны, поскольку ожидания превышают реальные возможности и индивид максимальное количество времени отводит «общению с самим собой», т. е. с тем незнакомым индивидом, который становится объектом для самонаблюдения. Индивид превращается в субъекта.

Можно с большой долей уверенности утверждать, что вплоть до мезолита, когда появились первые наскальные рисунки, группы формирующихся людей были крайне нестабильными, а стремление к уединению в стабильной среде – обычным способом времяпровождения особи. Непосредственные предки человека, были слабы в физиче-

ском плане и не способны в одиночку к прямому противодействию с хищниками, но когнитивно развитые и способные к нестандартному поведению, они с самого начала антропосоциогенеза одновременно нуждались в группе и не были готовы к групповому поведению. Безопасные способы межиндивидуального поведения в группе, состоящей из субъектов, а не из объектов, еще только предстояло выработать.

2.3. Социогенез

Широко распространенной ошибкой во многих отечественных и зарубежных теоретических работах по исследованию антропосоциогенеза является буквальное понимание упоминавшегося положения Ф. Энгельса о том, что «нельзя выводить происхождение человека, этого наиболее общественного из всех животных, от необщественных ближайших предков»²⁰³. Выше уже отмечалось, что непосредственные животные предки человека – высшие обезьяны – действительно являются «общественными» животными и должны были бы ими быть в любом случае, но это вовсе не означает, что в процессе изменения содержания сообществ гоминид старая форма *постепенно* наполнялась новым содержанием, так же постепенно вытесняющим содержание старое.

Подобно тому как возникновение разума означало перерыв постепенности в цепи эволюционного развития нервной системы, ознаменовавшийся некоторым разбросом, неопределенностью психических функций гоминизирующихся особей на начальных этапах антропосоциогенеза, пока особи не научились ставить цели и использовать формирующиеся навыки мышления для межиндивидуального общения, в становлении собственно человеческой социальности также произошел резкий скачок, характеризовавшийся специфическим изменением как содержания, так и формы организации животных сообществ.

Для того, чтобы системно решить вопрос, каким именно образом осуществлялся генезис социальности в ходе процесса очеловечивания, необходимо сначала выяснить, что же происходило с самим групповым способом жизнедеятельности гоминид, участвовавших в антропосоциогенезе.

В отечественной литературе, посвященной данной проблеме, выводы о качественной перестройке гоминидных животных объединений, как правило, жестко связываются с таким типом исходной стадности,

²⁰³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 20. – С. 488–489.

который «непрерывно требовал приспособленности особей только к производству, а опираясь на производство, человек может преобразовывать среду в соответствии со своими потребностями»²⁰⁴. Заключение о прямой связи между стадностью исходного типа и производственной организацией людей имеют некоторые основания, но только в отношении конкретного, отдельного периода эволюции гоминид, на котором уже существует не только двуногость, но и (как проявление становящейся человеческой сущности при переходе из возможного в действительное одного из направлений развития гоминид) речь. Однако, поскольку появление орудийности, двуногой локомоции и речи произошло не одновременно, а с временными разрывами, возникает проблема выявления специфики групповой организации на каждом из этапов процесса очеловечивания.

В соответствии с принципами осуществления переходных состояний, на ранних этапах антропосоциогенеза происходит развертывание возможностей дальнейшего развития всех значимых для исходного качества структур. Соотношение и взаимозависимость этих структур на всех стадиях процесса очеловечивания различны. На начальном этапе снятия «биологического социального» орудия, являясь материальным носителем способа существования, равно как и групповая организация, не могут некоторое время развиваться прогрессивно: в этот момент ведущая роль в процессе принадлежит тенденции к индивидуализации особей, а вторая сторона движущего противоречия – социализация индивидов – остается как бы «невостребованной». Мало того, поскольку первые орудия остаются практически неизменными на протяжении всего нижнего палеолита (а следовательно, содержание орудийной деятельности не претерпевает существенных изменений и она остается индивидуальной по своему характеру), постольку в положении «мнимой действительности» на первом этапе разрушения противоречия между индивидуализацией и коллективизацией гоминизирующихся особей оказывается именно групповая организация предшественников человека, а потому ни орудийная деятельность, ни групповые способы существования не могут выступать в виде критерия данного периода, точнее, они могут быть использованы только в качестве специфического косвенного критерия, фиксирующего начало антропосоциогенеза.

²⁰⁴ Карсаевская Т.В., Леонович В.В. Методологическая роль принципов диалектики в решении проблем становления человеческого общества. – С. 189.

Собственно критерием скачка на начальных этапах антропосоциогенеза может быть названа только тенденция развития, которая проявляется во взаимодействии и взаимовлиянии *всех* основных сторон процесса и может быть определена как *сохранение* гоминидного комплекса вопреки последовательному распаду его составляющих. Последнее обстоятельство не менее важно, чем первоочередная реализация индивидуализации особей, ибо, только предположив, что распад животной стадной организации вызвал распад животнобразной психики, возможно объяснить то, что «темпы развития головного мозга за период от питекантропа до неандертальца является относительно и абсолютно интенсивным, хотя в то время приемы первоначальной техники... в течение тысячи лет относительно мало изменились»²⁰⁵.

«Прорыв» к социальной жизни явился естественным результатом развертывания орудийной деятельности в условиях стадного существования прегоминид. Только воздействуя на структуру и функции биологической по своей сущности стадной коллективности, орудийная деятельность смогла преобразоваться в целенаправленный человеческий труд. Но в пределах биологической формы движения материи стадная организация не могла создать такой вариант сообщества, в который систематическая орудийная деятельность вписывалась бы непротиворечиво, поскольку пределы варьирования форм стадной организации млекопитающих ограничены типами животных сообществ в пределах «стадо с кодоминированием – тасующееся стадо».

Любой новый вариант стадной организации, изменявший принципы взаимосвязи особей между собой, выводил за границы меры биологической формы движения, т. е. в качестве «нового» вступал с ней в противоречие.

Тезис о становлении социальности с первых моментов антропосоциогенеза, отстаиваемый большинством исследователей, несомненно имеет под собой реальную почву. Однако уязвимым местом предлагаемых конструкций процесса очеловечивания является в явной или скрытой форме присутствующее в рассуждениях представление об обязательном сопряжении преобразования стадности в социальную структуру с орудийной деятельностью, понимаемой как примитивный *труд*. Между тем орудийная деятельность, взятая сама по себе, еще ничего не доказывает в смысле наличия или отсутствия социальности. Критика Б.Ф. Поршневым исследователей, «подтасовывающих» в начало про-

²⁰⁵ *Нестух М.Ф.* Происхождение человека. – М., 1958. – С. 309.

цесса очеловечивания факты, которые *еще только должны возникнуть*, и защищающих идеи о генезисе социальности одновременно с генезисом трудовой деятельности только на том основании, что систематическая орудийная деятельность является уникальным явлением, несомненно, правомерна. Однако, отрицая идею уникальности орудийной деятельности, Б.Ф. Поршнев, как известно, исходил из представлений о начале формирования социальности на заключительных этапах антропосоциогенеза, когда способы коллективной организации приобрели однозначно выраженный производственный характер, а это не вполне верно в том смысле, что «формированию нового» сначала предшествовал этап кризиса старого.

Логично предположить, что «посредствующее» звено «определенной неопределенности» формы и содержания существовало, скорее всего, и в отношении групповых форм организации гоминид. Во всяком случае, заданная способностью к двуногой локомоции направленность развития гоминид имела возможность реализации в ограниченном множестве конкретных направлений дальнейшего развития, одним из которых являлось сохранение способности к систематической орудийной деятельности в условиях стадного существования. Однако реализация данной возможности не могла осуществляться однолинейно, ибо однолинейности развития в момент скачка с необходимостью препятствует перерыв постепенности. Чтобы осуществилась возможность возврата к «якобы старому» коллективному существованию гоминид, необходимо было становление такого состояния, которое отличалось бы одновременно и от стадного существования, и от человеческой коллективности.

Факты свидетельствуют, что период существования как протантропов, так и архантропов, характеризовавшийся чередующимися похолоданиями и потеплениями, освобождением ряда экологических ниш и т. д., не сопровождался тем не менее изменением основной формы орудий. Не случайно использование орудий галечной индустрии в качестве элементов стратиграфии представляется исследователям затруднительным или вовсе невозможным, поскольку галечная индустрия сохраняется практически неизменной вплоть до конца каменного века, хотя, разумеется, более поздние изделия представляют собой некоторое усовершенствование предшествующих²⁰⁶.

²⁰⁶ *Иванова И.К.* Каменные изделия и их значение для стратиграфии // Проблемы геологии и истории четвертичного периода (антропогена). – М., 1972. – С. 141–142.

Факт неизменяемости основной формы орудий, имевший место на протяжении всего раннего палеолита, ряд авторов считают основанием для критики точек зрения, рассматривающих антропосоциогенез как результат прогресса психических способностей. Казалось бы, можно согласиться с подобными воззрениями. Ведь действительно сами по себе ни орудийность, ни сложные системы коммуникаций или группового поведения не могли являться специфическими причинами антропосоциогенеза. Все эти особенности входят в определенную систему адаптации, характеризующих линию приматов, и потому не могут быть выделены, взятые сами по себе, в качестве критериев процесса очеловечивания. Однако абсолютизация отдельных граней антропосоциогенеза методологически мало оправдана только по отношению к процессу перехода от биологической формы движения материи к социальной в целом, но не относительно отдельных этапов скачка, на которых отдельные характеристики старого (биологического) подвергаются различному давлению со стороны движущих факторов, а потому играют различную роль, в разной степени активизированы в своем саморазвитии или изменении и по-разному проявляются на каждой конкретной стадии перехода.

Только предположив, что именно групповой способ существования стал на первом этапе той «ахиллесовой пятой», элиминация, а затем преобразование которого обеспечила поражение биологического в процессе прорыва к новому качеству, можно создать более или менее законченную системную картину антропосоциогенеза.

Понимание под движущим противоречием противоречия между биологически целесообразной индивидуальной орудийной деятельностью и биологически необходимой стадной формой существования обязывает признать одну из этих сторон преобразованной в первую очередь, а другую – во вторую. Факт относительной неизменяемости орудий на ранних стадиях процесса очеловечивания, а также относительной неизменяемости морфологического строения ранних гоминид позволяет выдвинуть гипотезу, согласно которой исторически первой стороной данного противоречия, подвергшейся устранению в качестве «мнимой действительности», был стадный способ существования гоминид. Переход к человеку и обществу был возможен только при условии наличия в исходном биологическом качестве стадности, но осуществлялся через радикальное – путем уничтожения – ее преобразование.

Снятие стадности ознаменовалось становлением неопределенности групповой организации ранних гоминид, которая выразилась в аморф-

ности и неустойчивости их объединений на начальных стадиях антропо-социогенеза – хронологически до эпохи палеоантропов, т. е. на протяжении всего периода формирования истинно человеческой морфологии.

Именно потеря стабильности в основном организующем начале жизнедеятельности гоминид вынудила их изменить основную линию поведения, заставила предельно обнаружить заложенные в их мозге возможности оперативного реагирования на изменения способа существования, инициировала последующие морфологические изменения, прогресс психики. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что главные изменения, которые современная наука фиксирует на следующем после австралопитековых этапе, касаются изменения мозга: «именно мозг как система управления поведением и функционированием тела, деятельностью освобожденной руки, а также ориентацией в конкретной жизненной ситуации и построении программ поведения продолжал оставаться главнейшим объектом естественного отбора»²⁰⁷.

В период неустойчивости и распада биологической стабильности чрезвычайно усилилась роль индивидуального опыта гоминид, роль их психики, вынужденной накапливать все большее количество информации и когнитивно ее перерабатывать.

Состояние групповой неопределенности объединений ранних гоминид обуславливало интенсивное развитие признаков и адаптационных характеристик, обеспечивающих выживание эволюционирующих форм. Необходимость совершенствования интеллекта особей, вынужденных существовать в условиях неустойчивых групповых объединений, в то время как они, в силу своего морфофизиологического устройства, не способны длительно вести одиночный образ жизни, бесспорна. Однако почему тогда социальный способ существования был, пусть и на новой основе, воссоздан вновь?

Развитие интеллекта неразрывно связано с увеличением головного мозга (емкость черепной коробки у австралопитековых – около 500 см³, у человека умелого – около 650 см³, у современного человека – около 1500 см³). Между тем «увеличению размера мозга сверх некоторых пределов препятствовала ширина родовых путей, через которые должна пройти головка ребенка при родах»²⁰⁸. Отбор на высокий интеллект вступал в противоречие с выживаемостью женщины при родах.

²⁰⁷ *Беляев Д.К.* О некоторых факторах эволюции гоминид // *Вопр. философии.* – 1981. – № 8. – С. 71.

²⁰⁸ *Грант В.* Эволюционный процесс. – С. 445.

Теоретически это противоречие могло сниматься и за счет увеличения общей массы тела, что сохраняло независимость женщин и детей, не требовало реорганизации способа жизнедеятельности, но влекло за собой утрату видовой мобильности, не создавало условий для сапиентной специализации передних конечностей и в конечном итоге вело к потере эволюционной пластичности. Существование массивных и гипермассивных линий гоминид дает основание предполагать, что подобные процессы действительно имели место в реальности.

Несомненно, что в некоторых гоминидных линиях противоречие было снято посредством простого возврата к привычно стабильному стадному способу существования и отказа от интенсивного развития мозговых структур. Однако у той части гоминид, которая впоследствии удержалась на пути сапиентизации, это противоречие, благодаря устойчивой двуногой локомоции, разрешилось путем расширения таза у женщины. Переход к двуногости хотя и сопровождался снижением скорости женщины при беге²⁰⁹, что существенно уменьшало ее шансы на выживание при встрече с хищниками и добывании пищи, но зато позволял рожать детенышей с более объемистым мозгом и отчасти компенсировать снижение скорости увеличением поля зрения.

Поскольку с позиций эволюционной теории пола скорость эволюции и дисперсия признака первоначально больше у мужского пола, а у женского расширение дисперсии и изменение признака начинается на несколько поколений позже, можно предположить, что в начале антропосоциогенеза современному половому диморфизму по данному признаку (у обезьян скорость передвижения обоих полов, как правило, одинакова) предшествовала параллельная фаза, на которой дисперсия скорости у обоих полов гоминид была минимальной, и проблема выживаемости вида стояла особенно остро.

Для того чтобы вступить в конвергентную фазу, в которой половой диморфизм по эволюционирующему признаку относительно уменьшается (что в данном случае означает сохранение у женщин способности к бегу), природе пришлось пойти на второй компромисс: у части гоминид снизилась скорость онтогенетического развития мозга²¹⁰.

²⁰⁹ Примитивное строение стопы австралопитековых заставляет предположить, что они передвигались бегом, а не шагом (см. *Кларк Д. Дж.* Доисторическая Африка. – М., 1977. – С. 51).

²¹⁰ *Геодакян В.А.* Эволюционная теория пола // *Природа.* – 1991. – № 8. – С. 65.

Женщина стала рождать детенышей с незавершенным при внутриутробном развитии строением мозга. Половой диморфизм уменьшился, но новорожденные оказывались совершенно беспомощными и требовали длительного попечения со стороны взрослых особей, в первую очередь – со стороны матери (см. таблицу продолжительности стадий индивидуального роста).

**Продолжительность стадий индивидуального развития
у разных приматов (Wilson, 1975)***

Вид	Продолжительность беременности, дней	Младенческая стадия, лет	Ювенильная стадия, лет	Общая продолжительность постнатальных стадий до достижения половой зрелости, лет	Общая продолжительность жизни, лет
Лемур	126	0,75	1,75	2,5	14
Макак-резус	168	1,5	6,0	7,5	27–28
Гиббон	210	2,0 (?)	6,5	8,5	30 +
Шимпанзе	225	3,0	7,0	10,0	40
Горилла	265	3,0 +	7,0 +	10,0 +	35 (?)
Орангутанг	275	3,5	7,0	10,5	30 +
Человек	266	6,0	14,0	20,0	70–75

* Цит. по Грант В. Эволюционный процесс. – М., 1991. – С. 430.

Реализация подобного направления эволюции заново сплачивала группу, вынужденную в целях генетического воспроизводства взять на себя заботу о женщинах и детях, и задавала новую направленность развития зарождающихся популяций. Теперь, с одной стороны, обеспечивалась сохранность организации, ассимиляции и аккомодации психики гоминид, а с другой – индивид мог формироваться лишь при условии перенесения внешнего сотрудничества, возникающего в процессе социальной жизни, во внутренний план. При этом социальная трансформация, о которой идет речь, по-настоящему выступает лишь на относительно поздних этапах антропосоциогенеза, а первоначально характеризуется неустойчивостью и неупорядоченностью взаимосвязей и

взаимозависимостей между особями и объединяющим их сообществом. Более того, аморфную и диффузную структуру на начальных этапах имели не только отдельные сообщества, но, вероятно, и популяция в целом.

Логично предположить, что в различных локальных группах шел отбор особей с различными приспособительно-видовыми поведенческими и морфологическими признаками. Так, в группах с преобладающей тенденцией к «гаремности» – в силу максимального значения конкурентной борьбы за самок – наибольшую роль, вероятно, играл индивидуально-половой отбор. Этот тип отбора действовал на фоне наивысшего уровня инбридинга. При сочетании различных морфологических признаков создавалась ситуация усиленного действия отбора на такой важный вторичный половой признак, как общие размеры тела. Данная возможность, по-видимому, реализовалась в морфологии гипермассивной линии австралопитековых.

В сообществах с преобладающей тенденцией к кодоминированию конкуренция действовала в ином отношении: здесь последствия вероятных близкородственных скрещиваний по отцовской линии значительно ослаблялись максимальным для стадной организации разнообразием генофонда сообщества. Поэтому ведущую роль должен был играть не индивидуально-половой отбор, а отбор на соответствие индивидуальной морфологии стадно-коллективным стереотипам поведения. Именно это направление оказалось в конечном итоге наиболее перспективным, что доказывает широкое распространение грацилизации, которое многие исследователи понимают как панойкуменное явление.

Наконец, «тасующееся» стадо скорее всего подвергалось как действию отбора на индивидуальные вторичные половые признаки (а значит, усиливало линию формирования массивной морфологии), так и действию отбора на «стереотипизацию». При этом «стереотипизация» существенно ослаблялась постоянной сменой глав гаремных семей, а потому на уровне инбридинга данный вариант развития проявлялся в реализации тенденции возрастающей массивности особей. Косвенным свидетельством существования подобной тенденции в действительности служит склонность к промискуитету во многих первобытных племенах, которую фиксировали исследователи, начиная с Моргана.

Если исходная посылка состоит в том, что некоторое множество гоминидных сообществ стало на путь очеловечивания (а эта посылка подтверждается выводами теоретической биологии: процесс видообра-

зования охватывает, как правило, совокупность популяций), то из нее закономерно вытекает проблема выявления сущности контакта между этими сообществами, способствовавшего эволюционному прогрессу, процессу сапиентизации.

Усомниться в том, что у истоков культуригенеза первоначально стоял обмен производственным опытом, требующий развитой системы внегенетической передачи полезной информации, заставляет то обстоятельство, что австралопитековые обладали лишь зачатками речевой деятельности, которая еще была не способна к выполнению сложных функций. Но и отрицать необходимость формирования уже на начальных этапах антропосоциогенеза языковых средств, добавляющих к типичным животным сигналам выражения собственного эмоционального состояния, сигналы, фиксирующие основные характеристики поведения других членов сообщества и транслирующие во времени и пространстве опыт других членов группы, не вполне правильно.

Несомненно, что поведение в группе у когнитивно продвинутых особей менее предсказуемо. Это поведение может быть приемлемо для остальных членов группы только в том случае, если намерения индивида и последствия его поступков могут быть поняты и приняты сообществом. Для того, чтобы не быть отвергнутой, особь должна уметь дать понять, что, несмотря на общую непредсказуемость собственного поведения для других, она умеет считаться с эмоциями и потребностями других. Однако более развитые, чем у обезьян, способы коммуникации явно носили на начальных этапах антропосоциогенеза преимущественно невербальный характер.

Основные факторы, инициирующие грандиозную трансформацию психики и групповой организации в сапиентном направлении скорее всего обуславливались не только биологической потребностью в генетическом закреплении полезных мутаций, но и необходимостью в упорядочении взаимосвязей между особями по принципиально новому иерархическому принципу. Этот небывалый для биологического мира регулятивный принцип должен был объединить две взаимоисключающие тенденции положения особи в сообществе: быть одновременно и зависимой, и не зависимой от него.

2.4. Трудогенез

Сущность подлинно человеческой жизнедеятельности – ее экономическая эффективность. «Экономически эффективно организованная деятельность» – это такая организация деятельности, при которой затраты на деятельность всегда меньше получаемого дохода. Под «затратами» на деятельность и ее «доходами» понимаются все виды и источники энергии, – психика, физиология, финансы, технологии, знания и т. д. Существенное отличие человека от животных в этом отношении заключается в том, что *homo sapiens* способен не только тратить, но и *создавать* жизненную энергию. Пользуясь языком образов, можно сказать, что другие животные виды эволюционируют в направлении совершенствования бухгалтерии своей жизнедеятельности, а человек в большей степени озабочен ее экономичностью.

Ясное понимание того, каким именно образом возникает социальная (культурная) эволюция как расширенное и *экономически целесообразное* воспроизводство индивидуального и коллективного опыта субъективированного поведения, невозможно без выявления причин и способов формирования целенаправленной трудовой деятельности как деятельности, выходящей за пределы адаптивных психофизиологических программ. В этом смысле наиболее существенное различие между человеком и животным, несомненно, находится в сферах разума, целеполагания и воли, источник которых лежит в способе организации жизнедеятельности предшественников человека на конечных стадиях развития гоминид и начальных этапах антропосоциогенеза, в способах групповой организации и факторах, определяющих специфику этой организации.

Уникальность исторически нового способа жизнедеятельности, как уже неоднократно отмечалось выше, предопределяло освобождение верхних конечностей для манипулирования предметами, инициирующее тенденцию к индивидуализации поведения особей в рамках стадного существования. Навык тонкого манипулирования предметами длительное время реализовывался на основе безусловно-рефлекторных механизмов, являющихся ведущими в животном мире.

Удельный вес условно-рефлекторного поведения у животных (даже у одомашненных и дрессированных) обычно не превышает инстинктивное, причем любые автоматизмы формируются у них на базе первой сигнальной системы. При этом известно, что в результате формирования условного рефлекса раздражитель, прежде не вызывавший

соответствующей реакции, начинает ее вызывать, становясь сигнальным (условным, так называемым обнаруживающимся при определенных условиях).

В психофизиологии механизм условного рефлекса понимается как сложная функциональная система с обратной связью, т. е. как организованная по принципу кольца²¹¹. У человека наряду с первой сигнальной системой, порождаемой воздействием среды, существует и вторая сигнальная система, где в качестве условных раздражителей выступают сигналы, сформированные мышлением. В линии человека разумного не просто возросла доля условно-рефлекторной деятельности, но само ее существование обеспечивалось за счет объективизации субъективного отношения к миру.

Способность психики сапиентизирующихся особей к проблематизации индивидуального восприятия реализовывалась в структурах, локализовавших отдельные «срезы» действительности в особых представлениях²¹², искажавших воспринятое целенаправленно, под направленным «углом зрения». Естественные для любых представлений пробелы, или стертые в памяти следы восприятий, заполнялись не случайным, но системным образом, превращаясь в образы и понятия. Но и образы, и понятия, выраженные биологически нецелесообразными, но специфическим образом, тоже способны превратиться в сигнал, т. е. стать информацией, ориентирующей живую систему относительно определенного события и превращающейся в *перцепцию*.

В антропосоциогенезе усиление условно-рефлекторной деятельности в виде формирования групповых сенсорных эталонов, предполагающих, что восприятие сосредоточено не столько на моментах порождения образа как результата внимания, а на смысловой и оценочной интерпретации объекта восприятия, осуществлялось, по-видимому, за счет и в ущерб деятельности инстинктивной. Косвенным подтверждением этого тезиса служит факт значительной утраты современным человеком тех инстинктов самосохранения, которые тысячелетиями вырабатывались у высших животных, не способных мыслить и получать «ощущение жизни» от морального выбора. Только человеческий ребенок способен беззаботно устремляться навстречу незнакомым ему особям (людям и животным); практически не опасаться незнакомой местности и обста-

²¹¹ Психология. Словарь / Под общей ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1990. – С. 418.

²¹² Представление – восприятие, сохраненное в памяти.

новки в период взрослости; в обществе многие люди часто и с удовольствием употребляют незнакомую или даже заведомо вредную для них пищу и т. д. Врожденному у животных чувству предосторожности, опаски относительно нового и незнакомого человека приходится целенаправленно и достаточно долго учить. И все это потому, что человек «в норме» практически с младенчества – и часто неоправданно – уверен, что общество (семья, социальная группа, государство) стоит на защите его интересов и не допустит его гибели.

Вместе с тем потребность в труде, столь неестественная для животного мира (ни одному, даже очень искусному, экспериментатору не удалось научить творчески-созидательной деятельности наиболее «понятливое» животное), в разных формах возникает у человека на уровне безусловных рефлексов уже на самых ранних стадиях онтогенетического развития. Так, ребенок не просто усваивает поведенческие стереотипы репродуктивно-творческого поведения взрослых, он создает собственные: ломает игрушки, чтобы узнать их внутреннее устройство; стряпает неведомое для взрослых блюдо (мороженое + халва + варенье); придумывает сказку с главным героем Ничитопыром и т. п. При этом каждый ребенок усваивает систему репродуктивного поведения и проявляет творческие наклонности в соответствии и с врожденными способностями, и с мировоззрением собственной семьи и культурой.

Изменение структуры базисных потребностей индивида, сущностью которого стало восприятие выработанной предшественниками человека в качестве витальной потребности необходимости не просто использовать (потреблять) предметы окружающего мира, но и изменять их в соответствии с некоторым замыслом, не могло возникнуть вне общества, единственно способного спровоцировать ослабление у индивида инстинктивной деятельности (а затем сгладить негативные последствия этого ослабления).

В этом смысле теоретически малооправданна гипотеза инстинктивного труда²¹³, который возникает до и вне общества. Рациональный смысл этой гипотезы состоит в поисках промежуточных форм между формами жизнедеятельности животных и человеческим творчеством. Но этот подход слишком однолинеен для объяснения столь нелинейного процесса возникновения всего многообразия связей и контактов

²¹³ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии.

общества, с разнообразными оттенками человеческого поведения, национальными и политическими отношениями, сферами идеологии и искусства, науки, религии и пр. Думаю, нет нужды подробно рассматривать в этой связи и часто употребляемые сторонниками сходных взглядов на происхождение труда выражения К. Маркса «первые животноподобные инстинктивные формы труда» в период, когда труд еще не был свободен от «своей примитивной, инстинктивной формы».

Разумеется, без навыков инстинктивной орудийной деятельности гоминиды вряд ли смогли бы перейти к трудовым отношениям, но человеческий труд и орудийная деятельность животных сопоставимы лишь в одном отношении – они осуществляются при помощи дополнения организма некоторыми предметами.

Да, именно орудийная деятельность животных предшественников человека явилась базой для производства орудий человеком. Да, именно труд стал самой существенной отличительной чертой человека по сравнению с его животными предками. Но, являясь одним из наиболее существенных человеческих качеств, труд возник исторически много позднее других, столь же значимых для формирования человечности характеристик – разумного поведения и, по-видимому, речи. Об этом свидетельствует прежде всего факт длительной неизменяемости орудий на протяжении всего нижнего палеолита.

Все фундаментальные компоненты трудовой деятельности, выделенные К. Марксом в первом томе «Капитала», – сам труд как совокупность трудовых операций, в результате которых появляется результат труда; объект труда, понимаемый как нечто, на что направлена трудовая деятельность, и средства труда, с помощью которых осуществляется трудовая деятельность, – имеют материальное подтверждение в виде археологических остатков.

Очевидно, что критерием прогрессивных сдвигов в орудийной деятельности должны быть качественные изменения характера орудий (их формы и функциональной предназначенности), которые проявляются в технологии изготовления и способе их употребления.

Первыми антропоидами, о которых достоверно известно, что они передвигались на задних конечностях и постоянно использовали (что не равнозначно понятию «производили») орудия, были австралопитеки. Первооткрыватель австралопитеков Р. Дарт уделил большое внимание обоснованию положения о том, что они при помощи орудий охотились на животных. Р. Дарт пришел к выводам, что для охоты австралопитеки использовали определенные части скелетов животных, и

на этом основании говорил об остеодонтокератической (костезубороговой) культуре данного этапа антропосоциогенеза. Гипотеза Р. Дарта лишь частично признается большинством исследователей, так как принципиальной разницы между костными остатками животных на стоянках австралопитековых и скоплениями костей в результате деятельности хищников (леопардов, гиен и др.) не найдено. Нет доказательств, свидетельствующих и в пользу гипотезы об изготовлении австралопитеками каменных орудий, хотя найденные куски кварца и кварцевых галек, отбитых сталагмитов и сталактитов носят явные следы их использования в качестве орудий. В безусловном использовании естественных предметов австралопитеками, характеризующимися в линии австралопитека африканского малым ростом и незначительной физической силой, единодушно уверены все исследователи, отмечающие, что лишенные естественного вооружения австралопитеки вряд ли смогли выжить в изобилующей хищниками открытой местности. Не смогли бы они голыми руками и разделать туши убитых животных, которыми, наряду с растениями, по заключению исследователей, питались. Таким образом, орудийная деятельность австралопитековых (олдувайская культура), существовавшая не менее чем за 0,5 млн лет до появления *Homo habilis*, отличалась от аналогичной деятельности животных разве что большей систематичностью и некоторым расширением сферы применения. Австралопитеки использовали орудия, найденные в природе, а если и создавали искусственные орудия, то эпизодически и бессистемно, технология изготовления сводилась к получению острой грани (путем разбивания или раскалывания). Ни форма, ни размер орудий первых умельцев особенно не заботили. Орудия, среди которых не существует и двух полностью тождественных, были универсальными – на все случаи жизни.

Качественные изменения первых орудий труда хронологически приходятся на вторую половину существования архантропов – в культурах типа «аббевиль». Существенной особенностью орудий данного периода является увеличение их размеров в целом при сохранении заметной аморфности формы. Но в то же время в этот период уже встречаются двусторонне обработанные орудия яйцевидной формы (рубила), широкая часть которых была пригодна для удержания рукой, а верхняя, зауженная часть имела два режущих края, сходящиеся к концу. Помимо рубил в этот период изготавливались и чопперы – грубые рубящие орудия, близкие по своей внешней аморфности к орудиям галечной культуры и более универсальные в применении, нежели рубила.

Дифференциация орудий по их функциональной предназначенности, начавшаяся на данном этапе развития гоминизирующихся сообществ, вряд ли была результатом плавно-поступательного развития орудийной деятельности. Технологический скачок связан, по-видимому, со стабилизацией групповых, в первую очередь семейно-брачных отношений. Только формирование устойчивого механизма регуляции межиндивидуальных и групповых связей «интеллектуализированных» особей могло смягчить жесткую систему доминирования среди самцов и одновременно упорядочить половые контакты. Не случайно исследователи связывают процесс исчезновения эструса именно с этим периодом²¹⁴. Готовность женских особей к оплодотворению становится круглогодичной и не зависит больше от сезонности в добывании пищи, а сохранение сексуальной потребности у «репродуктивно непродуктивных» особей в условиях примискуитета способствует формированию третьего поколения – поколения «дедушек и бабушек». Если подобное предположение верно, то освобождение когнитивного потенциала, до этого почти целиком затрачиваемого на борьбу за выживание, для превращения систематической орудийной деятельности в постоянную производственную вполне можно объяснить возникновением уникальных отношений между полами и поколениями, аналогий которым нет не только среди обезьян, но и млекопитающих в целом.

Вместе со стабилизацией групповых отношений появляется потребность в стабильных орудиях с большой длиной острой рабочей грани. Стабильные орудия можно совершенствовать. Несовершенство чопперов и рубил преодолевается в тот период, когда был осуществлен переход к использованию отщепов (клектонские пластинчатые орудия) и обработке нуклеусов (ашельские орудия). В результате этого начинается операциональная дифференциация орудий на рубящие и рубяще-скоблящие. В это же время исследователи фиксируют первое использование огня, полученного из естественных источников. Некоторые стоянки архантропов содержат более тонны каменных орудий и манупортов, что свидетельствует не только о существовании развитой каменной индустрии, но и об объективной возможности перехода архантропов к полуседлому образу жизни. К этому же времени относится и начало сооружения жилищ по типу хижин, основу которых составляли шесты, а в мощном галькой центре размещались один или несколько очагов.

Охотники из групп архантропов успешно справлялись даже с очень крупными и опасными животными (в частности слонами), а быстроно-

²¹⁴ Семенов Ю.И. На заре человеческой истории. – М., 1989. – С. 104–105.

гие копытные, если судить по скоплениям костей на охотничьих стойбищах того периода, вообще являлись преобладающими объектами охоты. Последнее дает основание для выводов о формировании развитых навыков систематической коллективной деятельности в виде загонной охоты. Добывание и обработка растительной пищи, которая составляла в рационе архантропов от 60 до 80 %²¹⁵, также предполагали использование орудий и известную производственную кооперацию. На африканских стоянках этого периода часто встречаются сфероиды, следы на которых часть исследователей истолковывают как результат действий по измельчению растительной пищи.

Следующий качественный сдвиг в технологии производства и использовании орудий начинается на так называемой неандертальской стадии. Это – мустьерский этап техники обработки камня. Операциональная дифференциация орудий становится многообразной. Как результат продолжения технологической линии двусторонней обработки появляются остроконечники, распространяются односторонне обработанные скребла. Наблюдаются геометризация орудий, их миниатюризация и тщательность отделки (обработка всей поверхности орудия при помощи ретуши). «Налицо значительный прогресс не только в технических знаниях, т. е. знании свойств разных пород кремня и наиболее целесообразных способов их обработки, но и в технических навыках, т. е. в манипулировании мелкими предметами, точности ударных движений, наконец, умении соизмерять силу и направление ударов и соблюдать повторяемость движений»²¹⁶. Появляются способы искусственного добывания огня²¹⁷.

На фоне временной асинхронности качественных сдвигов в орудийности по отношению к качественным сдвигам в морфологии предлюдей достаточно отчетливо выявляется эволюционная взаимосвязь прогресса в орудийной деятельности и определенных сторон морфологии.

Так, если прямохождение, отличающее австралопитековых от предшествовавших им рамапитековых приматов, явилось предпосылкой для генезиса систематической орудийной деятельности, то этот генезис, в свою очередь, через посредство естественного отбора (действовавшего прежде всего на уровне стадного генофонда) закрепил

²¹⁵ Семенов Ю.И. На заре человеческой истории. – С. 181.

²¹⁶ Алексеев В.П. Становление человечества. – С. 155.

²¹⁷ Борисковский П.И. Древнейшее прошлое человечества. – М., 1980. – С. 181.

способность к прямохождению в качестве необратимого эволюционного завоевания гоминид. Поиск собственной экологической ниши заставил прямоходящих австралопитековых в корне изменить свое поведение, а это вызвало нарушение стабильности стадной организации предков человека.

Качественных сдвигов в морфологии в этот период не происходит, но одновременно отсутствуют и какие-либо изменения в орудийной деятельности. Последняя как бы консервируется в своем развитии на протяжении всей австралопитековой и непосредственно следующей за ней стадии. Вынужденное наращивание когнитивного потенциала индивидов в период максимальной диффузности и аморфности групповых объединений стимулирует дальнейшее развитие мозговых структур и вариативность поведения, которые resultируются сплочением сообществ и закрепляются формированием руки, завершающимся в основном на стадии архантропов²¹⁸. Сформировавшаяся рука инициирует прогресс в орудийной деятельности, а необходимость стабилизации групповых отношений заставляет членов сообществ объединяться на новой основе – вокруг трудовой деятельности и использования орудий.

Сразу следует оговориться, что понятие «труд» вряд ли целесообразно отождествлять с орудийной деятельностью (иначе следовало бы признать людьми и австралопитеков и, например, ос-аммофил), или с однозначно понимаемым процессом реализации цели посредством воздействия на соответствующий объект деятельности (в этом случае нам пришлось бы признать трудом и деятельность влюбленных, направленную на рождение ребенка).

Думается, что *труд* качественно отличается от целенаправленной и даже орудийной деятельности животных прежде всего тем, что включает в себя одновременно два процесса: репродуктивный и продуктивный при условии доминирования последнего. «Репродуктивная» сторона труда тождественна физическому понятию «работа» и может быть определена как изменение одного вида энергии в другой путем ее расхода. Для человека, как и для любого животного, «работа» всегда связана с расходом энергии, и потому человек, как и любое животное, стремится к сохранению жизненной энергии в целях продления жизни, т. е. стремится работать как можно меньше.

Продуктивная сторона труда в этом отношении гораздо сложнее и парадоксальнее: продуктивную сторону труда можно определить как

²¹⁸ Алексеев В.П. Становление человечества. – С. 106.

процесс приращения энергии, как процесс извлечения, концентрации и увеличения энергии из внешнего мира путем уникальной технологии и на основе универсальной методологии творчества. «Человек труда» имеет в процессе жизни энергии больше, чем «человек работы» и потому живет в среднем намного дольше, поскольку не только расходует, но и наращивает энергию. Возможно, именно этим обстоятельством объясняется и исторически неуклонное увеличение продолжительности жизни человека (от 35 в эпоху первобытности до 73 лет в конце второго тысячелетия нашей эры), которое вряд ли происходит *благодаря медицине и улучшению комфортности жизненных условий, скорее вопреки все возрастающей интенсификации жизни и увеличению расхода энергии в онтогенезе.*

Животные, согласно принципу антиэнтропийности, ради сохранения дарованного им запаса «жизненных сил» «строят» стратегию своего жизненного поведения таким образом, чтобы минимизировать расход энергии. Решается эта задача в животном мире путем дифференциации как морфофизиологии особей, ведущей к упрощению функций систем и органов, так и посредством дифференциации «социальных обязанностей» внутри сообщества, следствием которой является упрощение групповых функций особи. Жизненные стратегии человека иногда строятся по этому животному принципу, но он и для человечества в целом, и для индивида, и для человеческой группы малоэффективен в качестве долгосрочной стратегии. Именно на это обстоятельство, по сути, обратил в свое время внимание К. Маркс, исследовавший в своей магистерской диссертации философские основания культуры Древней Греции, закончившей свое великое историческое прошлое весьма бесславно. Маркс писал, что если бы древние греки изобрели машины, то использовали бы их не для того, чтобы *трудиться* (в значении «работать») все больше и больше, производить все больше и больше, а для того, чтобы самим перестать работать или свести этот труд к минимуму²¹⁹. С этой точки зрения люди, не приученные трудиться с детства, обычно стремятся не работать вообще, потому что в биологическом смысле выгоднее экономить запас жизненной энергии и тратить его только на секс, пропитание и защиту от агрессии внешней среды.

Однако история человечества доказывает, что во Времени и Пространстве сохранились только те человеческие сообщества, которые активно тратили биологическую энергию на производство «артефак-

²¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 23. – С. 419.

тов», *производство пространства и времени культуры*. Успешно развиваются исторически только те культуры, которые овладели не только секретами «творческого метода», но и сформировали на его основе методологию в виде системно-творческого отношения к действительности в целом. Статистика свидетельствует и о том, что наибольшая продолжительность индивидуальной жизни наблюдается в тех социальных группах, в которых традиционно поддерживается активная социальная деятельность, причем эта деятельность высоко-результативна и всегда приносит психологическое удовольствие личности. Иными словами говоря, в истории сохраняются и развиваются только такие социальные группы людей, которые умеют и любят трудиться. Методология продуктивной (творческой) стороны труда, таким образом, имеет огромное значение прежде всего для человечества в целом, и лишь как частный случай – для так называемых «творческих профессий».

Суть этой методологии состоит в том, что трудовая деятельность складывается из:

- репродуктивных знаний и навыков репродуктивного поведения;
- творческого метода целенаправленного преобразования действительности;
- метода перманентного соотнесения «знания» с «незнанием», «умения» – с «неумением», «осторожности» – с «риском», «значения» – со «смыслом» и т. д.;
- развитого навыка экономии жизненной энергии с помощью метода «продуктивной лени».

О последнем «методе» следует сказать особо. В афоризме: «Лень – двигатель прогресса» доля шутки гораздо меньше, чем это может показаться на первый взгляд: сущность «продуктивной» лени и ее главное предназначение в том, что она вынуждает человека к творчеству, поскольку не допускает возможности изменения цели – достичь желаемого результата²²⁰ с минимальными затратами сил и времени, а потому вынуждает человека ставить цель и искать способы ее достижения «беззатратным» образом. Если бы это было не так, человечество, в лучшем случае, продолжало бы возделывать землю мотыгой, передвигаться исключительно пешком и никогда не узнало бы ни пороха, ни

²²⁰ Значение другого афоризма: «Цель оправдывает средства» первоначально заключалось именно в этой мысли: достичь желаемого при помощи минимальных затрат.

бумаги, ни прочих благ цивилизации. Результат использования этой методологии – достижение устойчивости во времени и пространстве не за счет стабилизации системы, но посредством приведения ее в такое состояние, при котором она сохраняет устойчивость лишь в процессе балансирования между устойчивым прошлым и абсолютно неравновесным и нестабильным будущим.

Экономической наукой пока не создана система законов, полностью и всесторонне охватывающая процессы производства, обмена, распределения и потребления в их системной целостности. Мешает созданию полной системы законов, охватывающих все проявления экономической жизни, прежде всего тесная взаимосвязь экономических процессов с политическими, социальными, культурологическими, историческими, личностными и этнопсихологическими факторами, учет которых затруднен по причине их разноплановости, многозначности и разнозначности, формирующих синергетический эффект, который не подвластен пока полному научному описанию даже в отношении более простых систем – физических и химических.

Модели экономических объектов, которыми пользуются в «чисто» экономической науке, обладают двумя существенными недостатками: а) они не соответствуют реальной сложности экономического бытия в отношении взаимосвязи с внешней средой и б) в своем большинстве не учитывают те взаимосвязи и отношения, которые должны помогать реальным хозяйственным единицам развиваться быстрее окружающей среды. «Чистая экономика», по сути, и сегодня строится на постулатах линейности, аддитивности и детерминированности, хотя подобные принципы организации хозяйственной жизни на практике позволяют хозяйствующему субъекту развиваться лишь в краткосрочной (до одного года) перспективе, а в дальнейшем препятствуют даже выживанию предприятия или фирмы.

Например, постулат линейности, декларируемый традиционной экономической теорией, гласит, что изменение объема потребленных ресурсов в n раз влечет за собой изменение выходного результата в n раз. Постулат детерминированности по существу означает правомерность утверждений о том, что вся система взаимодействий со всеми причинно-следственными связями в объекте управления может быть точно и полно описана.

Постулат аддитивности базируется на представлении, что все факторы, воздействующие на объект управления, действуют независимо друг от друга, а конечный результат деятельности хозяйственной единицы выступает как сумма частных воздействий. Даже результаты

функционирования национальной экономики подсчитываются по этой схеме, суммируя вклады всех подсистем. Идея аддитивности позволяет применять для описания и моделирования поведения экономических объектов экономико-математическими вероятностными методами и хорошо зарекомендовал себя в экономической статистике, экономической кибернетике и т. п., однако в сфере менеджмента следование данному постулату означает попытки претворения в жизнь ошибочного тезиса, согласно которому управленческая деятельность определяется представлением об одинаковости материальных стимулов для одинаковости поведения людей в различных социально-экономических и культурно-психологических системах. Между тем, когда, например, В.И. Ленин определял революционную ситуацию как общественное положение, при котором «верхи и низы» одновременно становятся готовы к революционным преобразованиям по разным мотивам, речь шла как раз о том, что в обществе для одинакового поведения зачастую требуются разные стимулы, а для разного – одинаковые.

Жизненный опыт и наблюдения подсказывают, что поведение людей вообще, в том числе и их трудовая деятельность, как минимум в половине случаев нелинейны, неаддитивны и недетерминированы как на индивидуальном, так и на групповом уровне. Кроме того, человеческая деятельность противоречива и не всегда предсказуема. Действия субъектов экономической деятельности обладают ярко выраженными мультипликативными, пороговыми и триггерными эффектами, т. е. конечный результат деятельности хозяйственной структуры вполне правомерно может оказаться в прямом противоречии с некоторыми экономическими законами.

Общим свойством экономических объектов в современной литературе по менеджменту часто признается принцип иерархии, который обладает в теории управления такой же всеобщностью, как и принцип обратной связи в кибернетике. Вместе с тем известно, что специфическими свойствами недетерминированных нелинейных систем являются:

- их целостность;
- сложность внутренней организации;
- диффузность структуры;
- многомерность факторов регуляции поведения;
- нестационарность процессов, регулирующих жизнедеятельность системы;
- многокритериальность оценки результатов работы системы;
- многоцелевая направленность поведения системы и ее элементов.

Иерархическое строение хозяйственной организации исторически первично и возникло еще в раннеклассовом обществе как мощное средство упорядочивания и регуляции сложного социально-экономического поведения. Однако сегодня в теории систем показано, что все достоинства жесткого централизованного управления в иерархических структурах проявляются лишь в идеальных условиях стабильности капитала, земли, труда, времени, информации, технологии, покупательной способности и пр. Поскольку в переходных социально-экономических условиях все перечисленные факторы экономической деятельности имеют различные ограничения, то иерархия как доминирующий принцип организации хозяйственных структур теряет свои преимущества, и жесткие структуры неизбежно утрачивают узкую направленность своего развития. В силу этого жесткая иерархия в организации переходного периода (или формирующаяся организация) является скорее вредным, нежели полезным фактором даже в современной системе управления.

Поскольку в антропосоциогенезе по мере возрастания удельного веса субъективности восприятия и поведения неизбежно наступил такой период, когда дальнейшее развитие морфологической организации стало нецелесообразным ни в биологическом плане, ни в отношении прогресса орудийности, единственно возможным способом совершенствования деятельности по приспособлению к среде становится формирование речи, морально-этической системы и художественной деятельности. Только на их неаддитивной, нелинейной и недетерминированной основе стало возможным совершенствование применяемых орудий, т. е. обеспечивался прогресс в самом процессе изготовления орудий. С этого периода прогресс в технологии изготовления и использования орудий зависел уже только от способов групповой организации, служащих основой для формирования навыков трудовой деятельности. Таким образом, не развитие производственной деятельности делало сплоченность группировки производящих существ действительно необходимой²²¹, а необходимость упрочения групповых связей предельно индивидуализированных особей вызвала потребность в труде как творчески свободной и продуктивной деятельности.

Так, для эволюции каменной индустрии эпохи мустье характерны возникновение обработки кости и совершенствование охотничьего оружия, которое теперь зачастую закаливается на огне. Несомненно

²²¹ Семенов Ю.И. На заре человеческой истории. – С. 119.

и существование в позднем мустье составного охотничьего оружия (наконечники). Прослеживаются отчетливые доказательства существования рыболовства. Усложняется деятельность по обработке продуктов собирательства. Совершенствуются жилища, которые нередко подразделяются на несколько частей. Появляется наскальная живопись и скульптура из камня и кости.

Поселения неандертальских охотников были долговременными, хотя сезонная миграция сохранялась. К мустьерской эпохе относятся и самые ранние сохранившиеся захоронения, свидетельствующие об осмысленности представлений о жизни и смерти. Бесспорно установленная ориентировка покойников по линии восток – запад²²², а также обнаружение каменных орудий в могильных ямах, в которых погребенный находится в позе спящего, фактологически доказывают неслучайность действий предшественников человека в мустьерском периоде.

Следует отметить и то обстоятельство, что развитие культур мустьерской эпохи происходило неравномерно и имело свои локальные особенности. Только на территории бывшего СССР можно отметить три обширные области, ископаемые остатки которых имеют достаточно четко фиксируемые наукой различия: Кавказ с классическими мустьерскими традициями, имеющими аналоги в передней Азии; центр европейской части, частично захватывающий Причерноморье, где население и традиции культуры были больше связаны с зоной Центральной Европы; Средняя Азия, Казахстан и Южная Сибирь, связанные с галечной центрально-азиатской техникой²²³. При этом если ашельская культура (не говоря уже об олдувайской) была, пусть и с некоторыми различиями, представлена на всех территориях, заселенных к тому времени, на протяжении от Франции до Южной Африки, то мустьерскую культуру в ряде стран заменяли культуры, которые хоть и обнаруживают определенное сходство с мустьерской, тем не менее к ней отнесены быть не могут. Кроме того, в рамках самой мустьерской культуры существовали собственные вариативные различия: ашель, санго, форсмис, калин и лупемба в Африке; «средний палеолит Индии» в Пакистане и Индии; типичное мустье, мустье типа кина-ферраси (шарантская культура), зубчатое мустье и мустье с ашельской традицией в Западной Европе²²⁴.

²²² См.: *Окладников А.П.* О значении захоронений неандертальцев для истории первобытной культуры // Сов. этнография. – 1952. – № 2.

²²³ *Мартынов А.И.* Археология СССР. – М., 1982. – С. 33.

²²⁴ *Борисковский П.И.* Древнейшее прошлое человечества. – С. 123–129.

Таким образом, обнаруживается, что появление локальных групп сапиентизирующихся сообществ по признаку специализированной орудийной технологии хронологически соотносится с эпохой мустье, которая, как известно, характеризуется наличием определенной социальной организации, оставившей материальные свидетельства в виде остатков жилищ с очагами, погребений с богатым набором украшений, многообразных произведений искусства – скульптур из камня, глины и кости, рисунков на камне и кости, полихромной живописи на стенах пещер и т. п.

Все это еще раз заставляет поставить вопрос о том, какие именно структуры животных сообществ обеспечили пластичность (изменчивость) групповой организации и субъективированность поведения особей, а также – посредством каких механизмов осуществлялась сапиентная инвариантность индивидуального и группового поведения в антропосоциогенезе.

2.5. Этногенез

Невозможный для животных сообществ размах изменчивости группового и индивидуального поведения в рамках одного животного вида, при сохранении их инвариантности, стал возможен в ходе формирования этнических факторов существования человека.

Не только орудийная, но и геоморфологическая ситуация в районах обитания австралопитековых рисуется достаточно сходной во всех областях, где были обнаружены остатки австралопитеков и близких к ним форм. Однако у архантропов, находки остатков которых скудны и почти во всех случаях фрагментарны, палеоантропологи уже фиксируют полиморфность по ряду существенных признаков. Исследователи отмечают, что «многообразие человеческих популяций при уникальности морфофизиологического статуса каждой из них, по-видимому, с этого времени стало стойкой характеристикой человеческого вида»²²⁵. Начиная с ашеля ойкумена значительно расширяется, особенно в северном направлении; в этот период формирующимся человеком были освоены южные районы Сибири и новые области как в Западной, так и в Восточной Европе. Полнее были обжиты до того не заселенные из-за бедности растительности и охотничьей добычи внутренние районы Африки и Евразии. При этом увеличение разнообразия природной

²²⁵ *Алексеева Т.И.* Географическая среда и биология человека. – М., 1977. – С. 262.

обстановки, которую осваивали гоминизирующиеся сообщества, шло по восходящей кривой.

Указанные обстоятельства, фиксируемые исследователями всех специальностей, равно как и общепризнанный факт качественного сдвига в технологии орудийности, заставляют предположить, что именно на стадии аббевиля начинают формироваться те подлинно человеческие (социальные) структуры, которые пришли на смену аморфным и нестабильным структурам начальных этапов антропосоциогенеза. Однако были ли эти структуры однозначно социальными с момента своего возникновения, или они имели иную, например биосоциальную, природу? Без решения проблемы сущности структур сообществ данного периода решить вопрос о механизмах дальнейшего хода истории невозможно.

Безусловно соглашаясь с выводом Т.И. Алексеевой, что в ходе антропосоциогенеза боролись две противоположные тенденции: освобождение от внешней среды и усиление адаптивных процессов как результат этого освобождения – и что пик этой борьбы падает именно на средний палеолит, трудно так же безоговорочно принять тесно взаимосвязанный с предыдущим тезис о том, что если до среднего палеолита основную роль играло биологическое приспособление к среде, то после него эта роль перешла к социальной адаптации. О какой социальной идет речь, если антропосоциогенез еще не закончен и социум не сформирован, во всяком случае не сформирован окончательно? Или социальные структуры возникали в определенной исторической последовательности и можно ставить задачу выявления исторически первичной? Широко применяющиеся для объяснения антропогеоценоза термины «социальная адаптация» и «социальная адаптивность»²²⁶ определяются как вся сумма социальных изменений, направленных на культурное приспособление к географической среде человеческих коллективов, но с какого хронологического момента мы имеем право называть сапиентизирующиеся сообщества человеческими? Ответы на эти вопросы, вероятно, правомерно искать, исследуя проблему возникновения этноколлективного бытия человека, бытия, определение которого включает в себя как социальные, так и биологические признаки.

Основной единицей исследования в этнической классификации является «этнос», который понимается как в широком, так и в узком смысле. Ю.В. Бромлей определяет этнос в широком смысле как родо-

²²⁶ Алексеев В.П. Становление человечества. – С. 365.

вое понятие по отношению ко всем стадиальным типам этнической общности, которое характеризует целостный этносоциальный организм, имеющий своим базисом социально-экономические факторы и включающий в себя все компоненты этноса. «Этнос» в узком смысле он понимает как некоторое этническое образование, способное воспроизводить себя как таковое и некоторое время спустя после утраты общности экономической жизни. «Этнос» в узком смысле («этникос») трактуется Ю.В. Бромлеем как специфический эквивалент русского понятия «национальность»²²⁷. Сущностными чертами этноса при этом являются те, которые входят в этникос, а общность экономической жизни и территории выступает в роли условий формирования этих систем.

Между тем «речь должна идти о *сущностях двух разных по глубине порядков*»²²⁸, выявление которых должно идти от сущности более глубокого порядка, что ставит проблему определения общей природы этноса. Так, Л.Н. Гумилев, исходя из положения о не обязательном наличии общности экономической жизни в качестве компонента этноса, но атрибутивности для этноса такого его признака как самосознание, приходит к выводам о необходимости поиска причинной обусловленности этноса факторами, лежащими за сферой общественной жизни²²⁹.

Его концепция, безусловно, правомерна в том плане, что осмысление природы этнического в принципе невозможно вне сопоставления его с парными категориями «социальное» и «биологическое». Это сопоставление тем более необходимо потому, что большинство авторов, в противовес Л.Н. Гумилеву, склоняются к пониманию сущности этноса как однозначно *социальной*²³⁰, хотя и включающей в себя *природное*²³¹.

Разумеется, фактически никто из исследователей не отрицает того, что социальное и биологическое противоположны не в абсолютном смысле, что они взаимопроникают в этносе друг в друга и это взаимопроникновение неодинаково на разных исторических стадиях формирования этнического. Но подобное понимание означает признание, по

²²⁷ Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. – М., 1973. – С. 36–37.

²²⁸ Мархинин В.В. Основные закономерности процесса интернационализации общественной жизни. – Новосибирск, 1989. – С. 106–107.

²²⁹ Гумилев Л.Н. Этногенез и этносфера // Природа. – 1970. – № 1–2.

²³⁰ Мархинин В.В. Основные закономерности процесса интернационализации общественной жизни. – Новосибирск, 1989. – С. 119.

²³¹ Там же. – С. 120.

крайней мере, того, что социальное – в акте своего возникновения – не является атрибутивной характеристикой качества, на базе которого оно возникает.

Если исходить из положения о двойственности социально-биологической сущности этноса, то поиск начала формирования составляющих его признаков (например, той же общности экономической жизни) предполагает сопоставление с первоначально возникающим этническим качеством и развитой этнической сущности. Но даже в современных человеческих популяциях иногда трудно разграничить проявление биологических и социальных закономерностей, тем более что искусственная среда обитания зачастую нивелирует прямое воздействие природных факторов. Сегодня многообразие человеческого вида происходит как из особенностей окружающей его географической среды, так и из специфики его социальной организации. При этом если антропологические (морфофизиологические) характеристики, по которым классифицируются человеческие группы со стороны размеров тела, цвета волос, глаз и кожи, формы головы и т. д., обусловлены в первую очередь природными факторами – температурным, гравитационным, электромагнитным и т. п. режимами (известно, например, что более массивные и коротконогие варианты сосредоточены на севере, а более длинноногие и с меньшей массой тела – на юге), то этническое своеобразие (например, доминирование правого полушария у народов Крайнего Севера) не имеет столь явной географической приуроченности, но явно коррелируется с ней. Вместе с тем существование специфической нормы реакции на взаимодействие с природной средой (научно достоверных данных о существовании или несуществовании подобных норм в отношении социальной среды не имеется) для представителей определенного этноса свидетельствует о генетической природе этой реакции.

Существование некоторых границ изменчивости морфофизиологических признаков внутри того или иного этноса можно трактовать двояко: как биологическую предпосылку существования данного этноса и как естественную реакцию организмов на изменение системы социальных стереотипов (социальных технологий). Однако в любом случае речь идет о том, что современные адаптивные этнические типы, остающиеся в целом адаптивно-неспециализированными формами (т. е. развивающимися в рамках общей направленности эволюции человека), подстраиваются и к природной, и к социальной среде различным (при этом частично закрепляемым генетически) образом. При этом разли-

чия никогда не расходятся настолько, чтобы у этноса полностью исчезла возможность существования в других экологических нишах.

Любопытно, что дисперсия приспособительных морфофизиологических признаков при этом значительно сужается к северу, т. е. в том направлении, в котором происходило историческое расселение человечества, а наибольшая вариабельность этих признаков наблюдается в аридной зоне и зоне тропических лесов, т. е. там, откуда происходило первоначальное расселение²³².

Кроме того, адаптивные черты в строении тела, обеспечивающие оптимальные возможности обитания в конкретной эколого-социальной нише, характерны для самых ранних стадий онтогенетического развития и, следовательно, наследуются генетически, но некоторые из них усиливаются (или ослабляются) с возрастом (например, в Эфиопии увеличение размеров тела, типичное для высокогорных популяций, начинается в раннем детстве, в то время как в высокогорных Перуанских Андах дети явно отстают в росте и развитии от своих сверстников на равнине²³³).

Экстраполяция данных о современных человеческих популяциях на сообщества, вставшие на путь очеловечивания в ходе антропосоциогенеза, позволяет относительно правдоподобно реконструировать процесс локализации гоминидных сообществ и перестройки аморфных групповых объединений гоминид в человеческие (общественные) коллективные структуры.

Большой запас адаптивной изменчивости, присущий современным этническим образованиям, свидетельствует, что формирование человека в антропосоциогенезе протекало в крайне подвижных условиях среды и осуществлялось посредством становления предельной подвижности всех структур гоминидных сообществ. Широкий спектр изменчивости обеспечивал возможность эффективного вписывания в любую родственную предковой (исходной) среду обитания, обеспечивающей наземный образ жизни популяции. Это предопределило способность сообществ австралопитеков к широкой, с минимальными издержками, миграции. Ареал расселения гоминидных сообществ достаточно широк как по отношению к уровню моря, так и в отношении источников питания.

²³² *Алексеева Т.И.* Географическая среда и биология человека. – С. 240, 247.

²³³ Там же. – С. 248.

Но не только миграция, но и сами уникальные групповые отношения, характерные для современного человека, явились следствием «открытости» групповых (популяционных) структур²³⁴.

Чем отличалась популяционная структура австралопитековых от предшествующих и последующих форм?

Большинство исследователей склоняются к мнению, что процесс гоминизации охватывал обширную территорию, поэтому логично предположить, что гоминизировались многие популяции (с точки зрения биологии процесс видообразования всегда охватывает некоторую совокупность популяций), причем эти популяции каким-то образом взаимодействовали. Но взаимодействие между группами австралопитеков не могло еще осуществляться в какой-либо социальной форме, ибо в те времена не существовало иных информационных структур, кроме генетических, закрепляющих полезные мутации. Отличие подобного взаимодействия от «традиционно биологического» генного обмена могло заключаться только в том, что австралопитеки имели чрезвычайно широкий ареал распространения, автоматически определяющий разнообразие условий существования у разных групп и соответственно различные мутации. Но генетические различия между группами так и не стали настолько значительными, чтобы рано или поздно перекрыть возможность генного обмена. Ослабленность же генетических барьеров могла быть обусловлена только неустойчивостью самих стадных объединений австралопитековых, которая предопределила не только возможность, но и необходимость генного обмена между группами. Эта необходимость детерминировалась потребностью в «запасе» полезных мутаций, способных сыграть положительную роль

²³⁴ Сущность популяционного подхода к проблемам расообразования заключается в том, что в отличие от индивидуально-типологического подхода раса рассматривается не как простая сумма индивидуумов, а как самостоятельное образование, управляемое не суммарными эффектами увеличения численности индивидуумов, а своими собственными генетическими закономерностями. В соответствии с этой точкой зрения раса – текущая, изменчивая категория, интенсивная динамика которой осуществляется не только в результате внешних, экзогенных влияний, смещения например, но и внутренних для популяции процессов (направленного изменения признаков во времени, включая и дрейф генов, перестройки процессов роста и т. д.). Признаки в пределах расы (популяции) складываются в иные сочетания по сравнению с индивидуумом, а значит, изменчивость индивидуума не может служить мерилем групповой изменчивости (см.: *Алексеев В.П.* Становление человечества. – С. 317–319).

в процессе борьбы за выживание аморфных объединений, ибо запас мутаций становился своеобразной компенсацией нестабильности групповых объединений.

Вместе с тем генетические различия между группами существовали – ведь биологическая форма жизнедеятельности (даже в экстремальных условиях видообразования) предполагает достаточно жестко «закрепленную» за животным объединением территорию, способную прокормить ограниченное число особей. А это означает, что полного распада стадных структур произойти не могло, ибо тогда исчезли бы и природные механизмы регуляции «присвоения мира», так как организация стадного существования означает не только определенную иерархию взаимоотношений особей в группе, но и некоторое «конструирование» включенности группы в природу. Распад относительно сложных способов организации группы в виде упразднения «института иерархичности» не означал ликвидацию и простейших способов организации. Самым же простым и универсальным *способом организации* природного сообщества в этом смысле является «огораживание»²³⁵, которое означает контроль над пространством и его формирование, приспособление под собственные нужды, обозначаемые термином «территориальность». При этом территориальность – это не просто контроль над определенным участком пространства, но и специфическая форма взаимодействия особи со своим окружением (прежде всего – с сородичами). Территориальность, будучи наиболее универсальным способом организации сообществ, не могла исчезнуть и в условиях распада других биологических форм стадности, и, следовательно, даже после окончания этого распада, окончания периода существования австралопитековых сохранялись объективные условия для дифференциации групп на локальные сообщества, а сама дифференциация касалась в первую очередь орудийной деятельности, которая сохранялась в сапиентизирующихся животных объединениях.

Систематическая орудийная и художественная деятельность, не являясь причиной дифференциации популяций гоминид на различающиеся между собой группы, естественным образом создавала социальные барьеры между этими группами. Первоначально эти социальные барьеры, обусловленные локальными различиями в технологии орудийности и особенностях палеолитического искусства, совпадали в своей аморфности с исчезающими биологическими ограничителями групп.

²³⁵ Плюснин Ю.М. Проблема биосоциальной эволюции. – С. 157.

Этот этап антропосоциогенеза соответствует периоду существования австралопитеков с их универсальными орудиями и не имеющей четких локальных различий морфофизиологией. Отсутствие полной панмиксии на этой стадии объясняется не столько действием генетических и социальных барьеров, сколько географическими (территориальными) условиями, сохранявшими достаточно стабильную концентрацию генов в нескольких популяциях, что в конечном итоге создало предпосылки для возникновения рас. Но тенденция к панмиксии, вызванная ослаблением генных барьеров, привела к постепенным сдвигам в величине тех или иных признаков, к полному отсутствию сколько-нибудь существенных границ между популяциями, а при формировании и закреплении локальных различий в технологических способах жизнедеятельности – к необходимости создания средств социального обмена между группами, возникновения культуры.

Возникновение культуры, по-видимому, приходится на эпоху верхнего палеолита, ибо в противном случае стал бы невозможным переход человеческих сообществ из Азии на Американский материк, который был осуществлен 25–30 тыс. лет назад. На этот же период падает и последний по времени качественный скачок в морфологии в виде локального приспособления к среде средствами биологической адаптации (в эпоху верхнего палеолита сложился арктический адаптивный тип, а с ним и вся система адаптивных типов, свойственных современному человеку).

Биологическая адаптация человеческих популяций к условиям природной среды постепенно уступала в ходе антропосоциогенеза культурным приспособлениям. Переломный момент пришелся на эпоху среднего палеолита. Средний палеолит, по-видимому, и явился началом этноколлективного бытия.

Если адаптация идет сопряженно с изменениями внешней среды, то преемственность обеспечивается как самой изменяющейся системой (видом), так и средой, которая также изменяется во времени *преемственно*. Однако если скорость изменений вида или среды увеличить настолько, что сопряженность двух преемственностей исчезнет, единственной возможностью сохранить *направленность* изменений будет такой способ накопления приспособительных реакций у изменяющейся системы, при котором они *количественно* будут наслаиваться друг на друга, тем самым препятствуя элиминации системы как целого. Другими словами, сохранить устойчивость в движении по полю «неопределенности» (полно «хаоса») можно лишь при условии придания

самой «неопределенности» статуса основного способа жизнедеятельности данной изменяющейся системы.

Именно в этом направлении и эволюционировали гоминиды, у которых предельная для животного мира индивидуализация образа жизни достигалась за счет субъективизации отношения к миру. Именно эта особенность и определяет специфику адаптиогенеза человеческой популяции, в том числе – и на уровне морфофизиологии (универсализм – «неспециализированность» многих органов и систем организма: принципиальная незавершенность развития многих органов в онтогенезе и т. п.).

«Субъективизация» отношения к миру в человеческой популяции означает элиминацию большинства предшествующих видовых (биологических) стереотипов поведения (в том числе и в репродуктивной сфере) и замену их на новые «сверхинтенсивные» и «разнонаправленные» (биосоциальные) стереотипы. Элиминация видовых стереотипов репродуктивного поведения в линии *Homo sapiens*, в частности, привела к специфическим сексуальным взаимосвязям – к промискуитету, который практически не встречается у других высших млекопитающих.

Негативные для вида биологические следствия промискуитета в виде нежелательных генных мутаций с лихвой перекрывались его позитивными социальными следствиями: в сообществе формировались множественные, разнообразные и многопоколенные семейные отношения, поскольку появился новый биологический стимул для продолжения жизни после окончания репродуктивного периода особи и выстраивания нового типа коммуникативных межиндивидуальных связей. Многопоколенная семья («институт бабушек и дедушек») обеспечивала множественность и разнообразие внутривидовых отношений и типов воспитательного воздействия на индивида. Множественность и разнообразие внутривидовых отношений, в свою очередь, инициировали реализацию различных внутривидовых индивидуализированных стереотипов поведения. Индивидуализированное поведение способствовало формированию устойчивого субъективированного отношения к миру и возможность занимать равноправную позицию со всеми индивидами в сообществе, в то время как отклоняющееся поведение, например у волков, «карается» переводом особи в статус «омеги» – забитой. Равноправие требовалось в силу того, что в одиночку гоминизирующиеся особи не были способны выжить, а существование в группе субъективированных особей по прежним, биологическим, законам становилось невозможным.

Изучение примитивных человеческих групп привело современных этологов к выводу, что только здесь имеется иерархия, сходная в какой-то степени с иерархией в сообществах животных. Внутригрупповые роли здесь распределяются достаточно жестко: в группе есть особь «альфа» – Главарь; за ним следует «бета» – авторитет; за ним следуют ведомые – «гамма» и забитые – «омега». «Альфа» пользуется в группе преимущественным правом присвоения любых благ и проявления агрессивности; «бета» – обычно пользуется правом воспитателя, так как это преимущественно самый старый, хитрый и умный член группы. Ведомые тоже обычно ранжированы по ролям в группе, но их объединяет обязательство подчиняться «альфе» и «бете» и возможность безнаказанно проявлять агрессию по отношению к «забитому». Все блага достаются «забитым» в последнюю очередь, с ними никто не общается, по сути они и предназначены только для того, чтобы на них вымещали излишки агрессии.

По сути, на роль «забитого» в сообществах животных претендует любая особь, которая жизнеспособна, но не примитивна и отличается от большинства своим поведением. Канадские исследователи не так давно сняли многосерийный фильм об экспериментально созданной стае волков в естественных условиях, в которой роль «забитой» долгое время выполняла молодая черная самочка, отторгаемая членами стаи и вынужденная все свое детство и отрочество проводить, по сути, в одиночестве, играя сама с собой «не подходящими» для хищников игрушками – веточками, червяками и т. п., так как настоящие волчьи «игрушки» – грызунов или птиц – у нее тут же отбирали стереотипизированные по единому образцу в своем волчьем поведении сверстники или старшие члены группы. Не удивительно, что именно из нее выросла самая сообразительная и ловкая самка, которой стала впоследствии подругой вожака стаи и особью «бета».

В сообществах формирующихся людей «отклонения» становились нормой не для одиночек, а для большинства. Между тем, для того, чтобы в группе существовал статус «забитого», необходимо, чтобы отклонения были исключением. Но когда «отклоняющееся поведение» – норма для большинства, возникают биологические предпосылки творческого поведения и объективные предпосылки для социальной формы их упорядочивания.

«Королева побежала в разные стороны одновременно». Ното habilis превращался в человека разумного, точнее – в человека «играющего» и человека «творческого».

Морфофизиологически эти изменения в способе жизнедеятельности были закреплены целым комплексом эволюционных «компромиссов», которые потребовались для выхода из «патовой» для гоминид эволюционной ситуации. Мы уже говорили о том, что рождение интеллектуально продвинутых и способных к нетривиальным решениям особей привело к расширению таза у особей женского пола и, соответственно, снижению скорости бега. Вместе с тем удлинился период младенчества у детенышей и их зависимость от матери. Соответственно, на определенном этапе антропосоциогенеза группе пришлось взять на себя заботу о женщинах и детях, что, безусловно, создавало предпосылки для сотрудничества в группах за счет речевой и художественной деятельности, посредством которых обеспечивалось взаимопонимание, не ущемляющее субъективированное восприятие мира и поведение. Без новых форм упорядочивания внутригруппового поведения группы попросту распались бы. Эти новые формы должны были, с одной стороны, унифицированными для одинакового восприятия всеми членами группы, а с другой – быть открытыми для внесения в них субъективированного содержания. Этим взаимоисключающим требованиям в современном обществе отвечают речь и художественная деятельность. Но речь и художественная деятельность уже в акте своего возникновения также должны были иметь механизмы, позволяющие им существовать во времени и пространстве устойчивым образом.

Объективно-биологическая необходимость большей спаянности интеллектуально развитых («продвинутых») и предельно индивидуализированных особей, которые в обычных природных условиях ведут преимущественно одиночный образ жизни, заставили сообщества искать такие формы сотрудничества, которые не требовали бы утраты высокой способности к обучению и автономности в построении индивидуальных жизненных стратегий особей. Такой формой стала *культура*, исторически возникшая первоначально как *этническая*.

Этническая культура это *биосоциальный механизм организации сообщества*, основанный на синтезе кровнородственных и условных стереотипах поведения, формирующий у особей границы меры свободы животных и «субъективированных» (творческих) внутривидовых взаимодействий. Главным «продуктом» этнической культуры является *стереотип меры и направленности* творческой активности особи и сообщества в целом, стереотип меры творчества. Кровное родство членов сообщества обеспечивает неразрывность и устойчивость стереотипов поведения в их исторической преемственности; «культурное

родство» задает меру, направленность и системность дозволяемых обществом отклонений от этих стереотипов (меру творческой свободы личности и сообщества в целом).

В своем развитом состоянии этнос, несомненно, имеет социокультурную определенность. Но культура как таковая является атрибутивным признаком (и фактором) сформированного социума. Если же исходить из положения об исторической постепенности (эволюционности) формирования социального на базе биологического, то возникает вопрос о последовательности и механизмах возникновения каждой из составляющих социальное качество структур.

Поскольку этнос есть прежде всего фундаментально значимая для существования современного человека структура коллективности, имеющая двойственную природу, то, вероятно, именно эта сторона человеческого бытия непосредственно соотносится с биологической формой движения. Но биосоциальная двойственность этноса предполагает определение одной из сторон в качестве ведущей, определяющей, сущностной стороны развития.

Исследование сущности этноса, непосредственно возникающего из биологической формы движения материи, методологически неверно проводить вне учета индивидуально-коллективного начала, инициировавшего антропосоциогенез.

В отечественной литературе между тем преобладающая группа работ, посвященных изучению этнических проблем, нацелена на обсуждение этноса прежде всего как коллективной структуры. При этом коллективнообразующее начало этноса анализируется безотносительно к исследованию индивидуальной сущности человека. Задача структурно-коллективной типологизации оказывается чрезмерно акцентированной, а сама проблема этнического – оторванной от действительности.

Другая представительная группа работ концентрируется вокруг проблемы индивидуального начала человека в этносе, в этих исследованиях человек предстает как носитель (этнофор) биоантропологических и социокультурных модификаций. Этническая проблематика и при таких подходах уходит на задний план, так как этноорганизующее начало исчезает из сферы коллективности.

Если же исходить из представлений, что именно диалектическое единство равноправно необходимых, но контрадикторствующих тенденций к индивидуализации и коллективизации в способе жизнедеятельности гоминид послужило источником формирования качественно иной сущности – сущности, содержащей в себе исходное противоречие

в *снятом* виде, то неизбежно понимание того, что эта новая сущность возникает в относительно жестких пределах и создает предпосылки для единства и коллективного, и индивидуального начал в собственно человеческом смысле.

Именно в этом смысле двойственность этноса «должна быть понята как противоречие, порожденное процессом превращения этникоса из природно-данной *предпосылки* в *результат* исторического процесса, в собственно социальную структуру общения, находящую предметное воплощение в общности языка, особенностях культуры и в самосознании этноса»²³⁶. Но так как источником существования и развития человеческого рода в конечном счете является воспроизводство индивидуально-коллективной жизни, то характер этого воспроизводства на разных исторических этапах зависит от того, механизм каких – индивидуальных или коллективных – структур наиболее актуален и акцентирован в конкретный исторический период.

Исторически первой конституировавшейся в качестве органически целостной структуры формой этноса обычно признается племя, близость которого к исходной «природной определенности» (стадности) обуславливается кровнородственным характером межиндивидуальных связей внутри него.

Качественное отличие племенной общности от стадности заключается в том, что эти связи обогащены некоторыми социальными свойствами – общностью обычаев, языка и т. п. При этом, вплоть до стадии зрелых форм родоплеменной общности, дуально-родовая организация племени как целого строилась чуть ли не исключительно в сфере регулирования природных отношений – брачности и территориальности.

Считается, что, поскольку члены племени вели систематическую орудийную деятельность, племя естественным образом функционально опосредовало принципиально новые, не имеющие аналогов в природе связи – отношения по поводу производства средств к жизни. По мере количественного нарастания таких особенностей возникла потребность в функциональной организации производства вещей (общественном разделении труда), т. е. потребность в реорганизации стадно-племенной структуры путем преобразования ее функций. «В реальности этот процесс, скорее всего, выглядел как специфическое наслаивание на исходную кровнородственную связь связи, порожденной развитием собственно общественного подразделения материального производства –

²³⁶ *Мархинин В.В.* Диалектика социального и биологического в процессе становления этноса. – Томск, 1989. – С. 59.

производства вещей. Возникающая новая функция подчиняла себе функцию производства людей, о чем может убедительно свидетельствовать факт снятия природно-биологических факторов социально-экономическими в эволюции самой структуры брачных отношений первобытности при переходе от стадности к родоплеменной общности»²³⁷. Поскольку структура брачных отношений изоморфна и в стаде приматов, и в родоплеменной общности, для объяснения перехода от одного изоморфа к другому, В.В. Мархинин предполагает, что в отличие от стадности остальных приматов, стада предлюдей характеризовались такими свойствами социальности как становление и развитие орудий труда, а также отношений по поводу их производства. Думается, что это предположение не вполне верно. «Социальность» такого типа не способна отменить действия биологических факторов в эволюции брачных отношений, а на практике с возникновением родоплеменной общности роль социального фактора как раз и начинает выражаться в «отключении» биологических закономерностей в эволюции структуры брачно-семейных отношений²³⁸. Во всяком случае, промискуитет не лучший эволюционный способ развития генофонда популяции, а он в той или иной степени характерен для человеческого сообщества. Скорее, расшатыванию животных стереотипов семейно-брачного поведения в сообществах формирующихся людей способствовала неопределенность в способах внутривидовых информационных взаимодействий, способствовало использование символических форм коммуникаций.

Однако было бы ошибочным считать, что информационная деятельность сообществ в ходе антропосоциогенеза была при этом изначально конституирована в самостоятельную сферу жизни. До и вне формирования речи как важнейшего средства трансляции культурных стереотипов как раз именно родоплеменные особенности орудийной деятельности длительное время «консервировались» на уровне племени и не могли бы стать всеобщими, межплеменными. Полностью разделяя мнение В.В. Мархинина о том, что орудийность имела высокий удельный вес в содержании стадной жизни гоминид и сыграла в конечном итоге особую роль в преобразовании стадной структуры в родоплеменную, невозможно тем не менее согласиться с некоторыми его выводами. В частности, вряд ли правомерно утверждение, что «с методологической точки зрения трудно представить, что разложение

²³⁷ Мархинин В.В. Диалектика социального и биологического в процессе становления этноса. – Томск, 1989. – С. 61.

²³⁸ Там же. – С. 62–63.

стадности и образование дуально-родовой организации так далеко опережали развитие орудийной деятельности, ибо именно последняя была фактором устойчиво направленной изменчивости условий жизнедеятельности коллектива»²³⁹.

Разумеется, не существует оснований отрицать наличие сложных связей и взаимозависимостей между исторически последовательными структурами и их функциями в антропосоциогенезе. Но речь идет не просто о количественном изменении орудийной деятельности в ходе антропосоциогенеза, а о принципиальном ее преобразовании в качественно новый тип жизнедеятельности. Тип, на основе которого строится качественно новая система взаимоотношений между членами общества, формирующая принципиально новое в эволюции природы качество, фиксировать которое декларативным признанием «скачка в социальное», без описания его механизмов, неправомерно именно с методологической точки зрения.

Признав же исторически необходимое разложение стадности, вызванное, вне сомнения, именно систематической орудийной деятельностью гоминид, становится возможным объяснить, каким именно образом происходило изменение функций групповой организации животных сообществ на новой основе.

Поскольку любое качественное изменение содержания объекта неизбежно сопровождается трансформацией его формы, то эта трансформация, совершавшаяся в данном случае со способами коммуникации, начинается на стадии австралопитеков путем перехода от языка сигналов к фонемно-морфемной стадии речи. Это означало, что формируются новые способы объединения вокруг орудийно-трудовой (но не производственной!) деятельности, требовавшие устойчивой системной информационной взаимосвязи между членами сообщества, т. е. специального языка, предполагающего навыки абстрагирования. Я настаиваю на термине «орудийно-трудовая деятельность» потому, что производственная деятельность (производственные отношения) предполагает наличие в сообществе таких коммуникативных средств, с помощью которых *уже* возможен информационный обмен не только внутри группы, где межиндивидуальные взаимодействия по поводу орудийной деятельности способны осуществляться и на невербальном уровне, но и между сообществами. Однако на практике говорить о

²³⁹ *Мархинин В.В.* Диалектика социального и биологического в процессе становления этноса. – Томск, 1989. – С. 71.

возникновении языков II Сигнальной системы мы можем – и то со значительными оговорками – только начиная со стадии существования неандертальцев. Между тем орудийная деятельность существовала уже у австралопитековых, но вряд ли *именно она* нуждалась в речевом оформлении. Скорее, в символическом обозначении нуждались сами межиндивидуальные коммуникации, необходимые для существования в группе. Общение субъектов требует при этом достаточно выраженных волевых усилий по преодолению эгоцентрического восприятия любого другого индивидуалиста. Системное целенаправленное волевое самопреодоление и самоотвержение в общении по поводу орудий, уже являющихся преобразованными, точнее – отчужденными природными предметами, способно выработать компромиссную форму взаимодействия на основе символа. В ходе орудийной деятельности символическая форма общения формируется проще всего. Не случайно именно глаголы в императивном наклонении и понятия, сопрягающие объект с действием, появились раньше остальных слов. При этом если в деятельности присутствуют целенаправленные воля и созидание – это уже труд.

Таким образом, сначала в рамках общности орудийной жизни возникает этникос (этнос в узком значении слова). В акте своего возникновения он существует как двойственная биосоциальная целостность, в которой первоначально ведущей стороной развития является природно воспроизводимое – нормы запрета на исключение близкородственных скрещиваний, тиражирование во времени стереотипов поведенческих реакций при осуществлении орудийной деятельности и т. п. Собственно социальное, – например, формирование простых абстракций, – формируется при этом на периферии жизнедеятельности объединений, хотя и является не менее существенной стороной, чем биологическое качество, в историческом смысле.

Вынесение отношений между полами вовне каждого родового объединения, – экзогамность рода и дуально-родовая организация материнской филиации, своим устройством исключая браки между родительницей и сыновьями и единоутробными братьями и сестрами, а кроме того, устраняющая почву для внутривидовой половой конкуренции²⁴⁰, – создавало предпосылки для активизации общения между родами (тем более, что стадные барьеры объединений были ослаблены).

²⁴⁰ *Мархинин В.В.* Диалектика социального и биологического в процессе становления этноса. – С. 61–62.

Ограничение числа взаимодействующих родов происходило как в силу территориальных причин (географической близости или отдаленности), так и в силу возникающих локальных различий в способах орудийности и соответственно формирования локальных различий в стереотипах поведения (стереотипах серий транзакций) в каждом роде, затрудняющих взаимопонимание между членами различных родов. Ограничение числа взаимодействующих в брачных отношениях родов позволяло систематизировать и упорядочить коммуникативные средства, создавало предпосылки для формирования протоязыка, так как следствием систематического взаимодействия между родами явился не только обмен мужскими и женскими особями, но и информацией о различиях в способах жизнедеятельности родов. Последний требовал создания не только простых, но и рефлексивных абстракций. Появилось племя – коллективная организация, консолидирующим началом которой становились не столько биологические связи (которые с биологической точки зрения без ущерба могли быть нарушены путем замены одного рода на другой), сколько связи нового, полуоткрытого типа, нарушение которых грозило крахом племенной целостности, так как они строились на общности поведенческих стереотипов по поводу орудийно-хозяйственной жизни, носителем которой (и субъектом) и было племя. Таким образом, «прорыв» узколокального родового горизонта жизни в сферу межродовых взаимодействий послужил началом истории общественной жизни, началом культурогенеза.

2.6. Культурогенез

Одной из теоретических проблем научного объяснения генезиса социального является необходимость решения вопроса о том, возникло ли общество целиком и одновременно как совокупность трудовых отношений, культуры и социальной организации или основные составляющие социального возникали в определенной исторической последовательности. Большинство отечественных исследователей, исходя из диалектико-материалистической традиции, считают наиболее оправданным такой подход, согласно которому возникновение человека и общества интерпретируется как растянутое во времени, но одномоментное формирование целостного образования, в основании которого лежат трудовые отношения²⁴¹. Обсуждаемые разногласия

²⁴¹ См., например: *Алексеев В.П.* Становление человечества. – С. 165; *Семенов Ю.И.* На заре человеческой истории. – С. 142; и др.

обычно касаются лишь хронологического начала этого процесса и его временных рамок.

Указанный подход предполагает априорное признание такого положения, в соответствии с которым культурное и социальное развитие в акте своего возникновения идут параллельно орудийному. Имеется в виду, что именно первые шаги орудийной деятельности порождают культуру, поскольку даже самое примитивное орудие признается предметом культуры. По сути дела такой подход означает и то, что культура существует уже у австралопитековых, активно использовавших и изготовлявших орудия, хотя достоверно известно, что *речи* как важнейшего транслянта культуры они не имели и жили, судя по всему, вне *социальной организации*. Проблематичным является и вопрос о наличии у австралопитековых *трудовых отношений*, признающихся при таком подходе базисом общества, а значит, и культуры.

Если все-таки предположить, что культура возникла на самом первом этапе антропосоциогенеза, причем *раньше производства*, то следует принимать в рассуждениях в расчет положение о неизбежности локального (ограниченного в пространстве) ее характера. Дело в том, что на первых стадиях формирования культуры в принципе не могло существовать общественно развитой и всеобщей системы обмена продуктами материального и духовного труда; развитие культуры должно было быть ограничено рамками местных, территориальных связей и отношений, которые детерминировали бы пестроту и многообразие культурных форм²⁴².

Судя по результатам археологических изысканий, ойкумена занимала достаточно значительную территорию, характеризуемую очевидными географическими отличиями, но ожидаемой локальной дифференциации культурных форм у австралопитеков, – во всяком случае, если судить по характеру найденных орудий, демонстрирующих своей аморфностью скорее универсальный и всеобщий их характер, – не обнаруживается.

Вместе с тем важнейший и детенцификационный признак культуры – это ее конкретно-исторический (т. е. локальный во времени и пространстве) характер. Отличие понятия культуры от понятия социума (от общества) в содержательном смысле состоит прежде всего в разнице содержания этих категорий: если социум есть прежде всего высшая по сравнению с биологической форма существования реально-

²⁴² *Межуев В.Н.* Культура как проблема философии // Культура, человек и картина мира. – М., 1987. – С. 317.

сти, есть «совокупность мыслящих и сознательно преобразующих действительность индивидуумов и сообществ»²⁴³, то культура – это специфический *способ организации* этих индивидуумов и сообществ в конкретно-историческую развивающуюся систему материальной и духовной жизнедеятельности человека, формирующий не систему социальных связей «как таковую», которая характеризует типы социально-экономических формаций, но системную меру направленности свободного развития человека, систему «социальных норм и учреждений, духовные ценности, совокупность отношений людей и природы, между собой и к самим себе»²⁴⁴.

По сути, культура является основной структурой, которая *конституирует* (узаконивает) в пространстве и во времени цели и методы трудовой деятельности. В культуре человек обеспечивает свое самовоспроизводство. Понятие «культура» не тождественно понятию «общество», но они оба описывают нечто общее. В отношении какого содержания понятия «общество» и «культура» пересекаются, а в чем они различаются?

Сопоставление объемов понятий «общество» и «культура» показывает, что конструкт «общество» менее богат смыслами и более *однозначен*. Общество принято определять как совокупность общественных отношений, взятых как в «общем виде», так и применительно к конкретно-историческим этапам. Понятие «общественных отношений» – сложное, но вполне определенное: оно предполагает, что общество организовано в виде устойчивой коллективной структуры взаимодействий. Обсуждению подвергаются обычно лишь факторы и иерархия субструктур этой коллективной целостности.

Понятие «культура» гораздо сложнее, хотя и «меньше по объему». Культура – лишь определенный аспект коллективной целостности человека. Языковые нормы совсем не случайно позволяют связать в единую лексическую единицу понятия «Культура и общество», «культура и личность». Общество можно охарактеризовать по уровням (цивилизованное, первобытнообщинное, образованное и др.) и по доминирующим составляющим (политизированное, информационное, морализаторское и пр.). Культуру также можно охарактеризовать подобным образом: «высокая и низкая», «нравственная и политическая», «цивилизационная и образовательная». Но можно также и по совершенно не

²⁴³ Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – С. 354.

²⁴⁴ Там же. – С. 292.

свойственным для содержания понятия «общества» параметрам: «культура быта» и «археологическая культура», «культура бактерий» и «сельскохозяйственная культура», «культура поведения» и «культура производства», «индивидуальная» и «общественная» культуры. Логическое содержание этого понятия столь многообразно, что его объем зачастую сужают до отождествления с определенной сферой общественной жизни, доходя в этом отождествлении до абсурда и меняя как в школьных, так и вузовских учебниках понятия «культура» и слово «искусство»: «искусство управления», «произведения культуры» и т. п.

Между тем культура – это не только *структура групповых взаимодействий* (как и общество); это еще и некоторая *множественность способов* построения структурных взаимодействий, определяемая одновременно как со стороны группы, так и со стороны индивида. Категория «культура», таким образом, менее определена, чем категория «общество» и фиксирует прежде всего не определенность и направление изменения (как это происходит при словоупотреблении понятия «общество»), а *меру их неопределенности в рамках определенной направленности развития*. Не случайно в науке и философии существует свыше 300 определений культуры (т. е. фактически столько же, сколько и определений человека).

Основная функция культуры – конституирование в определенном времени и определенном пространстве *меры неопределенности творческого поведения человека*. Мера определенности и мера неопределенности способов жизнедеятельности человека и общества составляет *пространство и время культуры*. Культура – общественный механизм продуцирования, фиксации, воспроизводства и самовоспроизводства устойчивости неоднозначного и нелинеаризированного поведения живых существ, интенсивность и «определенная неопределенность» изменения которых является главным условием их существования.

Культура задает *нормы* как репродуктивного (определенного, воспроизводимого и обучаемого) поведения, так и творческого (неопределенного, невозпроизводимого, сложно поддающегося обучению) поведения и определяет сферы и границы допустимой повторяемости и допустимых отклонений (творчества) от заданной меры. Любой человек и любое сообщество людей обладают уникальной-специфической системой культурных норм, фиксируемых как в знаковой, так и в символической форме. Поэтому культура – стержень, сущность человеческого бытия (существования).

Следует признать, что культура всегда специфична (локальна в пространстве и во времени), в то время как понятие «социум» унифици-

цировано и всеобщее. Культура исторически не во всем совпадает с этапами развития общества (если исходить из формационного подхода) и фиксирует только типичные, исторически воспроизводимые черты общественного развития. Не случайно понятие «социальное» в определенной степени допустимо и при описании жизнедеятельности животных сообществ, а правомерность сравнения культурных сообществ с животными в литературе, по сути, отрицается²⁴⁵.

Главное отличие человека (и общества) от животных (и их сообществ) заключается в процессе «дистанцирования» (по выражению Ю.Н. Давыдова) человека от природы, «дистанцирования», носящего не природный, но культурный характер. При подобном взгляде на антропосоциогенез подлинное существование человека и общества начинается с возникновения культуры, причем культуры не только и не столько материальной (материальная культура только и служит основанием для дальнейших достижений культуры духовной), сколько социально-психологической. В этом смысле вполне обоснована позиция В.П. Тугаринова, утверждавшего, что «психика человека по своим функциональным особенностям и связанным с ними новым способностям (разуму, целевой деятельности, способности к дальнему предвидению, творческой деятельности и пр.) далеко отходит от непосредственного отражения, создает все более особый мир, специфическую реальность»²⁴⁶, разрушающую «природную сращенность» индивида и природы.

Человеческое общество может существовать только как совокупность конкретно-исторических (культурных) образований, каждое из которых есть определенная совокупность людей, связанных между собой системой отношений, имеющих в каждом конкретном случае специфическое соотношение природных и вне-природных связей. И в этом смысле антропосоциогенез есть процесс снижения в жизнедеятельности гоминид удельного веса генетически обусловленных взаимосвязей и появления, а затем и возрастания значения связей, посредством которых индивиды взаимодействуют в надбиологической сфере. Решение проблемы компенсации вытесненных биологических взаимосвязей есть во многом задача сравнительного анализа, который проводится на основе сопоставления механизмов и факторов антропосоциогенеза с аналогичными в природе и обществе.

²⁴⁵ См., например: История первобытного общества: общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. – М., 1983. – С. 230.

²⁴⁶ Тугаринов В.П. Природа, цивилизация, человек. – Л., 1978. – С. 90.

Наиболее убедительной – и достаточно распространенной – гипотезой источника формирования внебиологических связей в сообществах гоминид является концепция половой дифференциации особей при добычании пищи: мужчины и подростки занимались охотой, женщины и дети – собирательством, т. е. каждая из групп осуществляла деятельность, наиболее соответствующую морфофизиологическим особенностям ее членов. Обособление охоты и собирательства неизбежно разделяло территориально и во времени трудовое и половое общение, а отсутствие на протяжении относительно длительного времени индивидов противоположного пола способствовало переключению деятельности с одного вида общения на другой. На этой основе складывались проторефлексивные, интуитивно-мыслительные механизмы взаимодействия и согласования деятельности, служившие своего рода предусубъективными предпосылками коллективного труда и являющиеся прообразом будущей общественной власти рода над индивидами²⁴⁷.

Если не учитывать некоторой неубедительности указанной концепции в том плане, что, во-первых, она оставляет необъясненными причины жесткого закрепления аналогичной дифференциации деятельности в животном мире (матка и рабочие особи у пчел и муравьев²⁴⁸, возложение функций охраны стада горилл только на самцов²⁴⁹ и т. п.) и, во-вторых, реальность такого положения, при котором – еще до существования культуры с ее механизмами передачи внегенетической информации – дети изолированы от самцов во время совершения взрослыми охотничьей (понимаемой в данном случае как трудовая) деятельности, но затем тем не менее в подростковом (и следовательно, затрудненном для обучения) возрасте они оказываются способными усвоить и воспроизвести тождественные действия, то в подобных рассуждениях есть рациональное зерно. Это рациональное зерно состоит в том, что без предположения о необходимости в силу *каких-то* причин систематически переключать деятельность с одного вида общения на другой объяснить феномен возникновения социального (культуры) невозможно.

Возвращаясь вновь к исходному постулату о распаде стадности у ведущих систематическую орудийную деятельность гоминид, осуще-

²⁴⁷ Андреев И.Л. Происхождение человека и общества. – М., 1988. – С. 333–334.

²⁴⁸ Шовен Р. Поведение животных. – М., 1972. – С. 455–482.

²⁴⁹ Шаллер Дж. Б. Год под знаком гориллы. – М., 1968.

стившемся благодаря возросшей степени автономности в результате орудийной деятельности гоминидных особей, но вопреки их неспособности существовать вне групповых объединений, пора вывести закономерно вытекающее из этого распада стадности следствие, повлиявшее на характер индивидуально-коллективного существования австралопитеков: консолидация группы, не имеющей ни вожаков, ни упорядоченной системы семейно-брачных отношений, группы, где каждая из особей (в том числе и женщины, которым концепция «половой дифференциации деятельности» фактически отказывает в прогрессивном развитии, так как они, согласно этой концепции, всю жизнь занимают одним только видом социальной деятельности) была способна к простейшим («простым» у Пиаже) абстракциям, могла стать возможной только в результате совместной деятельности некоторого множества субъективированных восприятий. Это бесспорно. Однако ограниченность данного подхода, согласно которому такой совместной деятельностью могла быть только общая *экономическая* деятельность; подхода, согласно которому экономическая сфера является, по существу, единственным транслянтом культуры, заключается в том, что конечной целью общественных отношений начинает выступать не индивид (вид), а вещь, которую К. Маркс называл моментом общественного производства как производства человека. Только признав, что приоритетным направлением в осуществлении и развитии общественных отношений с самого начала их возникновения было именно производство и воспроизводство индивида (вида), можно найти ключ к решению проблемы антропосоциогенеза.

Осознание специфической и основной функции культуры – удовлетворять, с одной стороны, потребность сообщества (и каждого индивида в отдельности) в коллективном, массовом действии, ориентированном на прагматический интерес группы, а с другой – потребность (и сообщества, и индивида) в инициативном и творческом индивиде, способном в сложных переплетениях социальных связей и взаимодействий с природой брать на себя ответственность, принимать самостоятельные решения, – означает понимание, что главным назначением культуры является формирование у каждого члена общества особого отношения к действительности (посредством воздействия на обе сигнальные системы) в виде специфических стереотипов поведения, обеспечивающих оптимальное взаимодействие индивидов друг с другом и с окружающим миром. Моделью идеальной человеческой деятельности на любом конкретно-историческом этапе, в любой культуре явля-

ется такое поведение индивида, которое позволяет ему без издержек вписаться в любую доступную данному сообществу среду, но вписаться с сохранением известной доли автономности.

Стереотипизации подвергаются единичные и повторяющиеся во времени образцы наиболее эффективного поведения, которые в виде традиций (обычаев) закрепляются в общественном сознании. Таким образом, существенную роль в развитии внегенетических коммуникативных средств на доречевой стадии существования гоминизирующихся сообществ сыграл, судя по всему, обычай и связанный с ним комплекс поведения членов объединения.

Прежде чем обсуждать проблемы формирования обычаев как основных носителей внегенетического опыта формирующихся людей, следует вспомнить, что вся система общественных отношений в сфере взаимодействия коллектива с индивидом базируется на трех факторах: генетике, определяющей специфическую психофизиологию индивида; социальной среде, оказывающей давление на индивида в определенном направлении; способности индивида активно и творчески взаимодействовать со средой, т. е., по сути, на таких факторах, как наследственность, воспитание и самовоспитание.

Роль генетики в происхождении человека принципиально ясна: в процессе естественного отбора в сапиентном направлении закреплялись преимущественно те признаки, которые позволяли индивиду в процессе онтогенетического развития приспосабливаться к подвижной социальной среде (современные исследования показывают, что среди преступников, т. е. людей, не соответствующих требованиям социальной среды, повышен удельный вес лиц с негибкой психикой и соответственно снижен – достаточно подвижной психикой²⁵⁰). Относительно ясна и роль самовоспитания, этого главного отличительного признака человека по сравнению с животными, сформировавшегося под воздействием исторического развития тенденции к индивидуализации. Производство и воспроизводство человека как производство определяющей для общества способности личности к самовоспитанию также осуществляется посредством взаимодействия и взаимовлияния определенных биологических структур. Под биологическими структурами в данном случае понимается психофизиологическое устройство индивидов, предполагающее и приобретение индивидами самой жизни, и

²⁵⁰ Лексин Ю. Если это действительно так // Знание – сила. – 1991. – № 10. – С. 69.

наследование комплекса генетических признаков. Под социальными (надбиологическими) структурами понимаются любые общественные образования, прямо или косвенно участвующие в онтогенетическом становлении человека: этнос, семья, возрастные и профессиональные группы, общественные и политические организации, государство и человечество в целом.

Способность человека изменяться в процессе онтогенетического развития под влиянием социальной среды («воспитываться») также специфична: индивид впитывает в себя большинство социальных норм настолько глубоко, что они фактически переходят в разряд витальных потребностей. У животных между тем возникшие в процессе воспитания стереотипы поведения, не получая соответствующего подкрепления, гаснут. Несомненно, что возможность подобного результирования процессов воспитания у человека возникла вследствие реализации тенденции к коллективизации жизнедеятельности индивида посредством специфической организации группового существования.

Поскольку социальные нормы поведения становятся «второй натурой» и зачастую не контролируются сознанием, человеческое поведение делается автоматическим, что дает основание некоторым авторам говорить о формировании своеобразного «социального инстинкта», хотя и не врожденного, но в процессе жизни переведенного из системы условных рефлексов в систему рефлексов безусловных. Между тем человечество, в отличие от природных сообществ, постоянно качественно изменяется, опережая в своей трансформации изменения среды. Парадокс процесса формирования социальной среды силами самой социальной среды, тяготеющей к постоянству формы и содержания, зафиксирован К. Марксом в третьем тезисе о Л. Фейербахе («воспитатель сам должен быть воспитан»). «Революционная практика» одновременного изменения «человеческой деятельности» и «изменения обстоятельств» не предполагает признания некоторой части людей более «субъектными», нежели остальные. Но революционная практика – во всяком случае, в диалектико-материалистической традиции – тем более не предполагает признания субъектности обстоятельств (субъектности внеобщественных сил), что и рождает вопрос: почему человечество постоянно изменяется, не ограничившись первыми, произошедшими в антропосоциогенезе сдвигами в групповой организации гоминоид и способе их жизнедеятельности?

Если исходить из понимания, что сущность воспитания состоит в решении задачи гармонизации жизнедеятельности индивидуализиро-

ванной особи с социальными нормативами и стереотипами поведения, приемлемыми для всех особей одновременно²⁵¹, для самой особи и множества социальных общностей, зачастую функционально взаимоисключающих друг друга, то ответ на этот вопрос надо искать в анализе сущности культуры и ее исторического развития. Понятие «культура» означает, прежде всего, искусственность, надприродность некоторого способа жизнедеятельности и его результатов. При этом понятия «культура и антикультура» пронизывают буквально все уровни человеческой жизнедеятельности и все формы человеческого поведения: «культура поведения, культура чувств, сельскохозяйственная культура, культура производства, учреждения культуры, культура бактерий и т. д.».

Культура была тем первым институтом общественной власти, который создал механизм саморегуляции складывающегося социума. Именно в этом смысле ядром социума можно признать обычай²⁵², т. е. поведенческий акт человека, который наследуется и тиражируется в сообществе надприродным образом. В. И. Копалов, исследуя механизмы управления складывающимися общественными процессами, выделил три универсальные функции обычая, главная из которых – моделирование с помощью и представлений деятельности коллектива, и образцов поведения. Обычай в таком случае выступает специфическим средством трансляции во времени и пространстве первичного сознания, которое осуществляется (в силу исходной нерасчлененности этого сознания) целостными синкретическими комплексами. С этой точки зрения, тотемизм – это связующее звено извне заданной природной и завершающей свое «внутреннее» формирование социальной системности. Обычай – в виде табу – играют роль социального контроля за поведением индивидуализированных особей и регулируют их взаимоотношения в коллективе. Обычаи не отрефлексированы – не мотивированы, ни с чем не соотнесены и крайне максималистичны²⁵³. Координация деятельности членов сообщества с внешним миром и коллективом, таким образом, осуществлялась посредством обычаев, которые и являлись той исторически первичной «бестелесной, невеще-

²⁵¹ Бажутина Т.О. Культура понимания в современной философии образования / Л.Б. Сандакова, Т.О. Бажутина // Философия образования/ НИИ (УМЦ) ФО НГПУ. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. – № 2 (19) – С. 230–237.

²⁵² Андреев И.Л. Происхождение человека и общества. – С. 376.

²⁵³ Копалов В.И. Общественное сознание. Критический анализ. – Томск, 1985. – С. 87–92.

ственной, не представляющей собой физической реальности» социальной материей, отождествляемой в отечественной литературе прежде всего с социально-экономическими отношениями²⁵⁴.

Думается, что социально-экономические отношения, правомерно признаваемые базисом современного общества, явились скорее побочным результатом антропосоциогенеза, нежели его фактором. Информационная деятельность на первых ступенях антропосоциогенеза была, скорее всего, некоторой «избыточной» структурой, аналогичной избыточным компонентам в сообществах животных²⁵⁵, и являлась закономерным следствием предельно пластичного поведения и интенсивных когнитивных процессов у гоминид, вызванных систематической орудийной деятельностью.

Обычаи складывались, вероятно, без достаточно острой необходимости, во всяком случае первоначально, однако позволяли группе обособиться в пространстве за счет стереотипизации поведенческих актов. Эта сфера деятельности в группах австралопитеков долгое время не была конституирована и в отдельную сферу жизни. Дело в том, что информационная деятельность в бесписьменном (даже относительно антропосоциогенеза в развитом «традиционном обществе») обществе в принципе не способна достигнуть высокой степени автономности и значимости, поскольку прагматический и информационный аспекты слиты воедино, вследствие чего транслирование соответствующих поведенческих норм в значительной мере достигается непосредственно в процессе самой конкретной деятельности, минуя стадию речевой артикуляции²⁵⁶, а при условии неустойчивости групповых объединений она к тому же еще и несистематическая.

Если бы это было не так, то территориальная дифференциация австралопитеков не могла не привести к формированию локальных различий в транслировании поведенческих норм и соответственно к возникновению локальных различий в орудийном комплексе. Однако на практике такой дифференциации не обнаруживается, о чем свидетельствует как аморфность орудий, так и незакрепляемость на длительное время биологических мутаций, вызванных различиями групп в пище и во всех основных способах жизнедеятельности в этот период.

²⁵⁴ История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. – С. 231–232.

²⁵⁵ Плюснин Ю.М. Проблема биосоциальной эволюции. – С. 140–149.

²⁵⁶ Романов В.Н. Историческое развитие культуры. Проблемы типологии. – М., 1991. – С. 11.

Предельное ослабление (распад) биологических ограничителей стадности, вызванное индивидуализацией членов сообществ, не способных тем не менее существовать как вид в одиночку, создало беспрецедентную историческую ситуацию наделения основными консолидирующими функциями «избыточных структур». По сути, трансляция индивидуальных стереотипов поведения стала играть в жизнедеятельности непосредственных предшественников человека ту же роль, которую выполняют сегодня социально-культурные нормы. При этом ограничители сообществ, существующие в виде культурных норм поведения, гораздо слабее и пластичнее норм биологических: их можно нарушать без риска для жизни индивида (вида), хотя за систематическое нарушение общественных норм и имеется определенная плата (например, формирование маргинального типа личности, чуждого любой культуре). Более того, система культурных норм обязательно должна быть открытой в определенной своей части для выхода за ее пределы, в противном случае общество потеряет способность к саморазвитию. (Потому мы и видим «законсервированные» в своей первобытности племена, существующие и донныне на периферии человечества, так как система социокультурной регуляции в их сообществах оказалась чрезмерно жесткой, закрытой). В то же время представляется, что излишняя активность индивидов по отношению к социальной среде (ее нормам) может осуществляться только в ущерб механизмам социальной регуляции и нарушение «меры открытости» системы общественных отношений в этом направлении пагубно для человеческого сообщества не менее, чем «закрытость». Думается, что диалектическое противоречие между индивидуализацией членов общества и их коллективизацией и до сегодняшнего дня является главной движущей причиной развития человечества, вынужденного постоянно маневрировать между этими Сциллой и Харибдой человеческой сущности, формируя в историческом движении разнообразные типы сочетаний (соотношений) меры индивидуализации и коллективизации, т. е. локальные культуры.

Главной единицей сообществ нового типа, объединенных не биологическими, а биосоциальными факторами, был, вероятно, этнос, который нельзя свести ни к особенностям культуры и форм общения, ни к способу адаптации группы к локальным вариантам природно-географической среды, но который является носителем этих существенных признаков человеческой сущности.

В этническом объединении, базирующемся на кровно-родственных и социальных связях одновременно, формирующийся человек впервые

осознал себя *предметом*, взглянул на себя со стороны глазами соплеменников во время совершения магического действия (ритуала, обряда), имитирующего последовательность его действий в недавней конкретной деятельности. Трансляция действий во времени, закономерным и естественным образом дополнившая обыденную практику трансляции навыков во время непосредственного действия, неизбежно являлась актом абстрагирования, дававшего новый источник развитию когнитивных процессов, формирующим в том числе и «инстинкт собственника», хотя эта собственность была не материального, а социального плана. Точнее, она носила в родовом обществе (сообществе) индивидуально-коллективный характер, но при объединении родов в племя приобретала социальный характер, ибо в этом случае социальные связи становились доминирующими и каждый член рода уже был не просто носителем, но и субъектом родового коллектива, становящегося элементом социального организма.

Трансляция во времени и пространстве биосоциальных и социальных способов жизнедеятельности могла осуществляться разными способами, в том числе посредством наскальной живописи, танцев, изображения звукового ряда и т. п. Не случайно «сейчас ученые приходят к единодушному выводу, что в любом первобытном обществе все проявления практической и духовной жизни человека были настолько тесно переплетены друг с другом, что в этом едином комплексе почти невозможно резкое разграничение между трудовыми процессами (изготовление орудий, охота и пр.), магией и искусством»²⁵⁷. Наука фиксирует хронологическое совпадение процесса активной дифференциации орудийной деятельности и возникновения искусства (в среднем палеолите). Искусство было одним из главных рычагов культуры, с помощью которого трансляция стереотипов социального поведения осуществлялась во внеречевой, но активно преобразующей действительность среде. Оно становилось специфическим средством коммуникации, своеобразным языком небиологического общения.

Однако утверждать, что «при таких связях вся предметная деятельность людей движется в формах *воспроизводительного*, так называемого репродуктивного исполнительства и поэтому даже свои обновляющие обретения вводит от имени и ради устоявшейся культурной парадигмы-образца, от имени и ради жесткой традиции»²⁵⁸, не совсем

²⁵⁷ Панов Е.Н. Знаки, символы, языки. – М., 1983. – С. 62.

²⁵⁸ Батищев Г.С. Социальные связи человека в культуре // Культура, человек и картина мира. – М., 1987. – С. 101.

правомерно в той части, что преобладание замкнутых социалорганических связей не означает закрытости всей социальной системы. Определенная степень открытости социальной системы изначально гарантирована «художественным» характером культурных трансляций, противостоящим возможности полной стереотипизации деятельности.

Художественное мышление, столь естественным образом слившееся в акте своего возникновения с прагматической деятельностью предшественников человека, представляет собой не просто своеобразный «празык», но систему языков²⁵⁹, выводящих самим своим существованием на многолинейное восприятие мира и иницирующих творческое (нелинейное) отношение к действительности, в основании которого лежит все то же противоречие индивидуально-коллективного бытия человека, персонифицированное (олицетворенное) в витальной социальной потребности действовать (любить, понимать, удовлетворять и т. п.) для *себя* как для других, а для *других* – как для себя. Другие – это члены твоего же рода (семьи, племени, этноса, государства), тождественные тебе по основному языку культуры и способные понимать тебя, согласовывать с твоими свои действия, но отличающиеся от тебя некоторыми особенностями отношения к миру в пределах твоего понимания. Позднее, по мере исторического развития общества, «отличающимися от тебя, но в целом такими же, как ты сам», становятся члены многих социальных общностей – от семьи до государства. Отсюда берет свое начало потребность принадлежать к определенной группе людей (профессиональной, возрастной, этнической или политической), пользоваться ее признанием и уважением, отсюда берет начало и противопоставление себя другим, не таким, как ты сам или твоя группа.

Производство вещей – лишь момент этого процесса, начавшегося на стадии австралопитековых, сформировавшегося в отдельную сферу жизнедеятельности в эпоху существования неандертальцев и получившего современную направленность в кроманьонский период, позволяющего конституировать движение общества в направлении гармонизации индивидуального и коллективного начал в человеке.

²⁵⁹ Герберт Рид (современный искусствовед, умер в 1968 г.) намечал восемь типов восприятия искусства: органический (слияние с объектом), импрессионистский, ритмический, структурный, перечисляющий, хаотический, декоративный и образный, обусловленные психофизиологическими особенностями индивидов и спецификой их личностного опыта.

ГЛАВА 3

ЧЕЛОВЕК И ТВОРЧЕСТВО

Разработка и обоснование концепции эволюционного смысла и механизмов образования творческой деятельности в антропосоциогенезе, проведенные с позиций современного синергетического подхода, способны раскрыть новые перспективные пути в изучении творческой человеческой сущности.

3.1. Репродуктивно-творческая деятельность как основание человеческой сущности

Выше уже отмечалось, что отличие человека от животных по «производительному» признаку состоит в том, что в обоих случаях воспроизводятся и производятся разные вещи: животные стремятся к однолинейно эволюционирующему способу жизнедеятельности, люди – к эволюционирующему нелинейно. По сути дела даже материальное производство необходимо человеку не столько для производства «материальных и духовных благ», сколько для постоянного воспроизводства «определенной неопределенности» всех основных способов собственной жизнедеятельности, границы которой «размываются» способностью представителей человеческого рода к творческой деятельности.

Нелинейность, неаддитивность и недетерминированность («неопределенность») человеческой деятельности не является при этом тождественной понятию творчества.

Творчество – это произвольно и целенаправленно регулируемая «определенная неопределенность» способов жизнедеятельности человека, а «труд» есть социальная система осуществления этой регуляции²⁶⁰. Подобное акцентирование проблемы критериев человечности

²⁶⁰ Бажутина Т.О. Формирование культуры и творчества в антропогенезе: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Т.О. Бажутина. – Новосибирск, 1995. – С. 24.

порождает необходимость обоснования эволюционных факторов и функций творческой деятельности и ее роли в общественной жизни. Утверждать, что атрибутивным качеством человека является нелинейное взаимодействие с действительностью, но не дать соответствующего обоснования, – значит нарушить известный принцип Оккама об умножении сущностей сверх необходимого: проблема происхождения человека и общества и без того перегружена декларативными теориями и концепциями.

Между тем вопрос о причинах и закономерностях выхода в ходе живой деятельности исторических предшественников человека за рамки простого воспроизводства и однолинейного производства заслуживает особого внимания в силу огромной практической значимости и является сложной методологической проблемой. Каким образом и почему формируется творческое поведение человека? Как функционирует в обществе «ген» («стереотип», «вирус») творчества? Нарушает творческая деятельность устойчивость общественного развития или стабилизирует его? В какой мере можно обучать творчеству целенаправленно? Существуют ли объективные закономерности изменения меры и значения творческой деятельности в общественном развитии?

Пытаясь найти ответы на эти вопросы, следует вспомнить, что, например, диалектико-материалистическое определение труда как деятельности, которая в своем историческом развитии неуклонно дифференцируется (разделение труда) и усложняется (формирование новых производительных сил и производственных отношений), предполагает в неявной форме, что творчество играет и в общественном развитии более значимую роль, чем репродуктивность. Но означает ли это, что человеческая репродуктивность не имеет творческого характера? Возможно ли существование репродуктивных методов обучению творчеству? Можно ли вообще связать «выход за рамки репродуктивности» в человеческом обществе с выходом в сферу «чистого творчества»? И означает ли выход за пределы репродуктивности прямое расширение базиса (экономической сферы развития общества), или приоритетной сферой творческой деятельности является сфера идеального?

Представляется, что процесс творческого освоения действительности теснейшим образом взаимосвязан с общественной практикой и в материальной, и в «идеальной» сфере²⁶¹, но это – связь «преодоления

²⁶¹ Бажутина Т.О. Формирование культуры и творчества в антропогенезе: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Т.О. Бажутина. – Новосибирск, 1995. – С. 24.

стихийности» и преобразования сложившихся, но уже ставших привычными теорий и методов. Эта связь осуществляется в мире идей, выполняя функцию устранения возникшего отчуждения²⁶², а затем опосредуется миром вещей. При этом, несмотря на свое качественное отличие от животной деятельности, творчество остается природным процессом в том смысле, что оно закономерным образом сформировано в ходе антропосоциогенеза на основе биологических факторов и предпосылок. Более того, творческая деятельность человека в некотором отношении более природна и менее социальна, чем его репродуктивная деятельность. Репродуктивная деятельность человека существенным образом отличается от животногообразного поведения тем, что это – целиком «условнорефлекторная» деятельность и у человека она способна не изменяться даже в изменяющихся условиях среды, что само по себе является более уникальным явлением, чем «нелинейность». Определенные «творческие акты» способны совершать и животные; репродуктивной деятельности в точном значении этого слова животных могут научить только люди, имеющие специальный (творчески сформированный) навык «фиксации знания в его неизменности» и, главное, обладающие изумительной способностью произвольно изменять иерархию базисных потребностей настолько, что перестают работать многие инстинкты.

Труд в этом смысле складывается из творческой и из репродуктивной деятельности. При этом репродуктивная социальная деятельность («работа», т. е. простое расходование или изменение затраченной на некую деятельность энергии) создает индивида, условно-рефлекторная деятельность которого в структуре всей его жизнедеятельности осуществляется за счет и в ущерб деятельности инстинктивной посредством перманентных волевых актов самопреодоления, путем преодоления второго закона термодинамики.

«Сила воли» имеется только у представителей человеческого рода. Вероятно, естественный отбор в линии человека разумного в настоящее время действует именно в этом направлении. В современном обществе наиболее жизнеспособными оказываются не те индивиды, которые обладают врожденным «физическим здоровьем», а те, которые способны успешно преодолевать не только давление среды, но и собственное несовершенство.

²⁶² *Марков В.И.* Методологическое значение процессуального подхода к анализу отчуждения// Исторический материализм как методология социального познания. – Новосибирск, 1985. – С. 92.

Современное понимание феномена силы воли, присущей только человеку и человеческому роду, недостаточно оценивает ее роль в становлении человека и общества. Между тем воля это свойство человека и сообщества в целом, заключающееся в его способности сознательно управлять своими поступками в ситуациях преодоления своих инстинктов, рефлексов или традиций. Сила воли свойственна только человеку, потому что ни одно животное даже не пытается преодолеть себя и свою биологическую природу. Исторически волю рассматривали с разных сторон. Первый этап связан с пониманием воли как механизма осуществления действий, побуждаемых разумом человека помимо или даже вопреки его желаниям. Второй – связан с возникновением волюнтаризма как идеалистического течения философии. На третьем этапе волю стали связывать с проблемой выбора и борьбой мотивов. На четвертом – волю стали рассматривать как механизм преодоления препятствий и трудностей, встречающихся человеку на пути к достижению цели. Но все исследователи, включая и Шопенгауэра, с его знаменитым трудом «Мир как воля и представление» (1818), вслед за Шопенгауэром сходятся в том, что воле чужды логические законы достаточного основания – пространство, время, причинность и подчиненность законам мысли. Воля бессознательна: раз сознание есть условие существования мира-представления, воля, как потусторонняя сущность мира, должна быть чем-то лежащим вне условий сознания, чем-то бессознательным. Она едина: раз *principia individuationis* (пространство и время) неприменимы к сущности явлений, последняя должна быть единой. К ней, строго говоря, неприменимы и понятия духовного, и материального – она представляет нечто возвышающееся над этими противоположностями, не поддающийся логически-точному определению *clair-obscur* в области понятий: слепое стихийное побуждение, движение и в то же время стремление к жизни, к бытию в индивидуальных чувственных формах.

При этом, если не касаться шопенгауэровской «мировой воли», в обществе «сила воли» в своей основе – воспитуемое качество. Она начинает формироваться уже с младенчества, в процессе приучения ребенка к преодолению искушений различного рода – распорядком дня, пищей, коммуникативными навыками²⁶³.

²⁶³ Бажутина Т.О. Культура понимания в современной философии образования / Л.Б. Сандакова, Т.О. Бажутина // Философия образования/ НИИ (УМЦ) ФО НГПУ. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. – № 2 (19) – С. 230–237.

Социально активные «работяги» не способны заботиться о сохранении собственной жизненной энергии и потому объективно способствуют вымиранию человека как биологического вида. Но разве мог труд исторически возникнуть во вред человеку, если человечество продолжает существовать и развиваться на протяжении многих тысячелетий? Безусловно, нет. Вероятно, труд (даже репродуктивный) дает человечеству нечто, что полностью компенсирует издержки элиминации биологических инстинктов самосохранения и скорее всего перекрывает их.

В обществе трудовому поведению младенец обучается практически с колыбели. При этом ребенок учится не «работать» («работают» и одомашненные животные), а именно трудиться. Различие в том, что «работа» – есть репродуктивная деятельность, воссоздающая артефакт по образцу, а труд – деятельность репродуктивно-творческая, создающая такой продукт, потребление которого вновь и вновь возможно «без каких-либо ограничений»²⁶⁴, т. е. новую информацию, опредмечиваемую репродуктивно бесконечно долго.

В этом смысле чрезвычайно показательным является то, что практически все психически здоровые дети, воспитываемые в обществе, в дошкольном возрасте активно занимаются творчеством, но к моменту окончания средней школы (к моменту инициации или совершеннолетия) доля творческой деятельности стремительно приближается к 0 %. При этом подростки старшего школьного возраста в современной культуре понимаются как «находящиеся в переходном (трудном) возрасте». В традиционном обществе подростки («пороговые, лиминальные люди», по В. Тэрнеру) «могут представляться, как ничем не владеющие»²⁶⁵, поскольку носители лиминальности «увертываются или выскальзывают из сети классификаций, которые обычно размещают «состояния» и положения в культурном пространстве». «Лиминальные существа ни здесь ни там, ни то ни се; они – в промежутке между положениями, предписаниями и распределенными законом, обычаем, условностями и церемониалом. Потому их двусмысленные и неопре-

²⁶⁴ Колеватов В.А. Марксистско-ленинская концепция материального производства как методологическая основа программы исследования духовного производства // Методологические проблемы научно-исследовательских программ. – Новосибирск, 1983. – С. 124.

²⁶⁵ Тэрнер В. Символ и ритуал. – М., 1983. – С. 169.

деленные свойства выражаются большим разнообразием символов...»²⁶⁶.

«Переходные состояния личности» в подростковом возрасте, таким образом, возникают в любых культурах и характеризуются падением творческого (не интеллектуального) потенциала и «неопределенностью» содержания культурного статуса. Кроме того, в развитых современных культурах родители обычно всячески стимулируют творческое развитие своих детей, в то время как само общество пронизывает фетишизация «обыкновенного человека» и недоверие к «умникам». Получается, что способность к творческой деятельности закладывается в младенца культурой, но закладывается лишь для того, чтобы в подростковом возрасте через этап особого неопределенного (и часто непредсказуемого по социальным последствиям) состояния творческое начало в индивиде было вытеснено репродуктивной деятельностью (ни для кого ни секрет, что наибольший процент «консерваторов» в любом обществе приходится на долю старшего поколения). Зачем и почему? И какой социокультурный механизм обеспечивает столь странный на первый взгляд процесс?

Ответы на эти вопросы особенно значимы потому, что период раннего детства (период «расцвета» творческой активности индивида в онтогенезе) признается современной наукой наиболее важным²⁶⁷ для становления личности. Тысячелетней историей доказано, что младенец, изолированный от социума на протяжении 1–2 лет, так и не становится впоследствии полноценным человеком в социокультурном смысле.

Иерархия диспозиций, синтезирующих систему регуляции социального поведения, определяется степенью включенности индивида в общественные отношения. При этом на ранних стадиях онтогенеза (вплоть до «переходного состояния» в подростковом возрасте), чем меньше степень включенности, – тем выше степень творчества, тем шире размах изменчивости (вариативности) поведения, не обремененного знанием репродуктивности. А вот стереотипизация человеческого поведения начинается в онтогенезе на относительно поздних ступенях детства, когда ребенок уже успел реализовать во вне себя весь усвоен-

²⁶⁶ Тэрнер В. Символ и ритуал. – М., 1983. – С. 169.

²⁶⁷ См., например: Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте// Вопросы психологии. – 1971. – № 4.

ный в младенчестве «творческий заряд» и раскрыл его максимальным образом. Формирование навыков репродуктивного поведения в культуре означает фиксацию индивидом во времени стереотипов «порогового» (лиминального) поведения, предполагающего полную свободу (неопределенность) действий внутри некоторых, очерченных социокультурной средой пределов²⁶⁸.

Переход к трудовому действию для индивида – это переход через «поле неопределенности» стереотипа, и в процессе этого перехода человек становится способным к социальной перцепции, т. е. к целостному восприятию субъектом социальных объектов и предметов материального мира; становится способным к интерпретации действительности и, следовательно, к индивидуализированной социальной стратегии и тактике поведения, основанной на исторически конкретных групповых стереотипах²⁶⁹.

Стереотипы человеческого поведения так же, как и стереотипы поведения животных, весьма устойчивы, но определяются не биологической целесообразностью, а соответствием произвольно сконструированной сообществом целостности рационализованного иррационального восприятия действительности, т. е. линеаризованно нелинейными факторами. Атрибутивная произвольность взаимодействий с действительностью обуславливает необходимость системности «иррациональных» деятельностиных актов, способную компенсировать недостаточность биологической целесообразности жизнедеятельности. Человеческий иррационализм при этом важен не менее, чем рационализм. Субъективная призма восприятия допускает и предполагает возможность искажения отображения в некоторых пределах, т. е. допускает возможность иллюзорности восприятия действительности в заданной культуре направленности и определенности.

Человеческие иллюзии восприятия в ряде случаев возникают не только при непосредственном индивидуальном отображении действительности (нельзя же всерьез верить, что причиной нелюбви Анны Карениной к мужу являлись оттопыренные уши последнего, как нельзя всерьез верить оптической иллюзии, в соответствии с которой ложка в тонком стакане с чаем кажется изломанной), но и при опосредовании

²⁶⁸ Тэрнер В. Символ и ритуал. – М., 1983. – С. 168–180.

²⁶⁹ Бажутина Н.С. Культура философского мышления как проблема направленности вербального поведения / Н.С. Бажутина // Идеи и идеалы. – 2010. – Новосибирск, 2010, 3(5). – Т. 2. – С. 104–109.

социокультурной призмой восприятия: например, при восприятии произведений живописи и графики. Неизбежное искажение трехмерного пространства на двухмерной плоскости «человек культуры» попросту не замечает, поскольку это искажение запрограммировано правилами языка живописи, принятыми в культуре. Неадекватность изображения действительности на плоскости человек культуры воспринимает как адекватность, как истину и целенаправленно «ставит» руку и глаз ребенка в соответствии с культурными стереотипами интерпретации произвольно организованного пространства. При этом в каждой культуре существует собственный способ произвольного обращения с пространством. «Невозможно судить о правильности построений, характерных для передачи пространства на плоскости в памятниках Древнего Египта или средневековых русских иконах, основываясь лишь на геометрических канонах мастеров европейской живописи XVI–XIX веков. Те и другие приемы в равной степени, – отмечает академик Б.В. Раушенбах, – условны и одинаково геометрически обоснованы»²⁷⁰. Линейная перспектива, о чем говорил еще П.А. Флоренский, символ веры художников Возрождения, не является единственно возможной и допустимой в человеческом восприятии и построении пространства.²⁷¹ Человек сам создает собственное культурное пространство, и это относится не только к живописи.

Произвольное, пусть и осуществляемое по определенным «законам», построение (создание) пространства и времени и есть, по существу, основание всякой культурной деятельности, основание труда. Труд – способ функционирования культуры, которая организует репродуктивно-творческую деятельность в единую целостность и определяет характер репродуктивности и творчества в конкретно-исторических условиях посредством традиций и обычаев (культурных стереотипов). Традиция и обычаи практически не интерпретируются самим культурным сообществом и осуществляются в коммуникациях преимущественно невербальным образом (не осознаются), что в определенной степени свидетельствует об их историческом возникновении на доречевой стадии как в онтогенезе, так и в филогенезе.

Однако прежде чем начать обсуждение проблемы исторического возникновения обычаев как носителей трудового опыта, следует

²⁷⁰ Левиков А.И. Ищи себя, пока не встретишь. – М., 1987. – С. 86–87.

²⁷¹ Флоренский П.А. Обратная перспектива // У водоразделов мысли. – Соч. – В 3-х т. – Т. 2. – М., 1990.

вспомнить, что вся система общественных отношений, рассматриваемая как взаимосвязь индивида с коллективом (культурным сообществом), базируется на трех факторах: генетике, определяющей специфическую психофизиологию индивидуума; социальной среде, оказывающей на индивидуума давление в определенном направлении; и способности личности активно и творчески взаимодействовать со средой, т. е. на таких факторах, как наследственность, воспитание (социализация) и самовоспитание.

Роль генетики (наследственности) в происхождении человека принципиально выяснена: в процессе эволюционного развития у представителей человеческого рода генетически закрепляются преимущественно те признаки и свойства, которые позволяют индивидам в процессе онтогенетического развития приспособляться к подвижной социальной среде (современные исследования показывают, что среди преступников, т. е. в группе людей, не соответствующей требованиям одной из коллективных сфер жизнедеятельности человека, повышен удельный вес индивидуумов с негибкой психикой и, соответственно, снижен – с достаточно подвижной психикой²⁷²). Относительно ясна и роль самовоспитания, этого эволюционно нового отличительного признака человека, позволяющего личности самоорганизовываться в соответствии с требованиями среды.

Самым неясным в философском смысле вопросом является проблема роли социальной среды, действующей на индивида в определенном направлении. То, что от воспитания зависит многое в становлении социокультурных черт личности (в том числе и навыков самовоспитания), общеизвестно. Воспитание обычно понимается как создание взаимозависимостей между людьми со специфическим ценностным отношением людей друг к другу, к труду, обществу и природе. «Влияя на отношения, социум тем самым создает основания для образования черт характера»²⁷³. При этом в педагогической литературе воспитание зачастую интерпретируется как формирование навыков подражания²⁷⁴.

²⁷² Лексин Ю. Если это действительно так... // Знание – сила. – 1991. – № 10. – С. 69.

²⁷³ Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания // Избр. психологические труды: в 2 т. – М., 1980. – Т. 1. – С. 79.

²⁷⁴ См., например: Фридман Л.М., Кулагина И.Ю. Психологический справочник учителя. – М., 1991. – С. 201.

Подобные концепции исходят из представления, что обучаемый (воспитанник), отождествляя себя с воспитателем, более или менее сознательно формирует свое поведение в соответствии с выбранным (или навязанным извне) стандартом. При этом социальные нормы поведения индивид впитывает в процессе социализации настолько глубоко, что они (хотя бы в некоторой своей части) вытесняют инстинктивную деятельность. Усвоенные культурные стереотипы становятся по существу «второй натурой» индивида, поскольку контролируются сознанием после их интериоризации. Человеческое поведение делается в некоторой своей части хоть и «воспитанным», но настолько автоматическим, что это дает основание авторам говорить о формировании «социального инстинкта», действующего как система безусловных рефлексов.

К сожалению, социум при таком подходе противопоставлен абстрактному индивиду, оторванному от всех предметных воплощений его атрибутивной субъектности. Личность, практически полностью обусловленная влиянием социума, превращена в функцию внешних социальных обстоятельств, модифицированных лишь психофизиологическими особенностями индивида. Стихийно или организованно формирование личности, становится при таком подходе вопросом первостепенной важности, поскольку воспитание является (признается) только внешней силой, а воспитуемый понимается лишь как объект некоторой системы воздействий²⁷⁵.

Оставляя в стороне тему общественного вреда подобных воззрений, которые, воплощенные в педагогических технологиях образования и воспитания, действительно формируют индивида, но лишь такого, который приучен действовать только по заданной программе и не способен рассматривать свою деятельность как творчество (как решение проблем), поскольку регулятивом деятельности актов для него является одно знание в его апробированной форме, акцентируем внимание на следующем. Человечество, в отличие от биологических сообществ, не просто постоянно эволюционирует, но в своем развитии постоянно опережает трансформации среды, и проблема формирования способности к опережающему развитию есть проблема воспитания, проблема механизмов и сущности социализации. Способность к

²⁷⁵ Бажутина Н.С. Формирование философского мышления и его вербализация в системе высшего образования / Н.С. Бажутина // Философия образования. – 2010. – № 3(32). – С. 91–96.

опережающему развитию, действительно, задается воспитанием, но вряд ли таким, при котором воспитуемый воспринимается только как объект социализации.

Парадокс формирования «более продвинутой творчески» социокультурной среды силами самой социокультурной среды, тяготеющей, как всякая целостность, к единству формы и содержания, зафиксирован К. Марксом в третьем тезисе о Л. Фейербахе («воспитатель сам должен быть воспитан»). Сущность этого парадокса состоит в том, что даже самая консервативная социальная среда, по-видимому, функционирует таким образом, что входящие в нее индивиды никогда не воспринимают ее давление в полной мере, т. е. воспитать хотя бы относительно подобного себе в социуме не дано никому. В противном случае пришлось бы признавать одних людей более «субъектными», чем другие.

Между тем «революционная практика» одновременного изменения «человеческой деятельности» и «изменения обстоятельств» не предполагает разницы в «уровнях субъектности» личности и общества, что заставляет поставить очередной вопрос: почему человек (социокультурная среда), даже воздействуя на ребенка «методами дрессуры», формирует не «дрессированное говорящее животное», а творчески активного индивида? И почему в антропосоциогенезе, не ограничившись качественными преобразованиями психики (поведения) гоминид и перестройкой групповой организации, эволюция инициировала опережающие изменения в психике и групповой организации по сравнению с изменениями окружающей среды?

В предыдущих параграфах уже были обсуждены некоторые аспекты данной проблемы и обоснована мысль об эволюционном значении культуры, конституировавшей нелинейные взаимодействия с действительностью в гоминидных сообществах. Теперь задача состоит в выявлении тех механизмов репродуктивно-творческой деятельности, которые обусловили интенсивность саморазвития культурной целостности.

Ядром социокультурной целостности ряд исследователей признает обычай (традиции). В.И. Копалов, например, исследуя механизмы управления складывающимися в антропосоциогенезе общественными процессами, выделяет три универсальные функции обычая, главная из которых – моделирование деятельности коллектива по образцу произошедших и приведшим к эффективным результатам поведенческих актов. Обычай выступает специфическим средством трансляции во времени и пространстве «первичного сознания», которое в силу своей исходной нерасчлененности осуществляется целостными синкретиче-

скими комплексами²⁷⁶. С этой точки зрения, например, тотемизм – это связующее звено извне заданной природной и завершающей свое «внутреннее» формирование социальной системности. Обычаи – в виде табу – играют роль социального контроля за поведением индивидуализированных в своем групповом поведении особей и регулируют их взаимоотношения в коллективе. Координация деятельности членов сообщества с внешним миром и коллективом не рефлексруется и не мотивируется членами группы, но сами обычаи составляют то «неорганическое тело человека»²⁷⁷, о котором писал еще К. Маркс и которое в отечественной марксистской литературе интерпретировалось по сути как система социально-экономических отношений.

Думается, что *обычаи* складывались по иным, нежели социально-экономические, причинам, во всяком случае, в антропосоциогенезе. Производственно-экономические отношения не могли возникнуть в сообществах, пусть и характеризуемых систематической орудийной деятельностью, до возникновения в этих сообществах особых структур для регуляции коллективно организованной жизни индивидуализированных особей. Однако этот тезис не означает отрицания факта возникновения труда в сообществах гоминид, но труда, понимаемого не в орудийно-производственном смысле, а в его культурной определенности.

Производственно-экономические отношения предполагают наличие в сообществах структур, в которых опредмечен опыт рода по изменению внешней среды и самого себя. Изменение внешней среды при этом само по себе не является принципиально новой стратегией поведения в мире животных, поскольку в процессах видообразования новые виды всегда создают новые приспособления для эффективной адаптации к среде и тем самым приносят в среду нечто новое. Существенно новым качеством является тиражируемый в обществе образец (стереотип) поведения по изменению индивидом самого себя. И потребность в таком опыте для сообщества, не имеющего жестких ограничений стадности и индивидуального поведения – бесспорна, в то время как необходимость объединения вокруг орудийной деятельности – проблематична. Потребность в групповом согласовании некоторого множества индивидуализированных стратегий поведения может быть удовлетворена через опосредование такой структурой, в которой

²⁷⁶ Копалов В.И. Общественное сознание: критический анализ. – Томск, 1985. – С. 87–92.

²⁷⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 42. – С. 386.

преобладает «нелинейный» способ организации, а производственно-экономические отношения, невзирая на их способность к продуктивному самодвижению, все же более репродуктивны в своей основе, чем социокультурные отношения.

Культура, возникшая в этносоциальной форме, была исторически первичным институтом общественных отношений, который создал механизм регуляции складывающегося социума с преобладанием «нелинейного», творческого начала. Культура – это особая целостность открытого типа, продуцирующая меру нелинейности и интенсивности изменений во внегенетической сфере жизнедеятельности сообщества. Труд при таком подходе может быть охарактеризован как механизм, обеспечивающий целостность культуры в пространстве и во времени. Деятельность может быть признана трудом лишь в том случае, если она является одновременно и репродуктивной, и творческой, хотя мера и репродуктивности, и творчества меняется как исторически, так и в зависимости от характера трудовой деятельности. При этом мера репродуктивности обеспечивает стабильность изменений объекта труда и его сохранность во времени, а мера нелинейности (творчества) – степень интенсивности изменений объекта труда, которая всегда должна быть выше, чем интенсивность изменений окружающей среды.

Повышенная степень интенсивности развития общества и человека не могла бы поддерживаться на протяжении всей истории человечества, если бы в их жизнедеятельности не функционировала бы некоторая нелинейная структура. «Нелинейность» – характеристика объектов, находящихся в переходном состоянии развития, интенсивность качественных преобразований, которых всегда превышает скорость изменений внешней среды. Опережающее по сравнению с внешней средой развитие человека и общества доказывает, что и человек (индивид), и общество несмотря на свою относительную «стационарность» и «равновесность» пребывают одновременно и в некотором состоянии качественного перехода. «Переходность» состояния человека и общества поддерживается и инициируется культурой, регулирующей уровень и степень нелинейности жизнедеятельности человека и сообщества.

Труд есть процесс и поддержания, и нарушения границ меры культурной определенности в ее основных сферах, в числе которых, в ходе исторической дифференциации культуры, возникла и система производственно-экономических отношений. Но прежде, чем труд приобрел производственно-экономический характер, т. е. прежде, чем труд был

овеществлен в материальном производстве, он был овеществлен в производстве человека культуры. Собственно, это был еще не неоантроп, но палеоантроп, не имеющий речи и развитых производственно-экономических отношений, но уже способный к существованию в коллективе не утрачивая личностной самобытности.

Даже в бесписьменном «традиционном» обществе (т. е. более развитом, чем сообщества эпохи антропосоциогенеза) культурная деятельность долгое время слита в своем прагматическом и информационных аспектах. Даже в первобытности транслирование соответствующих поведенческих норм в значительной степени достигается непосредственно в процессе самой конкретной деятельности, минуя стадию речевой артикуляции²⁷⁸, поэтому есть все основания утверждать, что в антропосоциогенезе труд возникал в его недифференцированной форме и главным признаком трудовой деятельности было формирование навыков упорядочивания нелинейного восприятия действительности путем ограничения произвольности психических процессов индивида.

Г.А. Голицын и В.М. Петров сформулировали гипотезу, «согласно которой психические процессы, и в частности творчество, подчиняются принципу максимума информации»²⁷⁹. Суть этой гипотезы состоит в том, что человек не просто использует в своей деятельности «максимум информации», что характерно для живой системы любого уровня, но и произвольно устанавливает связи между информационными взаимодействиями и «объективирует» эти связи с помощью сотворчества²⁸⁰.

«Нелинейность» восприятия действительности у австралопитековых, таким образом уже существовала, т. е. существовала и «произвольность установления связей» между воспринимаемыми сторонами действительности, но еще не существовало сотворчества, поскольку не существовало локальной дифференциации способов жизнедеятельности. Главным отличием протоантропов от животных являлось субъективированное восприятие особями действительности, главным отличием от человека являлось отсутствие культуры как меры регуляции нелинейности жизнедеятельности.

²⁷⁸ Романов В.Н. Историческое развитие культуры: проблемы типологии. – М., 1991. – С. 11.

²⁷⁹ Голицын Г.А., Петров В.М. Информация – поведение – творчество. – М., 1991. – С. 5.

²⁸⁰ Там же. – С. 80 – 88.

На стадии архантропов начинают формироваться механизмы коллективной регуляции «субъективированного» восприятия действительности, но еще не существовало структур, способных сохранять субъективированный коллективный опыт во времени и пространстве. Но уже начал появляться феномен труда, понимаемый как преодоление собственной субъективности через опосредование коллективными представлениями нелинейного восприятия действительности.

Представляется, что на этапе архантропов трансляция этнокультурных способов жизнедеятельности в их «определенной неопределенности» изначально осуществлялась разнообразными, но невербальными способами, предполагавшими почти ничем неограниченную свободу интерпретации воспринимаемой действительности. «Сотворчеству» подвергались лишь коммуникативные воздействия особей по поводу отношений брачности и др., но фиксация даже этих, сверхактуальных для сообщества взаимодействий во времени была затруднена ввиду отсутствия структур, конституирующих новое – культурное – пространство.

Сообщества поздних архантропов нашли выход из этого тупика, создав искусство. Искусство стало одной из первых сфер культуры и основным содержанием трудовой деятельности этого исторического периода. На тезисе, связывающем рождение палеолитической культуры с возникновением живописи, настаивает, например, К. Гэмбл²⁸¹. Искусство, понятое в расширенном смысле как любая «условно организованная» (игровая) деятельность, функционировало как опосредование деятельности субъектом пусть и во внеречевой, но активно преобразующей действительность сфере. Опосредование действительности средствами искусства предполагало, что результаты коллективно организованных деятельностных актов могут быть интерпретированы в множественных отношениях.

Первые трудовые акты были слитны в своих репродуктивной и творческой сторонах. Не случайно современные ученые приходят к единодушному выводу, что даже в первобытном обществе «все проявления практической и духовной жизни были настолько тесно переплетены друг с другом, что в этом едином комплексе почти невозможно резкое разграничение между трудовыми процессами (изготовление

²⁸¹ *Gamble C.* Information exchange in the Palaeolithic // *Nature*. 1980. – Vol. 283. – P. 522.

орудий, охота и пр.), магией и искусством»²⁸². В антропосоциогенезе дифференциация деятельности (труда) еще в большей степени, чем в первобытности, осуществлялась лишь в отношении средств труда, их субъективированности и абстрагированности от природно данных пространства и времени. Объект (предмет) труда был еще нерасчленен: охота и орудийная деятельность, например, не требовали первоначально «искусства» установления условных связей, а художественная деятельность являлась столь же насущной, как и забота о пропитании, потребностью, поскольку позволяла построить новое (не физическое и не биологическое) пространство, ставшее впоследствии «собственностью» только человека и общества – культурное пространство.

Первые живописцы, не подозревая об этом, создавали приемы превращения совокупности впечатлений от объемного, динамичного во времени и пространстве, многоцветного и разноликого мира в устойчивую двухмерную модель, т. е. создавали процедуры анализа и синтеза, формируя «абстрагирование второго уровня». И не случайно наука фиксирует хронологическое совпадение процесса активной дифференциации орудийной деятельности и становления искусства в среднем палеолите. Усилия по преодолению межиндивидуальной психологической разобщенности завершились возникновением доречевого мышления и сформированные аналитические способности (трудовые навыки) сразу начали реализовываться не только в духовной сфере жизнедеятельности, но и традиционных биологических видах деятельности.

Вопрос состоит в том, что «определенное (для индивида – предопределенное)» существование является главным условием «свободы» жизнедеятельности и индивида, и общества на любых исторических этапах социального развития. Специфика архаичности заключается лишь в том, что «свобода» жизнедеятельности индивида и общества может быть осуществлена лишь в очень ограниченном количестве культурных сфер, поскольку культура в этот период еще мало дифференцирована (в антропосоциогенезе она была вообще не дифференцированной). Нет никаких оснований утверждать, исходя лишь из тезисов К. Маркса, что в антропосоциогенезе «вся предметная деятельность людей движется в формах воспроизводительного, так называемого репродуктивного исполнительства, и потому даже свои обновляющие обретения вводит от имени и ради жесткой традиции»²⁸³.

²⁸² Панов Е.Н. Знаки, символы, языки. – М., 1983. – С. 62.

²⁸³ Батищев Г.С. Социальные связи человека в культуре // Культура, человек и картина мира. – М., 1987. – С. 101.

Невысокие возможности выхода за пределы «репродуктивного исполнительства» в первобытности обуславливаются не столько «жесткостью» традиции, сколько исторической ограниченностью ее «масштаба», при котором сознание обнаруживает лишь минимальный «мир незнаемого». Творческое («свободное») мышление и творческая деятельность не менее свойственны палеоантропам и членам первобытных общин, чем современному человеку²⁸⁴, вопрос состоит лишь в «разнице объемов» культурных пространств на разных исторических этапах и в отличии способов освоения этих пространств в процессе труда. Любой труд есть процесс репродуктивно-творческий; проблема состоит в выявлении отличий между способами поиска «свободы» для выхода за пределы культурного поля (культурного пространства).

3.2. Понятие «культура»

В настоящее время в научной литературе существует более 250 определений культуры. Но научной дефиниции культуры не существует. Дело в том, что точные логические определения всегда стремятся к замкнутости (однозначности) толкования путем исчерпывающего описания сущности определяемого. Множественность существующих дефиниций культуры свидетельствует, прежде всего, о том, что одинаковости взглядов на предмет культуры в науке не существует, поскольку это слово получает различное содержание в зависимости от времени и места, от характера изучаемого общества. Культура – термин исключительно многозначный и многоаспектный. Эта многозначность термина «культура» предопределяет и различие подходов к ее пониманию и определению среди исследователей вопроса, примерно так же, как это происходит и при попытке дать научное определение самому человеку.

В значительной своей части существующие определения культуры даются, как правило, по следующим основаниям.

Описательные определения. Восходящие в своей основе к концепции основоположника культурной антропологии Э. Тейлора, подобные определения строятся, исходя из представления о культуре, как некоторой сумме сокровищ (знаний, вещей, способов приспособления к окружающему природному и окружающему миру), накопленных конкретным сообществом людей и человечеством в целом.

²⁸⁴ См.: Кребер Т. Иши в двух мирах. – М., 1970.

Исторические определения. Такого рода определения подчеркивают роль социальной преемственности в развитии культур, обосновывают историческую закономерность и последовательность развития культурных форм.

Нормативные определения. Существует большая группа исследователей, акцентирующих внимание на такой функции культуры, как ее нормативность. Культура при таком подходе – это нормы и правила поведения в различных видах деятельности, которые задаются индивиду в его социальном окружении, сформировавшем свод данных правил под давлением «исторических обстоятельств».

Ценностные определения. Исходящие из представления о том, что только человеку присуще «произвольное» создание иерархии ценностей (во всех человеческих сообществах существуют собственные системы ценностей), такие определения объясняют культуру прежде всего как материальные и духовные ценности группы людей, как систему их ценностных предпочтений.

Психологические определения. Эта группа определений базируется на том обстоятельстве, что принадлежность к любой культуре определяется, прежде всего, психологией индивида, и его готовностью примыкать к общественной культуре и создавать собственную, индивидуальную через формирование личностных психологических стереотипов приспособления к окружающей природной и социальной среде. Культура при таком подходе – это система психологических стереотипов, присущая как индивиду, так и обществу в целом.

Определения на базе теории обучения исходят из тезиса: культура – это поведение человека, которому он научился в процессе жизни, а не унаследовал в виде инстинктов.

Структурные определения. В таких определениях культура представляет собой систему определенных признаков, различным образом связанных между собой. Характер этих связей определяет специфику культурной формы. Главным в культуре признается именно организация, моделирование отношений между составляющими ее элементами.

Символические определения. Определения культуры этой группы подчеркивают в виде важнейшего такое свойство культуры, как ее специфический код (язык); функционирование культуры при таком ее понимании осуществляется исключительно в виде символов-знаков, «расшифровать» которые можно, лишь зная всю систему организации общественных феноменов в данной культуре.

Идеологические определения. В этом случае культура понимается как поток идей, переходящий от индивида к индивиду посредством особых действий, т. е. с помощью слов или подражаний.

Анализ только этих девяти подходов, без обращения ко всем имеющимся определениям культуры, показывает, что каждый из них правомерен в существенном отношении. Однако анализ всей совокупности данных подходов показывает, но их совокупность дает достаточно полное описание общества, но не культуры. Более того, перечень таких имманентно присущих культуре свойств как социальность, ценностность, избирательность, нормативность, символичность, структурность, идеологичность и пр., так и не дает ключа к пониманию явлений, которые подразумеваются в выражениях «культура Восточной Азии», «культура России», «профессиональная культура», «культура бактерий» и т. п.

Между тем «главное», существенное в культуре необходимо выделить именно для того, чтобы не «вслепую», а осознанно осуществлять культурно продуктивную (творческую) деятельность; чтобы развивать культуру, а не просто создавать нечто социальное, но глубоко антикультурное, как зачастую это и делается сегодня.

Если исходить из сопоставления понятий «культура» и «общество», то любые архитектурные сооружения, например, будут являться общественными (социальными) феноменами, но только часть из них будет одновременно являться феноменами культурными, а остальные попадут в раздел «антикультурные». На практике выпадающие из контекста культуры архитектурные сооружения – это либо не адаптированные к данному месту и данному историческому времени архитектурные конструкции других эпох и других народов; либо – «дилетантские», вредящие обществу сооружения (не соразмерные, не функциональные, не эстетичные, конструктивно безграмотные или не гармоничные для данной культуры, данной местности и данной эпохи архитектурные формы).

Исходя из этих рассуждений, а также из понимания культуры как исключительно многофункционального явления, существенным признаком культуры следует признавать фиксацию культурой типичного и продуктивного для каждого конкретного сообщества способа функционирования любой сферы социального, а также возможность и потребность тиражирования данного феномена в пространстве и во времени. Вне потребности членов сообщества к тиражированию феномен следует

признать социальным, но акультурным. Так, например, ненормативная лексика, употребляемая с высокой трибуны или просто в общественном месте, творение шизофреника или «нетрадиционная» сексуальная ориентация являются, без сомнения, социальными феноменами. Но вот явлениями культуры или культурными феноменами часть из них не способна стать ни при каких условиях, а часть – при определенных условиях.

Поскольку основным социальным смыслом культуры является передача от поколения к поколению социального опыта, под типичным следует понимать не только традиционное в жизни общества воспроизводство исторически предшествующих социальных форм, но и творческие традиции, типичные для конкретной общественной целостности.

Введение в понятие «культура» категории «творчество» необходимо в силу того, что творческая деятельность, например искусство или инженерная мысль, всегда направлены на расширение (изменение) границ культуры; на отрицание ставшего привычным (типичным) и создание нового (нетипичного). Созидательная деятельность по созданию нового (творческая деятельность) бывает при этом, как известно, двух типов: профессиональная и дилетантская.

Дилетант отличается от профессионала тем, что создает новое без учета его репродуктивной основы, без учета типичного, «не знает, что можно делать в этой сфере, а что невозможно». В этом смысле «дилетант» может быть и с дипломом о высшем образовании, а «профессионал» – безграмотен. Однако деятельность дилетанта преимущественно малоэффективна в деле приращения культуры в том отношении, что он в лучшем случае «изобретает однажды», а в худшем – создает антикультуру, поскольку в силу невежества творит не на границе между культурой и антикультурой, расширяя границы культуры, а за ее пределами, игнорируя объективные потребности общества развиваться в определенном направлении. Разумеется, гении, зачастую выходящие в своем творчестве далеко за рамки общепринятого, тоже творят за пределами потребностей культуры. Однако результаты деятельности гениев обычно становятся востребованными обществом через определенное время, когда общество становится готовым к восприятию принципиально нового.

Именно поэтому задача профессионального образования для студентов творческих (научных, художественных, технических) специальностей в этом смысле сводится к получению знаний, которые в

дальнейшем им будут нужны в основном только для того, чтобы часть из них намеренно забывать при решении конкретных творческих проблем. Профессиональному творцу знания нужны для того, чтобы их забывать и обходить при выходе за пределы культурного пространства, в то время как дилетанту – для того, чтобы помнить при выходе за пределы культурного пространства не разрушать общество. При этом если профессионал не научится забывать полученные знания, он будет создавать только уже созданное до него; но если он сумеет забыть все – создавать он будет уже исключительно антикультуру.

Разумеется, разные сферы действительности, равно как и разные профессии, требуют различного сочетания продуктивной (творческой) и репродуктивной (воссоздающей) деятельности. Исторически устойчивая мера творческого отношения к действительности (мера свободы) создает устойчивые общественные системы, т. е. культуры – профессиональные, возрастные, этнические, исторические. Вот почему можно определить культуру как *исторически устойчивую меру репродуктивно – творческого отношения к действительности, обеспечивающую целостность индивидуально-коллективной жизнедеятельности индивида и общества* при самоорганизации и саморазвитии социальной жизни.

Выдвигая данное определение культуры, представляется важным отметить, что под «индивидуально-коллективной» жизнедеятельностью понимается еще одна «мера», ограничивающая свободу индивидуальной и общественной творческой деятельности: «индивидуально-коллективная» существование человека есть главное и существенное отличие от мира живой природы. В живой природе особи либо живут в группах, не обладая никакой индивидуальностью, кроме унаследованной генетически; либо способны к индивидуальному научению (так называемый «зоологический индивидуализм»), но тогда они теряют возможность в групповом («социальном») существовании. В биологическом мире «представить себе главные черты социального поведения у всех организмов сразу, от колониальных водорослей до человека, значит столкнуться с парадоксом», суть которого в том, что биологические (первичные) типы социальности несовместимы с высокоорганизованными индивидами.

Представители человеческого рода являются высокоорганизованными индивидами, но живут в сообществе, хотя в природе подобные им по интеллекту особи (например, хищники) объединяются в группы лишь в экстремальных ситуациях: на период размножения или в голодное

время. Человек живет в обществе постоянно, а изоляции от группы он подвергается как раз лишь в экстремальных ситуациях – либо в виде наказания, либо самонаказания (самоистязания). Даже способностью к труду, дающей ему возможность существовать независимо от общества, он не спешит воспользоваться для бегства от других людей (семейство Лыковых или герой Д. Дефо Робинзон Крузо именно поэтому привлекают внимание общественности своей исключительностью).

Что делает возможным в человеческом обществе существование двух взаимоисключающих тенденций? Труд? Труд действительно лежит в основании общества. Не случайно общество нередко определяют как совокупность индивидов, занимающихся трудом. Но почему труд объединяет, а не разъединяет людей, что было бы более естественным, учитывая такую функцию производительной деятельности, как оснащение особи дополнительными средствами (орудиями) к существованию?

Современные исследователи различают труд и орудийную деятельность. Труд – это не просто использование орудий и даже не производство орудий (производство вещей – лишь момент производственной деятельности). Труд изначально конституировал (т. е. придал устойчивые формы), закрепил, сделал необратимым процесс очеловечивания, суть которого состоит в формировании отношений, принципиально отличных от биологических между особями. Качественно новый характер отношений состоял в том, что сообщество формирующихся людей, т. е. «группы индивидуалистов», нуждалось в специальных общественных механизмах и структурах, которые обеспечивали бы производство и воспроизводство «индивидуалистов» способных к групповому существованию. Почему, зачем и каким образом этот процесс осуществлялся на индивидуальном уровне, мы рассмотрим в следующем параграфе, а сейчас важно отметить, что первые человеческие сообщества объединялись действительно на трудовой основе, но этот труд создавал не столько ценности материального, сколько духовного порядка.

Труд создавал – и создает – индивида, условно-рефлекторная деятельность которого в структуре всей его жизнедеятельности осуществляется за счет и в ущерб деятельности инстинктивной. Современный человек (человек разумный), несмотря на его остроумное определение социобиологом Моррисом как «голой обезьяны, летающей в космос, но не освобожденной от необходимости мочиться», в значительной степени утратил те инстинкты самосохранения, которые тысячелетиями

вырабатывались у его животных предшественников: человеческий детеныш беззаботно устремляется к незнакомым ему особям (людям и животным); взрослый человек практически не опасается незнакомой местности и обстановки, он безмятежно употребляет продукты, о которых достоверно знает как о вредных для здоровья и т. д. Врожденному у животных чувству предосторожности человека приходится долго и целенаправленно учить, причем зачастую безрезультативно (вспомните, для примера, поведение российских граждан на автомобильных магистралях). И все это потому, что человек с младенчества – и чаще всего неоправданно – почему-то уверен, что общество (семья, профессиональная группа, государство) стоит на защите его интересов и не допустит его гибели.

Однако, несмотря на все пагубные последствия трудовой деятельности, труд объективно не мог сформироваться во вред человеку и его сообществу. Вероятно, труд дает человеку нечто, что полностью компенсирует все издержки трудовой деятельности. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что специфически человеческому (т. е. трудовому) поведению младенец обучается практически с колыбели. При этом ребенок учится не работать («работать» умеют и одомашненные животные: лошадь возит, собака охраняет), а именно трудиться. Различие в том, что «работа» предполагает только репродуктивные (воссоздающие) действия, а труд – это деятельность не только репродуктивная, но и всегда продуктивная (творческая)! Младенец не просто усваивает поведенческие стереотипы взрослых, но и создает собственные: ломает игрушки, пытаясь узнать их устройство; сочиняет сказку с неведомым никому, кроме него, героем; стряпает и угощает родных песочными пирожными из натурального песка и т. п.

В этом отношении является чрезвычайно интересным то обстоятельство, что творческие способности (в той или иной степени) демонстрируют практически 100 % дошкольников, в то время как к моменту окончания средней школы доля творческой деятельности у детей старшего возраста стремительно приближается к 0 %. Получается, что способность к продуктивной (творческой) деятельности закладывается в человека в младенчестве, а затем, по мере его взросления, вытесняется деятельностью репродуктивной (ни для кого не секрет, что наибольший процент «консерваторов» приходится на людей пожилого возраста). Зачем и почему? Какой механизм обеспечивает столь странный процесс?

Ответы на эти вопросы особенно интересны потому, что период раннего детства (период расцвета «творческой» активности индивида) наиболее важный этап развития личности. Тысячелетней историей доказано, что ребенок, лишенный нормального творческого детства, хотя бы на протяжении 1–2 лет, так никогда впоследствии и не становится полноценным человеком. Маугли из сказки Р. Киплинга – лишь плод творческого воображения писателя. В действительности человечеству известно около 50 случаев воспитания детей волками (видимо, не случайно самый верный «друг человека» – собака – потомок одомашненного волка), но не один из воспитанников животных не сохранил человеческих способностей. Например, в 1920 году ректор детского приюта Сингх (Индия), совершая путешествие по джунглям, поймал двух девочек, которые жили с волками. После возвращения к людям Амала и Камала (так их называли) продолжали вести типичный для волков сумеречный образ жизни. Днем спали, свернувшись клубком, а вечером начинали проявлять активность. Срывали с себя одежду ходили на четвереньках, обнюхивали воздух, прислушивались к звукам, но не проявляли не малейшего интереса к людям, другим детям. Они так и не привыкли к «неволе» и погибли через несколько лет, так и не став теми, кем были рождены людьми.

Ограничение возможности саморазвития (творческой деятельности) в процессе формирования любой культуры (не только индивидуальной, но и коллективной) всегда ведет к гибели культурного феномена, ведет к гибели культуры. Если у культуры нет возможности «выхода во вне себя» – она гибнет. Дети, воспитанные волками, учатся быть как волки, но не умеют творить и не способны к творческому сотрудничеству, поэтому они не способны воспринять любую культуру, которая тем отличается от «норм», «стереотипов», предпочтений и любых биологических систем поведения, что является открытой целостностью, является открытой системой.

Трудности теоретического определения культуры определяются главным образом тем, что культура – сама по себе – не замкнутое общественное образование. Общество может быть закрытым (например, путем законодательных актов, обеспечивающих «железный занавес» для взаимодействия с другими странами и народами). Культура не может быть закрыта в принципе, она всегда – пусть и в разной мере – приоткрыта и для взаимодействия с другими культурами, и для саморазвития, самоуглубления. Это объясняет и многозначность понятия культуры, и ее проникновение в разные сферы общественной жизни.

Труд (система репродуктивно-творческой деятельности) – процесс функционирования культуры. Процесс, обеспечивающий формирование и сохранение меры соотношения традиционного и нового в профессиональной, этнической, художественной и других сферах.

3.3. Культура как социальный способ регуляции саморазвития человеческой жизнедеятельности

Для сохранения своей культурной неповторимости и уникальности, однажды возникшей в истории, любому человеческому сообществу или личности было бы достаточно самоорганизоваться в такую систему, выход за пределы которой был жестко регламентирован. Для этого достаточно было создать такую культурную парадигму, которая допускает лишь свое воспроизводство с некоторыми модификациями, соответствующими изменению внешней среды, т. е. создать систему, «приоткрытую» для развития лишь в ограниченном множестве прогнозируемых направлений. Другими словами говоря, для сохранения своей уникальности любой живой системе требуется специализация. Однако подобная организация культурной целостности означала бы неизбежное обеднение смыслами и самой культуры в целом, и каждого из ее элементов; означала бы доминирование в культуре репродуктивного начала.

Человеческая общность между тем нуждается не в специализации, а в универсализации. Универсализация в свою очередь предполагает открытость границ социальной организации для творчески активного взаимодействия с внешней средой. Репродуктивные процессы в таком взаимодействии выполняют функцию стабилизирующего принципа, предупреждающего возможность впадения системы в хаотическое состояние. Жесткая упорядоченность ведет к стагнации и гибели сложных самоорганизующихся систем, к которым относятся и личность, и человечество. Абсолютный хаос и абсолютная упорядоченность, таким образом, неприемлемы для выживания человека и общества и их эффективной жизнедеятельности. Саморазвитие человека, таким образом, нацелено на формирование культурных ограничений его деятельности и постоянные выходы за пределы этих ограничений²⁸⁵.

²⁸⁵ Бажутина Т.О. Формирование культуры и творчества в антропогенезе: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Т.О. Бажутина. – Новосибирск, 1995. – С. 26–30.

На экономическом уровне преимущественно репродуктивное существование социальной группы ведет к потере конкурентных преимуществ и превращение в «сырьевой придаток», на политическом – к стагнации социального развития в целом и т. д., такое же репродуктивное существование на психологическом уровне, означает для личности не просто «упорядоченность и предсказуемость», но является для человека важнейшим фактором потери смысла жизни, ибо о формируемых и тиражируемых культурой артефактах в случае жесткой упорядоченности общества и личной жизни ему становится известно практически все. В случае жесткой упорядоченности и предсказуемости жизни человеку попросту становится скучно, потому что только проблемы и «проблемные ситуации» заставляют человека мыслить и инициируют поиск выхода за пределами отточенных до автоматизма безусловных рефлексов и культурных стереотипов.

Преобладание в реальном культурном пространстве «нелинейного» способа организации²⁸⁶ исключает подобный исход. «Определенная неопределенность» существования, делающая жизнь человека культуры и любого культурного сообщества осмысленной, детерминирована сущностью самой культуры. Потребность в творческом (линеаризованно-нелинейном) взаимодействии с действительностью является жизненно необходимой потребностью любого человека, такой же, как потребность в пище, и она всегда наличествует у члена культуры вне зависимости от того, насколько активно и осознанно индивидуум осуществляет творческую деятельность в реальности.

Горизонты творческой деятельности задаются индивидууму не только и не столько врожденными задатками, но определяются и инициируются культурой в ее структурной определенности. Культурное пространство (образ, картина мира) является не только результатом, но и исходным пунктом любого познавательного, деятельностного акта. «Пространство культур» в данном контексте следует понимать как сложную социопсихологическую конструкцию, специфика которой состоит в существенной произвольности организации восприятия действительности. На «произвольности» существенной части восприятия мира человеком настаивают многие современные психологи и философы. Психология восприятия, например, не просто проводит различие-

²⁸⁶ Бажутина Т.О. Культура, творчество, устойчивость. Новосибирск: ИфиП СО РАН, 1994. – С. 15.

ние между реальным миром и миром воспринимаемым, но приходит к выводу, что «воспринимаемый мир есть конструкция мозга», которая отличается от реального мира тем, что она богаче реальности (!). «Картина мира» отображает не только «первичные качества» вещей (размер, форма, вес и т. п.), но и «вторичные» (цвет, звук, вкус, запах и т. п.)²⁸⁷.

И. Кант в свое время настаивал на том, что человеческое поведение начинается с произвольного («продуктивного») воображения. Феномен произвольного действия заключается в том, что оно представляет собой, по определению французского психиатра П. Жане, реакцию не на внешний стимул, а на его отсутствие. Отечественный философ Ю.М. Бородай, обосновывая концепцию исторической детерминации поведения человека, также исходит из тезиса, что человеческое сознание, которое на высших уровнях проявляет себя в качестве строго определенной логики понятий, невозможно без исходного фактора произвольности²⁸⁸.

Произвольно организованное пространство культуры обуславливает формирование определенного образа мира как некоторой упорядоченной системы знаний человека о мире, о самом себе и о других людях. Образ (картина) мира детерминирует поведение человека таким образом, что он с первых шагов своего личностного отношения к действительности поставлен в условия как сознательного, так и бессознательного уточнения, подтверждения или перестройки этого образа. При этом, по утверждению современных психологов, «главный вклад в построение образа предмета или ситуации вносят не отдельные чувственные впечатления, а образ мира в целом»²⁸⁹, поскольку имеются доказательства, что «пространство культуры» является первым объектом восприятия в младенчестве²⁹⁰, хотя этот «объект» задается крайне неотчетливым, аморфным и размытым образом. Индивид, осваивая мир в процессе онтогенеза, по сути дела до конца жизни вынужден

²⁸⁷ Рок И. Введение в зрительное восприятие. В 2-х т. – М., 1980. – Кн. 1. – С. 21.

²⁸⁸ Бородай Ю.М. От природно-биологической к социальной и исторической детерминации поведения человека (к постановке проблемы) // Биология в познании человека. – М., 1989. – С. 82.

²⁸⁹ Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. – М., 1985. – С. 142–143.

²⁹⁰ Lecture d'Henri Wallon. Choix de textes. – Paris, 1976. – P. 211.

осваивать и «пространство культуры», поскольку оно, в отличие от физического или биологического пространства, лишено определенности формы и содержания.

Личность, таким образом, ориентируется в мире не с помощью понятий или образов как таковых, но модифицированной личным опытом и психофизиологией индивида картиной мира, которая задается ему в свернутом виде сразу после рождения. «Картина мира» (образ мира) – субъективное отражение «пространства культуры» на бессознательном уровне и потому требующее для своего осознания «дешифровки» посредством референциальной, эмпирической и категориальной интерпретации.

Навыки референциальной, эмпирической и категориальной интерпретации, так же как и сам «образ мира», приобретаются преимущественно бессознательно и достаточно сильно зависят от этнокультурной специфики социальной общности и принятых в данной социальной среде способов социализации. Степень овладения данными навыками определяется некоторым образом и врожденными особенностями индивида, и потому они не у всех развиваются в равной мере и одинаковыми темпами. Вместе с тем даже в изначально свернутом и не дешифрованном виде картина мира несет воспринявшей ее личности информацию о том, какие стимулы из внешнего мира она должна ассимилировать, какие – аккомодировать, какие – проигнорировать; к каким взаимодействиям индивид должен стремиться, а каких – активно избегать. Модификация картины мира осуществляется при этом субъектом не путем обогащения дополнительными деталями, т. е. элементарным образом, а изменением в целом, перестройкой всей системы структурно-функциональных связей, «подобно тому, как движение реагирует на изменение условий своего существования не изменением отдельных деталей, а изменением в целом, так что модифицируются часто далеко отстоящие друг от друга его элементы»²⁹¹.

Сущность направленной избирательности активности субъекта состоит в преимущественном взаимодействии с теми предметами, свойствами или явлениями, которые представлены картиной мира как значимые, имеющие ценность (или антиценность) и выстроены по принципу культурных предпочтений в порядке подчинения и перехода от более значимого к менее значимому.

²⁹¹ *Смирнов С.Д.* Психология образа: проблема активности психического отражения. – М., 1985. – С. 144.

«Значимое» при этом концентрируется в «центре» картины мира (культурного пространства), что обуславливает возможность конвергенции смыслов, «стекающихся» с периферии семантических полей и их дивергенцию после оперативной оценки (интерпретации) значимости. Значимое, «ядро» картины мира, оказывается при этом наиболее многомерным и нелинейным, имеющим массу оттенков и нюансов, привнесенных из разных зон культурного пространства. Менее значимое имеет при этом модальный, а более значимое – амодальный характер; т. е. результаты взаимодействия с внешним миром и самим собой, происходящие на периферии картины мира, формулируются на языке чувственных впечатлений, не требующих глубокого осмысления, а на ядерных уровнях имеют схематическую или символическую форму. Это позволяет исследователям сделать вывод о том, что «воспринимаемый мир есть форма существования схемы мира в той или иной модальности»²⁹². Пространство культуры, таким образом, инициирует многомерное, синтезированное из разнородных и разнонаправленных частей отношение к действительности и определяет характер деятельности индивида в ее общей направленности.

«Современная наука предпринимает весьма энергично поиски специального органа восприятия целостности – инстанции, ответственной за синтетический способ отражения внешнего мира»²⁹³, но речь может идти не о нахождении «органа», а о выявлении предпосылок и факторов структурно-функциональной организации феномена восприятия, которые можно обнаружить лишь в законах организации индивидуально-коллективной деятельности человека (труда), т. е. в законах организации культурного пространства.

Репродуктивные функции выявления и закрепления в сознании целостной определенности объекта выполняет у современного человека мышление в понятиях (в его логической и метрической форме). Мышление в понятиях уточняет, переводит, акцентирует, элиминирует или обогащает количественными характеристиками субъективированное восприятие пространства культуры (картину мира), делая образ мира более определенным и устойчивым во времени. Но по мере приближения к ядерному уровню картины мира понятия становятся богаче смыслами и точнее в выражении действительности; однако это точ-

²⁹² Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. – М., 1980. – С. 143.

²⁹³ Байман С.Т. Диалектика творческого процесса // Художественное творчество и психология. – М., 1991. – С. 8.

ность не «логического» плана, а точность, соответствующая антропному принципу «знание – средство, оправдывающее и обосновывающее ценность человека культуры», это точность опосредования. Максимальная адекватность восприятия в пространстве культуры достигается в моменты пересечения смыслов, на границе их пересечения. Подобное наблюдается при анализе лексических ситуаций средствами психолингвистики, когда периферия и ядро лексических ситуаций обнаруживают свою противоположность по признаку многозначности (многозначности) и выявляется, что автор осуществляет перевод из одной лексической ситуации в другую путем последовательного обогащения или обеднения их смыслами. Пересечения смыслов образуют при этом «ядра» лексических ситуаций. Концентрирующих в себе «главный» смысл и основное значение текста²⁹⁴.

Картина мира осуществляет подобную функцию путем опосредования принятых в ней значений определенными «интенциями» (индивидуальным акцентированием, волевой направленностью смысла значения), порождая специфический социокультурный контекст человеческой жизнедеятельности.

В работе М.М. Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» подчеркивается именно это обстоятельство: «Далеко не при всякой социальной ситуации последняя смысловая инстанция творящего может непосредственно выразить себя в прямом, непреломленном безусловном авторском слове. Когда нет собственного «последнего» слова, всякая творческая интенция, всякая мысль, чувство, переживание должны преломляться сквозь среду чужого слова, чужого стиля, чужой манеры»²⁹⁵. Эта мысль М.М. Бахтина замечательна тем, что акцентирует внимание на фактическом преобладании в социальной действительности таких ситуаций, в которых культурный феномен не удается истолковать однозначно, и для выражения индивидом «во вне себя» пополняющей его понимание значимой многозначности личности приходится «определять границы» воспринимаемой неопределенности посредством «обращения к чужому слову». «Чужое слово» – это уже переведенное на периферию картины мира и опредмеченное в слове чье-то «чувственное впечатление». Ядро «чужой картины мира» при

²⁹⁴ Выводы сделаны в работе: *Бажутина Н.С.* Анализ лексических ситуаций на примере романа В. Набокова «Защита Лужина». – Курсовая работа. – Томск, ТГУ, 1993.

²⁹⁵ *Бахтин М.М.* Проблемы творчества Достоевского. – Л., 1929. – С. 132.

этом не воспринимается целиком и безусловно, но ее «периферия», зафиксированная более или менее линейным способом (например, в понятии) созвучна «значимым смыслам» ядра собственного образа мира, что и обуславливает определенную согласованность двух (или более) субъективированных миров. «Ядро» картины мира, таким образом, всегда многомерно и многосмысленно, но пересечение периферий разных картин мира всегда дает более однозначный смысл, в пространстве конкретно-исторической культуры переходящий в объективированное социумом значение.

Многомерное восприятие мира не просто допускается пространством культуры (или субъективированной картиной мира), оно детерминируется ими²⁹⁶. Во взаимодействии социокультурной и субъективированной призм восприятия рождается движение высокой степени интенсивности, преодолевающее интенсивность изменения среды. Реализация человеческой сущности – в этом движении, сформированном силой и направленностью синтеза векторов «внешнего» и «внутреннего» и обуславливающим многолинейно/нелинейное отношение к действительности.

Правомерность кантовского «долженствования» в этом смысле состоит исключительно в признании безусловно права и обязанности человека культуры ориентироваться в пространстве культуры субъективированным образом, преломляя сквозь призму личностного восприятия навязываемые извне значения. В реализации этой обязанности, по М.М. Бахтину, – ответственность личности.

Витальная социальная потребность индивида бесконечно переводить деятельностные акты из одного смысла в другой или некоторое множество смыслов формируется в антропосоциогенезе поэтапно и начинается в период существования архантропов посредством образования «двербальных понятий», ставших затем основанием для развертывания как понятийного, так и образного мышления. «Двербальные понятия» возникли как реализация потребности индивидуализированных особей в особых коллективнообразующих факторах и групповых «ограничителях» субъективированного восприятия²⁹⁷. Синтез «субъективированных

²⁹⁶ Бажутина Т.О. *Философско-психологические основания интерпретации творческой деятельности* / Т.О. Бажутина, И.С. Бажутин // Гуманитарные науки Сибири. – № 1. – Новосибирск: Наука, 1996. – С. 51.

²⁹⁷ На упорядочивающей функции сознания настаивает, например, и отечественный исследователь В.В. Налимов. См.: В.В. Налимов. *В поисках иных смыслов*. – М., 1993. – С. 105.

культурных пространств» (картин мира) породил на стадии поздних архантропов и ранних палеоантропов этнокультурную картину мира (этнокультурное пространство). В дальнейшем, по мере исторической дифференциации общества (дифференциации труда), появились классовые, профессиональные, образовательные и другие модели мира, дифференцированно упрощающие виды деятельности через усложнение функций деятельности.

Структурно-функциональные зависимости культурной целостности при этом исторически достаточно сильно меняются, продолжая тем не менее сохранять свою родовую сущность, понимаемую как репродуктивно-творческая система деятельности, т. е. труд. Труд, слагающийся из репродуктивности и линейризованной нелинейности, несмотря на изменение общества во времени, продолжает на всех этапах человеческой истории оставаться деятельностью, направленной преимущественно на сохранение произвольно и условно организованного мира – пространства культуры²⁹⁸.

Постижение действительности через призму субъективно модифицированного пространства культуры становится возможным через механизм внутренней речи, которая скорее означает «системное понимание», нежели речь в собственном смысле этого слова.

Психологи утверждают, что диалогическая речь, в отличие от развернутой монологической речи, эллиптична (свернута). Это тем более парадоксально, что диалог – это попытка эксплицировать субъективную картину мира во время взаимодействия с другим субъектом адекватным для партнера по общению образом. Это – на первый взгляд – предполагает как раз обратное: кажется, что более свернутой должна быть речь монологическая, т. е. адресованная не субъекту, а объекту речевого высказывания, который относительно пассивен и менее требователен, чем «второй субъект» диалога²⁹⁹.

Свернутость диалогической речи психологи объясняют тем, что она более, чем речь монологическая, зависит от контекста и ситуации, и потому в ней многое подразумевается, многое опускается. Но, во-

²⁹⁸ *Bazhutina T.O.* Social and Cultural space: Maintenance and Adaptation of an Ethnic Integnty Germans in Siberia (English version). – Novosibirsk, 2004. – S. 81.

²⁹⁹ *Бажутина Н.С.* Культура философского мышления как проблема направленности вербального поведения / Н.С. Бажутина // Идеи и идеалы. – 2010. – Новосибирск, 2010, 3(5), т. 2. – С. 104–109.

первых, этот тезис можно принять как истинный только при допущении, что в субъект-субъектных отношениях степень определенности предмета высказываний достаточно высока в силу того, что достигается посредством «пересечения смыслов», поскольку субъекты диалога взаимодействуют лишь с одной, пусть и многосмысленной интенцией, в то время как монолог обращен к неопределенному множеству интенций и не опосредуется «пересечением смыслов»³⁰⁰. Во-вторых, данный тезис может быть признан правомерным лишь в том случае, если будет выяснена природа деятельностного акта, который скрывается за понятием «опущено». Например, внутренняя речь (точнее, та система мыслительных конструктов, на базе которых она осуществляется) еще более свернута, чем диалогическая речь, однако означает ли это, что в ней тоже «многое опущено»? Разве можно далее подсознания «опустить» усвоенное знание (информацию)? А если усвоенное содержится в подсознании целиком, то в какой форме?

Думается, что само понятие «подсознание» появилось потому, что любой человек в той или иной степени осознает, что то знание (понимание, соображение), которое он имеет «внутри себя», есть практически всегда нечто большее, чем возможно выразить «во вне себя», даже для себя самого, даже в виде внутренней речи. Отсюда знаменитое Тютчева: «Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя? Поймет ли он, чем ты живешь? Мысль изреченная есть ложь...». Отсюда и размышления Л. Витгенштейна: «Язык преодолевает мысли. И притом так, что по внешней форме этой одежды нельзя заключить о форме переодетой мысли, ибо внешняя форма одежды образуется совсем не для того, чтобы обнаруживать форму тела. Молчаливые соглашения для понимания разговорного языка чрезмерно усложнены»³⁰¹. Насколько бы точно ни стремился человек выразить во вне себя, для других значимые для него смыслы, в первую очередь у него самого остается ощущение недосказанности³⁰².

Являясь ядром пространства культуры, картина мира как комплекс синкретических представлений о действительности подвергается

³⁰⁰ Бажутина Н.С. Методологические проблемы структурной организации смыслов в тексте: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Н.С. Бажутина. – Новосибирск, 2003. – С. 11–12.

³⁰¹ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М., 1958. – С. 44.

³⁰² Бажутина Т.О. Культура, творчество, устойчивость: монография / Т.О. Бажутина. – Новосибирск: ИФиПр СО РАН, 1994. – С. 26.

постоянному аналитически-синтезирующему переосмыслению и освоению личностью в процессе ее взаимодействия с миром и с самой собой. Ключевым понятием этого процесса является слово «освоение», понимаемое как продуктивное усвоение знания (информации). Понятие «освоение», в отличие от «усвоения», предполагает активный выход мышления индивида за пределы перерабатываемой сознанием информации, домысливание этой информации. Освоение явлений духовной и материальной культуры, равно как и мира природы, есть не только и не столько процесс восприятия и закрепления в памяти информационные следы, которые характерны, например, для овладения родным языком, когда «происходит процесс усвоения тех операций со словами, которые исторически закреплены в их значениях, это также овладение фонетикой языка, происходящее в процессе усвоения операций, реализующих постоянство его объективной фонологической системы»³⁰³, но и процесс активного качественного преобразования усвоенного в соответствии с наличествующей картиной мира и сиюминутным личным опытом индивида путем обогащения этих значений смыслами.

Признание усвоения, а не освоения, специфическим основополагающим процессом, который обеспечивает превращение общественного в индивидуальное, а индивидуальное в личностное (и наоборот), т. е. основной формой социальной причинности, и лежит в основании тех проблем, в которые упирается современное научное мышление при попытках решить проблему возникновения нового (например, отсюда проистекает неспособность Т. Куна объяснить, откуда берутся и как формируются новые научные теории). Категориальная точность в этом вопросе способна снять многие теоретические проблемы социального познания.

Формирование внутренних структур человеческой психики благодаря усвоению структур внешней социальной деятельности со времен П. Жане, Ж. Пиаже и других французских психологов данной школы, получило в науке название интериоризации. Понятия, сходные по содержанию с интериоризацией, используются представителями символического интеракционизма, в методологии психоанализа и других научных направлениях при описании становления индивидуального сознания через этап образования структуры бессознательного. От других форм получения «извне», переработки и хранения «внутри» психики

³⁰³ Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. – М., 1981. – С. 419.

знаковой информации, интериоризацию отличает активность преобразования структуры предметной деятельности в структуру внутреннего плана сознания.

Вопрос состоит в определении характера и направленности этой активности. А эта проблема решается в настоящее время с двух противоположных позиций. С одной стороны, существует подход, разработанный Ж. Пиаже, согласно которому процесс интериоризации рассматривается как активность индивида, пытающегося перенести действие и его объект во внутренний план с помощью заимствованных извне средств. С другой стороны, существует традиция, идущая вслед за Л.С. Выготским, рассматривать интериоризацию как активность социума, который «вращивает» знак с помощью внешних средств организации деятельности в психику индивида³⁰⁴.

Противоположность концепций, таким образом, состоит в акцентировании степени активности различных сторон единого процесса интериоризации. Однако антропосоциогенез всем своим ходом доказывает, что качественное отличие человеческой социальности от социальности животного типа, равно как и качественное отличие человеческой психики от психики высших животных, базируется на незначительной количественной разнице материализующих их деятельность структур, но пролегает в сфере изменения (усложнения в ходе антропосоциогенеза) функций их материальных носителей: и социальная организация, и психика человека основывается на столь сложной функциональной взаимозависимости и взаимообусловленности элементов достаточно простых структур, что можно говорить о значительной неопределенности этих структур у человека. Аморфность и размытость границ психики и социальной организации человека настолько велики, что достижение устойчивости (стационарности) их существования становится возможным только при такой структурно-функциональной организации, которая опирается на границы меры их неопределенности.

Значительная размытость и открытость «границ неопределенности» обуславливает их ненадежность в том случае, если «внешняя» или «внутренняя» интенции начинают доминировать одна над другой: при преобладании внутренней интенции пластичные границы этой меры расширяются «во вне» тем интенсивнее, чем интенсивнее происходит усвоение, накопление и освоение поступающей извне информации.

³⁰⁴ См.: *Обухова Л.Ф.* Концепция Жана Пиаже: за и против. – М., 1981. – С. 175.

В жизнедеятельности личности начинает преобладать творческое начало, но такого рода «творчество» можно определить как ничем и никем неуправляемое, т. е. антиобщественное (антикультурное). Если более интенсивным оказывается давление внешней среды, то в результате не просто осуществляется усвоение информации, но происходит ее недостаточное освоение, отчего в жизнедеятельности личности начинают преобладать репродуктивные деятельностные акты, а саморазвитие личности затормаживается.

В случае «равновесного» взаимодействия внутренней и внешней интенций процессы усвоения и освоения информации (воздействий) равномерно дополняют друг друга и личность начинает расти в масштабе, поскольку ее деятельность строится на границе культурного пространства и своим частичным выходом за его пределы личность не противопоставляет себя социуму, а обогащает его.

В первом случае личность начинает активно продуцировать во вне себя смыслы и личностные значения, не опирающиеся на исторический опыт сообщества и ее поведение воспринимается в культуре как девиантное. Во втором случае затягивается формирование самой личности, поскольку она оказывается не подготовленной к «диалогическому» общению и не может выполнять свои социокультурные обязанности по продуцированию во вне себя смыслов, объективно обогащающих культуру и обеспечивающих ее устойчивое развитие во времени. Третий случай является эталонным³⁰⁵, поскольку личность осуществляет нелинейную деятельность по законам существующего культурного пространства, т. е. трудится, реализуя сущностные человеческие функции.

Излишняя активность индивидов, таким образом, чревата для культуры потерей устойчивости развития; недостаточная активность членов культуры ведет к элиминации самого пространства культуры.

При соприкосновении и взаимодействии индивида и культуры в раннем онтогенезе индивидуума формирующаяся личность всегда «излишне активна» в силу того, что ребенок уже инициирован культурой к нелинейному восприятию действительности, но еще не ограничен пространством культуры. «Ограничительные рамки» пространства

³⁰⁵ Разумеется, в структурах реальной жизнедеятельности личности и общества встречаются более разнообразные типы сочетания репродуктивной и творческой деятельности (точнее – репродуктивной и нелинейной); их специфическое сочетание в социокультурной реальности может при этом иметь различную устойчивость во времени.

культуры были в антропосоциогенезе построены позже, чем возникли «факторы произвольности поведения». Антропосоциогенез можно теоретически реконструировать как этап, на котором «нелинейность взаимодействия индивида с действительностью» так же, как и на ранних этапах онтогенеза личности, сдерживается сначала только врожденными психофизиологическими ограничителями и простейшими формообразующими пределами сообщества (территориальностью), но затем, в целях повышения эффективности жизнедеятельности, происходит усложнение ограничителей адаптивного опыта и личности, и сообщества. Сначала формируется этнокультурное пространство, в котором генетические факторы обогащены условными и характерными только для данного сообщества факторами в виде традиций передачи подрастающему поколению и всем членам сообщества сложного опыта. Далее, по восходящей линии социального (общественного) развития, появляются специализированные формы наследования сложных форм адаптивного поведения. При этом следует иметь в виду, что каждая вновь возникающая сфера культурной жизни не только ограничивает нелинейность восприятия мира индивидом, но и создает новые выходы из культурного пространства. Можно предположить, что на срединных и последних стадиях антропосоциогенеза многие гоминидные формы вымерли в силу того, что не сумели создать культурного пространства, более открытого и подвижного в своих границах, чем физическое и психическое пространства.

Экспериментальные попытки целенаправленного создания нового вида «человека разумного» могли бы – гипотетически – увенчаться успехом лишь при условии, если бы искусственные факторы отвечали требованиям: а) наличия стрессовых (неопределенных) обстоятельств на протяжении жизни нескольких поколений; б) наличия давления среды на достаточно длительных временных отрезках в разных направлениях с их сменой и «наложением друг на друга»; в) поддержания условий неравномерного межиндивидуального общения в группе. Именно эти факторы обусловили создание культурного пространства, естественно-искусственным образом узаконившего во времени стационарно стрессовую жизнедеятельность особей, вступивших на путь очеловечивания.

В силу атрибутивности «неопределенности» психической организации личности, в основании которой лежит ассоциативная³⁰⁶ природа

³⁰⁶ *Чуприкова Н.И.* Психика и сознание как функция мозга. – М., 1985. – С. 140.

первичных элементов второй сигнальной системы, интериоризируемый коллективный опыт конструировался и конституировался в ходе реального антропосоциогенеза: а) под прямым воздействием этнокультурной определенности влияющей на индивида социальной среды; б) в форме синкретических «довербальных понятий», т. е. таких понятий, которые еще не были закреплены в знаковой форме и не выполняли процедур вычленения ограниченного количества сторон воспринимаемой действительности.

Понятия, как известно, играют важнейшую роль в жизни человека, аккумулируя в себе добытые людьми знания и закрепляя их во времени; довербальные понятия также аккумулируют в себе знания, но без длительного закрепления, что инициирует творческую активность воспринявших их индивидов на поиск ограничивающих знание пределов, поскольку именно «добровольное ограничение» обеспечивает индивиду устойчивость в пространстве культуры. Поиск ограничений нелинейного восприятия побуждает индивида не только к усвоению, но и к критическому переосмыслению усвоенного знания, т. е. к его освоению.

Освоенное в процессе интериоризации знание есть усвоенное, но открытое для приращения знание; знание, имеющее ядро в виде довербального понятия и размытую ассоциациями периферию. Такое знание для его закрепления во времени нуждается в дальнейшей направленной корректировке. Корректирование довербальных понятий производится тремя основными способами: 1) развертыванием в образы и сопоставлением их с другими, прошедшими проверку индивидуальным и коллективным опытом; 2) разворачиванием в вербальные понятия и их анализом, синтезом и т. д.; 3) посредством сочетания вышеназванных способов в различных соотношениях, а также выбором направления (зон) корректирования, перестройки, уточнения³⁰⁷.

Объективно любая бихевиоральная система существует в «пространстве возможностей»³⁰⁸, но специфика этого «пространства» в социуме состоит в том, что оно в значительной своей части субъективировано. Люди не только осуществляют возможности, но создают их. Культурная деятельность есть расширение пространства возможно-

³⁰⁷ Бажутина Н.С. Методологические проблемы структурной организации смыслов в тексте: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Н.С. Бажутина. – Новосибирск, 2003. – С. 10.

³⁰⁸ Разумовский О.С. Бихевиоральные системы. – Новосибирск, 1993. – С. 164.

стей³⁰⁹. В процессе этой деятельности формируется потребность человека принадлежать к определенной группе людей не по рождению, но по своему выбору³¹⁰, отсюда берет начало и имманентная человеческая потребность в творчестве.

Обратившись к анализу творческого процесса в искусстве, которое, невзирая на «смутность» и индивидуальную неповторимость предмета исследовано (во всяком случае, описано) наиболее подробно, поскольку загадка Иппокрены – творческого горения – во все времена привлекала пытливые умы, можно обнаружить, что «в истории европейского искусства – причем на всех этапах – с поразительной частотой повторяется одна парадоксальная ситуация: человек, создающий художественные тексты, почему-то склонен приписывать собственную духовную инициативу какой-нибудь таинственной силе»³¹¹, причем, по наблюдениям С.Т. Ваймана, «самоотчуждение» творческой личности на исторически ранних ступенях европейской истории носило экстравертивный характер, а на более поздних – интравертивный (в первом случае инициатива вручалась небожителям, но во втором – завладевшей духом силе типа «энтузиазм», «бешенство», «наитие» и т. п.). Это несомненно свидетельствует в пользу обсуждаемой в данной работе концепции, согласно которой творческая деятельность инициируется одновременно и внутренней мотивацией индивида, и самой организацией культуры, формирующей индивидуальную потребность в «выходе во вне себя» в определенных направлениях или в личностной реализации навыков поведения в проблемных ситуациях конкретным образом.

Самоописания художников, различающихся по историческим эпохам, этническим культурам, видам деятельности, принадлежности к направлениям и пр., с поразительным единодушием свидетельствуют о том, что исходным моментом творческого состояния всегда является ощущение интегративно-расплывчатого представления о чем-то, имеющем определенность и целостность и, одновременно, психологически привлекательном, на выходе из проблемной ситуации. Эта расплывча-

³⁰⁹ Пригожин И. Перспективы исследования сложности // Системные исследования. Методологические проблемы: ежегодник. 1986. – М., 1987. – С. 47–59.

³¹⁰ Яцкевич В.В. Диалектика оптимального выбора. – Киев, 1990; *Accoff R.* The sustems revolution // *Long Range Planning.* – 1974. – V. 7. – № 6.

³¹¹ Вайман С.Т. Диалектика творческого процесса // Художественное творчество и психология. – М., 1991. – С. 3.

тая неопределенность определенного осознается художником как повод к творческому акту, как повод к «высветлению» (Андрей Белый), «огранке рожденного в душе алмаза» (Ф. Достоевский), «распространению целого» (Аристотель), к «работе записывания» (Бетховен) и т. д., т. е. как повод к дифференциации субъективно воспринятого некоего структурно неопределенного целого в определенном материале.

Первичный стимул – картина, образ, мелодия, как правило, являются мгновенно, и это – явление целого раньше его частей. Дальнейшая деятельность художника есть процесс детализации исходного целого с его превышением, есть процесс выхода за пределы этого целого. «Известно, что при всем несомненном уважении к вербальным, как правило, библейским текстам, Бах то и дело творчески отступал и от просодической, и от синтаксической, и от логической их характеристик; он забывал слово в музыке и, таким образом, в другом материале – с превышением – реконструировал его семантику»³¹².

«Превышение исходной семантики» в процессе реконструкции исходного качества через этап довербального понятия так же, как и при переводе мысли в образ или образа – в мысль, идет путем наложения дифференцированных смыслов друг на друга и выявления нового смысла, возникшего при их пересечении. Поиск «нового смысла» идет при этом в произвольном, но ограниченном пространстве конкретной культуры направления»³¹³.

«Интерес» в таком случае предстает как ощущение-понимание-осмысление-освоение направления движения субъекта к субъекту, а утрата интереса к творческой деятельности – как обнаружение субъектом несовпадения собственной направленности к субъекту с некоторой культурной парадигмой, существующей в данном культурном пространстве. При этом движении «состояние мысли всегда есть некоторый дополнительный живой акт, случающийся вместе со значением понятий, в том числе и высоких. Случившись, такое состояние неотлично от понятия, в котором оно, увы, не содержится. Живое лишь дает о себе знать своим присутствием, а ухватить различие живого и мертвого в понятии мы не можем»³¹⁴, – писал по этому поводу

³¹² Вайман С.Т. Диалектика творческого процесса // Художественное творчество и психология. – М., 1991. – С. 15.

³¹³ Бажутина Т.О. Культура, творчество, устойчивость / Т.О. Бажутина. – Новосибирск: ИФиПр СО РАН, 1994. – С. 30.

³¹⁴ Мамардашвили М. Мысль в культуре // Философские науки. – 1989. – № 11. – С. 75.

М. Мамардашвили. Речь у него идет, по сути, о том, что любой человек (у профессиональных художников и мыслителей это просто отчетливее выражено) с момента своего младенческого вхождения в культуру начинает обучаться способам восприятия того, что он не воспринимает непосредственно; навыкам домысливать то, что он не знает; методам представления того, что он никогда не видел и о чем никогда до этого не слышал; и только эти акты, эти процедуры и есть истинно живое, человеческое, дающее ощущение устойчивости собственного существования в пространстве культуры.

Главным отличием человека от животных в данном отношении является то, что для него более естественно, более необходимо, более закономерно и желанно жить в условиях постоянной информационной неопределенности, которую человек преодолевает и вновь продуцирует в своей культурной деятельности, поскольку пресыщается однозначностью, теряет смысл существования в условиях однозначности. Отсутствие однозначности ведет человека к хаосу, к небытию; отсутствие неоднозначности (нелинейности) ведет к «порядку», стагнации и умиранию, следствием которых вновь является небытие.

Пространство и время культуры выполняют роль основания для линеаризованно-нелинейной деятельности, для деятельности репродуктивно-творческой, т. е. для труда, ограничивая, но и иницируя выход за собственные пределы системным, т. е. упорядоченным образом. И только этот процесс выхода по законам самой культуры – «саморазвитие» позволяет человеку ощущать себя собственно человеком.

3.4. Языки культуры и их творческая роль

Важнейшим транслянтом культуры является речь, возникающая в антропогенезе как специфическое средство социального общения. Основной функцией речи является передача во времени и пространстве внегенетической информации. Обыденному сознанию чаще всего кажется, что речь существует для улучшения качества взаимопонимания для общающихся людей. Но речь при этом устроена таким образом, что однозначно выразить мысль (отношение к действительности) она не в состоянии. Исключение в этом смысле составляет только научный язык, но он возник, во-первых, на относительно поздних ступенях человеческой истории, и, во-вторых, вопреки (или благодаря) своей предельной однозначности не понимается широкими массами. Парадоксальность ситуации заключается в том, что, чем точнее и однозначнее

речь, тем более «абстрактной», лишенной связей с конкретной действительностью, представляется она на обыденном уровне восприятия.

Даже сама процедура отрыва слова от вещи, которая лежит в основе речи, предполагает, что одна и та же вещь для человека может быть и должна быть выражена в разных формах (словах-синонимах, разных грамматических конструкциях, в рисунке, мимике, жесте и пр.), из которых слово выделяется лишь специфическим сочетанием меры замкнутости и открытости для его интерпретации.

В известном смысле слово (понятие) не большее абстрагирование от самого предмета, чем образ. Разница здесь даже не в объеме отображаемого содержания, а в функциях «культурного» влияния на личность. Если в семиотическом аспекте художественный образ есть «знак», т. е. средство смысловой коммуникации в рамках данной культуры или родственных культур»³¹⁵, максимально приближенный к локально-историческим условиям его формирования и наиболее открытый для интерпретации, то слово (понятие) – знак более закрытый и нацеленный преимущественно на репродуктивное восприятие, а потому в меньшей степени нуждающийся в интерпретации (зато – требующий «перевода» для представителей иных этнических или профессиональных культур).

Вместе с тем современные психологи и лингвисты приходят к заключению, что речь в принципе «не может иметь во всех случаях абсолютно жесткий, автоматический характер»³¹⁶. В соответствии с выводами исследователей обыденной речи нормативные языковые операции необходимо перемежаются с вероятностными, в ходе которых постоянно осуществляется выбор смыслов и значений как в восприятии языковых единиц и их порождении, так и при восприятии и организации языковых блоков. Только ситуация и контекст – «это два источника, питающих в каждом конкретном случае точную интерпретацию языковых высказываний»³¹⁷, – утверждал К. Бюллер.

«Сложность проблемы логической формы в естественном языке заключается в том, что, в отличие от языка логики, логическая форма выражений языка *не дана* на поверхностном уровне, что за тожде-

³¹⁵ Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – С.761.

³¹⁶ Канцельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – М., 1972. – С. 121.

³¹⁷ Бюллер К. Теория языка: репрезентативная функция языка. – М., 1999. – С. 136.

ственностью поверхностной грамматической формы выражений скрываются фундаментальные логические различия. Этим, например, можно объяснить то, что рассуждение «Сегодня я ел то, что купил на прошлой неделе. Я купил на прошлой неделе свежую рыбу. Следовательно, сегодня я ел свежую рыбу» неправильно³¹⁸, – обращает внимание на наличие в речи закономерностей рекурсивного порождения, при которых из конечного множества исходных элементов возможно производить бесконечное множество выражений, Р.И. Павиленис.

Получается, что несмотря на большую, чем у образа, замкнутость (определенность) границ понятия, речь – более нелинейное структурное образование, чем «текст образов», поскольку представляет собой более широкое и неоднозначное «поле неопределенности»³¹⁹.

Обратимся к этому феномену: если речь возникает в антропосоциогенезе для адекватной передачи внегенетического опыта (информации), то почему конструкции «естественного языка» столь неоднозначны, открыты для разнообразных интерпретаций и затруднены для взаимопонимания? Почему культура узаконила такое положение, при котором на основании одних и тех же речевых высказываний разные люди делают разные выводы («Пожалуй, можно было бы идти дальше и утверждать, что то же слово никогда не понимается одинаково даже теми, кто говорит на одном и том же языке») ³²⁰? Почему, осмысливая человеческие (социокультурные, общественные) проблемы, философы все чаще создают концепции и теории, целью которых является не поиск и обоснование «общих закономерностей общества и природы», а исследование проблем познания и выявление смыслов речи? И почему тянутся европейские умы к трудам мыслителя, утверждающего: «Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек. Мыслители и поэты – хранители этого жилища»³²¹. И что, наконец, имеет в виду М. Хайдеггер, отмечая: «На письме у мысли легко пропадает подвижность.

³¹⁸ Павиленис Р.И. Проблема смысла. – М., 1983. – С.39.

³¹⁹ См, например: Сущностные основания языковой деятельности человека / Н.С. Бажутина, Т.О. Бажутина // Социальная онтология России: сб. науч. ст. по докл. 7 Всерос. Копыловских чтений. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2013. – С. 48–54.

³²⁰ Frege G. Translation form the Philosophical Writings of Gottlob Frege (ed. M. Black, P. Geach). – Oxford, 1952. – P. 123.

³²¹ Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии. – М., 1988. – С. 314.

А главное, ей тут лишь с трудом удастся сохранить особенную многомерность своей области», которая «заключается в том, чтобы слово не покидало чистой стихии бытия и давало простор простоте его разнообразных измерений»³²²?

Думается, ответы на эти вопросы также кроются в сущности культуры, которая есть не просто система организации и развития жизнедеятельности человека и мера превращения внутрисубъективной связи индивида и общества, но система, одной из главных функций которой является продуцирование меры нелинейности (многомерности) средств взаимосвязи элементов культурной целостности. Продуцирование таких способов взаимосвязи (взаимодействий), которые служат отождествлению нетождественного³²³, согласованию взаимоисключающего.

Речь, как и остальные языки культуры, есть способ конституирования системно-динамической многомерности функционирования внутренних и внешних взаимодействий пространства и времени культуры, в которых пределы нелинейности ограничены (но не сужены до однолинейности) структурой языка, законами его функционирования и развития. Не случайно отечественный психолингвист А.А. Леонтьев пришел к выводу, что даже само слово записывается в человеческой памяти не в виде энграммы звуковой формы, а в форме поиска этого слова, поскольку само слово – это прежде всего выбор.

Продуцирование культурной нелинейности и необходимости ориентации в этой нелинейности с помощью выбора является историческим следствием конституирования состояния, оказавшегося эффективным способом жизнедеятельности гоминид, состояния «определенной неопределенности» межиндивидуальных взаимодействий в сообществе когнитивно продвинутых особей. Эффективность подобного структурно-функционального устройства жизнедеятельности обуславливалось сопутствующей ему способностью (возможностью) особей к креативной (творческой) деятельности.

Труд есть, прежде всего, культурная деятельность по созданию неприродных ценностей, главная из которых сам человек культуры,

³²² Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии. – М., 1988. – С. 316.

³²³ И.С. Ладенко, например, считает, что семантически эквивалентными являются математические модели и словесные описания, имеющие нетождественное содержание. См.: Ладенко И.С. Интеллект и логика. – Красноярск, 1985. – С. 106.

способный, в числе всего прочего, производить и «материальные блага». Человек культуры – это индивид, одновременно существующий и зависимо, и независимо от культурного сообщества. Именно эти две стороны человеческой сущности образуют «поле неопределенности» пространства культуры, выход за пределы которого образует разные способы взаимосвязи человека и сообщества, стереотипизированные в виде языков культуры.

Язык культуры есть средство самовыражения и взаимосвязи индивида с культурным сообществом, с другими членами культуры и с самим собой. Репродуктивная сторона любого языка культуры (его «грамматика») не имеет слишком жестких ограничителей и лишь поддерживает в некоторых пределах допустимую для данного языка степень «неопределенности». Творческие функции языка ограничены лишь рамками общей направленности развития данного культурного пространства и обуславливают направленность и интенсивность творческой деятельности в языке.

Творческие функции формирующейся личности оказываются в раннем онтогенезе ведущими в силу того, что ребенок еще не владеет языками культуры как таковыми и его деятельность направляется и иницируется общим характером культуры. Творческой деятельностью в общекультурном смысле этого слова овладеть много легче, чем конкретными языками культуры, поскольку творчество не требует экспликации, оно уже развернуто. Из «языков культуры» наиболее развернутым является быденная речь, посредством которой в основном в современном обществе и формируются творческие навыки и наклонности личности.

В ходе антропосоциогенеза исторически первичным языком культуры стал, по-видимому, язык искусства. Вряд ли следует заблуждаться, считая исторически первичным средством человеческих коммуникаций вербальный язык. Многомерность смыслового пространства быденной речи, в исследовании которой на сегодняшний день существует только одно надежное и выверенное измерение – оценочное, заставляет предположить, что столь сложный артефакт не мог возникнуть без исторических предшественников.

Если язык животных понимать как системное выражение аффективного состояния и его передачу³²⁴, то следует признать, что подоб-

³²⁴ *Матюшкин А.М.* Проблемные ситуации в мышлении и обучении. – М., 1972. – С. 28–29.

ный язык организован линейным образом, ибо взаимосвязь его элементов однозначна и не допускает интерполяций ни в самих элементах системы, ни в способах их структурирования. Жесткость человеческих языковых конструкций в этом смысле не является чем-то принципиально новым по сравнению с миром природы. Но человеческий язык это не только язык значений, но и язык смыслов, т. е. относительных значений, позволяющий членам культуры не только адекватно отображать высказанное, но и домысливать невысказанное. Это – уже принципиально новое качество, требующее специального объяснения.

Представляется интересной в этом отношении гипотеза отечественного антрополога и физиолога Л.А. Фирсова о возникновении речи через этап «довербальных понятий». По его мнению, возможно существование такой стадии абстрактного восприятия действительности, когда действительность отражается в понятиях, еще не опосредованных словом³²⁵. Гипотеза основана на результатах экспериментов с обезьянами, которые показали, что шимпанзе, и несколько хуже павианы и макаки, «способны переносить навык, приобретенный в процессе дискриминации сигналов по признаку величины, в другую ситуацию, где требуется выбор по количеству»³²⁶. Таким образом доказано, что высшие обезьяны способны выделять обобщающий признак величины и множества. Классификация языков, предложенная Л.А. Фирсовым, выглядит в сравнении с типологиями других физиологов следующим образом.

И.П. Павлов (1951)	Л.А. Орбели (1949)	Л.А. Фирсов (1974)
I сигнальная система	I сигнальная система	Допонятийный уровень
	Промежуточный этап	Первичный язык
		Стадия А. Вторичный язык (довербальные понятия)
		Стадия Б. Вторичный язык (вербальные понятия)
II сигнальная система	II сигнальная система	

Исследование всего комплекса проблем, сопровождающих анализ эмпирического материала и теоретических концепций, касающихся

³²⁵ Фирсов Л.А., Плотников В.Ю. Голосовое поведение антропоидов. – Л., 1981. – С. 9–10.

³²⁶ Там же.

проблемы происхождения человека, показывает, что наиболее сложной для осмысления и экспликации является вопрос о грани, разделяющей человека и животных. В частности вербальная речь, во всяком случае, в ее современной форме, судя по палеоантропологическим остаткам (данные по формированию выступов на нижней челюсти для прикрепления языковой мускулатуры и др.) начала формироваться только на неандертальской стадии, что ставит в тупик исследователей, вынужденных вновь и вновь обращаться к проблеме выявления причин возникновения территориальной дифференциации культурных комплексов гоминид в исторически более раннем периоде – на шелльской стадии нижнего палеолита³²⁷.

Вместе с тем принять гипотезу Л. А. Фирсова, способную помочь непротиворечиво согласовать имеющуюся эмпирию с современными концепциями сознания и теорией языка, мешает предубеждение против словосочетания «довербальные понятия». В. П. Алексееву, например, представлялось принципиально невозможным теоретическое описание «довербальных понятий», поскольку понятие для него – «это не только образ мира, но и такой образ, который может быть адекватно воспринят другим индивидуумом, без этого о понятии вообще невозможно судить, оно представляет собой «вещь в себе»³²⁸.

Однако логическая интерпретация понятий, характерная для классической науки, когда научным казалось лишь всесторонне обоснованное знание в некоем доскональном смысле, а присутствие вероятности рассматривалось как недосказанность, сегодня уже не может признаваться ни достижимым, ни единственно верным. Абсолютная точность и строгость – лишь иллюзия классических моделей познания; экспликация результатов познания – вот, пожалуй, основной путь сегодняшней научной мысли, и на этом пути можно усомниться в незыблемости представлений о превосходстве рационального знания над иррациональным, усомниться в тезисе о достижении понимания только через соприкосновение тождественного. Понятия – лишь один из результатов мышления как процесса: само мышление «есть функция внешнего предметного действия»³²⁹, определяемое не формой его результата, а содержанием этого результата, способного воплотиться в многие формы.

³²⁷ *Алексеев В.П.* Становление человечества. – М., 1984. – С. 168, 214.

³²⁸ Там же. – С. 211.

³²⁹ *Ильенков Э.В.* Диалектическая логика. Очерки истории и теории. – М., 1984. – С. 54.

Точка зрения, согласно которой первоначальное назначение языка не было рассчитано на обмен сугубо новой информацией, поскольку «творчество вполне достаточно толковать как удачную ошибку репликации»³³⁰, а общаться было необходимо исключительно по общезначимым и знакомым всем членам сообщества поводам, представляется в свете вышесказанного недостаточно состоятельной в теоретическом отношении. Для общения на знакомые темы, одинаково воспринимаемыми членами коммуникации, на практике вполне достаточно языка I Сигнальной системы. А вот язык культуры изначально нес (несет) серьезнейшую информационную нагрузку, реализуя взаимопонимание разных точек зрения на одно и то же, а вовсе не является только «средством общения (к примеру, столь нерационального, как религиозное)»³³¹. Познавательные функции языка имеют более глубокое значение и широкие смыслы, чем «прямой обмен информацией о предмете». Вербальный, понятийный язык – лишь исторически более поздняя (и развитая) система формализации средств культурного взаимодействия. При этом следует «различать языки большей или меньшей степени формализации. Формализованным язык является при условии, если его алфавит и правила заданы явно. При отсутствии явного задания элементов алфавита или правил язык оказывается интуитивным»³³².

Исторически закономерное отсутствие на первых этапах исторического формирования языка объективно выверенных значений культурного взаимодействия определяет отсутствие его явной формализации и на ранних стадиях онтогенеза. «Сама возможность усвоения языка, – отмечается в исследованиях языка, – предполагает в качестве необходимого условия довербальный этап становления концептуальных систем», отражающих «доязыковой и доречевой опыт их носителей. Игнорирование этого обстоятельства приводит не только к эмпирически и теоретически необоснованному, но и методологически несостоятельному приписыванию функций порождения мысли самому языку (в значении речи), чистой вербальной форме, к отождествлению мысли и языка, а не к раскрытию их связи»³³³.

Авторы, не учитывающие невербальные факторы в своих семантических концепциях языка, рассматривают смысл речевых конструкций

³³⁰ Клягин Н.В. От доистории к истории. – М., 1992. – С. 35–36.

³³¹ Клягин Н.В. Там же. – С. 36.

³³² Ладенко И.С. Интеллект и логика. – Красноярск, 1985. – С. 109–110.

³³³ Павленис Р.И. Проблема смысла. – М., 1983. – С. 263.

как неотделимый от информации об истинности высказываний, т. е. определяют истинность высказывания лишь по степени его соответствия операциям, посредством которых оно строится синтаксически. Фактическая неоднозначность большинства речевых высказываний в результате оказывается за пределами интереса даже современных исследователей. Между тем в действительности даже на нынешнем этапе развития человечества любая личность постоянно сталкивается с ситуацией неоднозначности речевых высказываний и, – что самое парадоксальное, – в большинстве случаев легко справляется с разрешением этой неоднозначности, разрешая возникшую неоднозначность в разных исчислениях, т. е. разными способами. Классическая проблема интерпретации простого высказывания «Маша пошла в кино с Петей» существует не только в теории, но и на практике, утяжеленная необходимостью анализа не только самого текста, но и его подтекста и контекста³³⁴.

При этом «разность» способов разрешения речевой неоднозначности не означает рассогласованности коллективной деятельности, или обязательной неадекватности разных типов интерпретации речевых высказываний. Феномен языка культуры, частным случаем которого является речь, состоит в том, что успешное усвоение языка вовсе не предполагает качественного отождествления индивидуальных концептуальных систем («картин мира»). Речевые коммуникации, действительно, конструируют взаимопонимание между людьми, но они же одновременно конструируют и расхождение индивидуальных концептуальных систем, ибо слово (понятие), как и любой язык культуры, всегда в той или иной степени открыто для творческого (продуктивного) выхода за его пределы.

Атрибутивную незамкнутость для продуктивной деятельности языков культуры детерминирует открытость, незамкнутость для освоения самого пространства культуры. Другое дело, что разная степень формализации языков культуры обуславливает направленность и меру открытости для творчества для каждого из них в разных отношениях. Языки, открытые для продуктивного самодвижения в одном направлении, могут «перекрываться» закрытостью других языков данной куль-

³³⁴ Бажутина Н.С. Методологические проблемы структурной организации смыслов в тексте: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Н.С. Бажутина. – Новосибирск, 2003. – С. 9.

туры в данном направлении. Но именно специфические сочетания меры открытости каждого из способов системного взаимодействия в культурном пространстве и порождает в конечном итоге конкретно-исторические культуры. Под «языками» и «языковыми нормами» культуры при этом понимаются не только вербальные языки и языки искусства, но и все иные, закреплённые во времени, внегенетические способы структурно-функциональной взаимосвязи данной культуры, обеспечивающие трансляцию стереотипов поведения и средств приблизительной интерпретации действительности³³⁵.

«Ограничение» (линеаризация, регламентация) хаоса субъективных переживаний социализированного индивида осуществляется в разных культурах по-разному, но два основных способа – это создание системы образного мышления и создание понятийной системы. Понятия – это относительно замкнутые лексические единицы, взаимосвязанные друг с другом относительно линейно. Образы – относительно открытые лексические единицы, связь которых друг с другом осуществляется преимущественно нелинейно (ассоциативно). Во взаимодействии этих двух систем языковой организации культурной действительности и рождается феномен человека.

Вряд ли правомерно при этом отождествлять активно творческое отражение действительности, атрибутивно присущее человеку, исключительно с господствовавшим в последние две с половиной тысячи лет в Европе «научным способом мышления». Этот тип мышления, развившийся в «язык науки», великолепно справляется с исследованием (познанием) отдельных сторон действительности, но не способен схватить одновременность разного, несовместимого с точки зрения метрических или формально-логических требований – скажем, симметрию и асимметрию, дискретность и непрерывность. Перевод мысли в однозначные понятия, линейно связанные друг с другом, не более характерен для человеческого мышления, чем перевод мысли в образ, или одного образа в другой образ. И речь идет не только о содержании мышления, но и его формах, которые сегодня существуют в теории в виде плюралистических познавательных моделей³³⁶, концепций «многомер-

³³⁵ Бажутина Т.О. Культура, творчество, устойчивость / Т.О. Бажутина. – Новосибирск: ИФиПр СО РАН, 1994. – С. 16.

³³⁶ См., например: Чайковский Ю. Познавательные модели, плюрализм, выживание // Путь. – 1992. – № 1.

ного мира»³³⁷ и других, обусловленных синергетическим подходом к действительности³³⁸.

В науке новые «многомерные» подходы к сознанию и окружающей человека действительности появились при этом не на голом месте: дуализм души и тела – двух противоположных, но существующих в единстве начал, был осознан еще античными философами и лег в основу христианского вероучения. Учение об ипостасях Иоанна Дамаскина; теория «двух истин» Ибн-Рушда, имевшая существенное влияние в странах Арабского Востока; учение о двух субстанциях Рене Декарта; антиномии Иммануила Канта, – все это различные модификации и уровни полисущностного подхода к действительности, отражающие атрибутивные для человеческой сущности характеристики нелинейности и релятивизма мышления, формирующие специфические мыслительные конструкты для преодоления отчуждения собственной сущности.

Эти конструкты в силу атрибутивной открытости культуры, конституировавшей нелинейность в качестве основного способа жизнедеятельности человека, в отличие от конструктов, поставляемых общественно-политическими и иными одноплоскостными социальными структурами, не имеют однозначности и однолинейной направленности и не носят характера императивного, категорического требования, а обладают лишь рекомендательной, сослагательной силой. Однозначность человеческого поведения, равно как и однозначность мышления, можно обнаружить лишь в некоторой части культурных взаимодействий. Безусловное нравственное веление, якобы изначально присущее разуму, вечное и неизменное, лежащее в основании морали должностовование, направляющее деятельность людей (И. Кант) – лишь цель, которую человечество ставит перед собой как эталонный ориентир, синтезирующий в себе и консолидирующий на идеальном (духовном) уровне разнонаправленность человеческого поведения и мышления.

Если продолжать пользоваться категориями того же И. Канта, то реальное поведение людей в действительности всегда легально, т. е. ни один деятельностный акт никогда не реализует в полной мере на практике идей «категорического императива». Парадоксально, но факт:

³³⁷ См.: Алтухов В. Смена парадигм и формирование новой методологии // Общественные науки и современность. – 1993. – № 1.

³³⁸ См., например: Хакен Г. Синергетика. – М., 1985; Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое миропонимание: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. – 1992. – № 12; и др.

общество (культура) во все времена затрачивало и затрачивает колоссальные усилия ради формирования у членов культуры жесткого репродуктивного исполнительства, вводя системы запретов («табу», законы) на любой образ действий, кроме должного (традиционного, законопослушного), а члены общества во все времена нарушали и нарушают эти запреты, обходя или преодолевая их как безопасными для себя и окружающих способами, так и опасными. Более того, если бы человек всегда следовал всем предписаниям репродуктивного поведения в культуре, общество просто не изменялось бы во времени и, «законсервировавшись» в своей «безукоризненной правильности», погибло.

Постоянная историческая тенденция, наблюдаемая современными исследователями даже в сохранившихся традиционных («первобытных») обществах, существование которых в конце XX века свидетельствует, прежде всего, о масштабах и вариативности социокультурных систем репродуктивно-творческой деятельности, показывает, что общество только и способно существовать как культурная целостность лишь в том случае, если доля творческой деятельности в общей структуре его жизнедеятельности доминирует хотя бы в какой-то степени над репродуктивной. Другое дело, что продуктивная творческая деятельность может быть осуществлена лишь в рамках общих правил построения данного культурного пространства, основываясь либо а) на существующих правилах регламентации творческой деятельности (что характерно для культур Западной Европы); либо б) на способах регламентации цели творческой деятельности, что наиболее характерно для традиционных культур Восточной Азии). При этом деструктивная творческая деятельность человека всегда и в любом случае остается деятельностью социальной, а ее антикультурный («антиобщественный») характер определяется нарушением не «большой части» правил функционирования данной культурной парадигмы, а всех правил, существовавших в данной культуре в отношении конкретной культурной сферы.

В этой связи уместно отметить, что чем большее количество рекомендаций, регулирующих жизнь культурного сообщества, переводится в ранг законов (табу), тем большее количество людей и во все возрастающем количестве сфер деятельности стремится нарушить или обойти границы, установленные этими законами. В этом смысле не случайно, что «запрещающие» культуры более прогрессивны (в значении «динамичны») в своем историческом развитии, поскольку развиваются более интенсивными темпами, чем культуры «разрешающего» типа.

Любая форма поведения живой системы является ее языком³³⁹, но языки культуры отличаются от языков остальных биохевиоральных систем «абстрагированием 2-го уровня», специфика которых состоит в произвольности конструирования пространственно-временных связей и создания на этом основании смыслов и значений, отсутствующих в природе. Каждая сфера культуры в социокультурном сообществе имеет при этом собственный язык. В антропосоциогенезе были созданы преимущественно изобразительные языки³⁴⁰. Языки пантомимы и музыки в известном смысле были созданы на основе природных языков, поскольку в мире «брачных танцев», ритуалов «запугивания», звукового поведения и т. п. А вот живопись имеет природные аналоги лишь в отношении таких «лексических единиц» как цвет и свет. Язык живописи может быть признан поэтому исторически первым средством культурной взаимосвязи. Перенос восприятий о динамическом трехмерном мире в статичную двухмерную плоскость есть при этом не только качественно новый уровень абстрагирования, но и процесс создания довербальных знаний систем культуры. Исторически первичные средства культурных коммуникаций функционируют в виде «довербальных понятий» и иницируют в достаточно широких пределах творческих функций индивида, а также формируют «меру свободы» в выборе индивидом способов жизнедеятельности в данном культурном пространстве. Специфически субъективированное отношение к пространству со времен антропосоциогенеза лежит в основании культуры, олицетворяясь в «стилях» архитектуры, танца, межиндивидуальных коммуникационных дистанциях и др. Историческое возникновение других языков культуры, в том числе и речи, лишь конституировало, дифференцировало и сделало необратимым репродуктивно-творческое поведение человека в действительности.

В силу своей принципиальной незамкнутости, открытости и для усвоения, и для освоения содержащихся в них значений языки культуры на любом уровне своего существования и при любой форме их структурной организации (формализации), в своем пересечении образуют поля смыслов, операции с которыми обеспечивают устойчивость культурного (общественного) существования, в то время как «ядро»

³³⁹ Фирсов Л.А. По следам Маугли? //Язык в океане языков. Серия «Язык и мир». – Вып. I. – Новосибирск; Сибирский хронограф, 1933. – С. 55

³⁴⁰ Hewes G.W. Primate communication and the gestural origin of language // Curr. Anthropol. – 1973. – Vol. 14 – № 1–2. – P. 5–12.

культуры (ядро пространство культуры) инициирует направленность и интенсивность общественного (социокультурного) развития.

Производство устойчивых во времени специфических знаков, ограничивающих и инициирующих меру и направленность репродуктивно-творческого отношения к действительности, является прерогативой именно культуры, а не «общества» и не «цивилизации», поскольку именно культура формирует субъективность и субъектность человеческих групповых объединений. Культура апеллирует не к совокупным общественным силам, а к конкретным индивидам и конкретным нормам их деятельности. Кроме того, культура акцентирует свое влияние не на обобщенных смыслах человеческой жизнедеятельности, а на локальных, специфичных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем некоторые итоги исследования и попытаемся оценить его результаты в отношении перспектив дальнейших теоретических изысканий. Последнее необходимо потому, что тема теоретической реконструкции и методологических проблем антропосоциогенеза не исчерпана да и не могла быть исчерпана в одной из многих монографий, обращенных к загадке процесса очеловечивания. В данной монографии главное внимание было сосредоточено на методологии поиска естественных причин выхода за пределы действия биологических закономерностей и определении основных принципов систематизации и анализа имеющегося в распоряжении современной науки фактологического материала по указанной проблематике. Разработанный для исследования переходных состояний развития, являющихся ключом к развитой сущности, теоретический инструментарий применялся для решения лишь некоторых, хотя и принципиальных, проблем антропосоциогенеза. Естественно, что в дальнейшем предстоит разработка и углубление представлений о многих содержательных аспектах сущности процесса очеловечивания, конкретизация пунктирно намеченных в монографии взаимосвязей и взаимозависимостей и выявление тех существенно значимых взаимодействий, которые по разным причинам оказались вне сферы внимания автора.

В целом проведенная работа позволила установить, что сущностью процессов снятия, отображающей механизм качественных переходов, является изменение содержания исходных качеств посредством изменения их изоморфов в рамках сформированной старым качеством направленности развития. Поскольку сущность всякого перехода всегда специфична в своей конкретности, всегда специфична и категория «снятие», являющаяся одним из основных системно-операциональных средств теоретического исследования переходных состояний развития.

В качестве всеобщей характеристики снятия признается его постепенность внутри перерыва постепенности развития между исходной, старой, и формирующейся новой сущностью. Постепенность снятия

обуславливает и некоторые общие закономерности механизмов становления новых качеств: как всякий процесс, протекающий во времени, снятие проходит определенные фазы своего осуществления, специфика которых обуславливается глубиной снятия предковых признаков. Фазы осуществления снятия определены в монографии как развертывание и свертывание возможностей развития исходного изоморфа.

Фаза (стадия) развертывания есть расширение границ меры исходного качества до пределов, обусловленных типом снятия и определяющих границы общей направленности развития преобразующейся системы. Выход за эти границы означает деструктивное разрушение системы. Гибель преобразующегося качества на этой стадии зависит преимущественно от внешних причин и существенным образом отличается от гибели системы на последующей стадии снятия. Впрочем, более глубокая разработка этой идеи – дело будущего. В данном же исследовании исходным для теоретической реконструкции переходных состояний развития тезисом является представление о том, что в момент максимального развертывания снятия система находится в состоянии предельной неустойчивости в границах меры общей направленности своего развития. В состоянии неопределенности преобразующееся качество максимально пластично и подвержено предельной восприимчивости внешних воздействий, отчего теряет естественную устойчивость. На этапе максимальной развернутости снятия преобразующаяся система стоит перед выбором направления дальнейшего развития: либо гибель в виде полной и окончательной потери стабильности, либо переход к следующей стадии существования в состоянии «определенной неопределенности». Иными словами, преобразующаяся система на этом этапе как бы осуществляет выбор дальнейшего развития из веера раскрывшихся ее имманентных возможностей, т. е. ищет способы перехода от общей направленности к конкретному направлению развития. Снятие, таким образом, есть изменение направления развития посредством перехода от одного направления развития, исчерпавшего себя в процессе саморазвития, к другому через фазу «определенной неопределенности» в рамках общей направленности развития исходного качества, детерминированной движущим противоречием системы.

Осуществление «выбора» означает переход одной (или нескольких) из раскрывшихся в процессе снятия возможностей развития в действительность. Переход раскрывшихся возможностей (или возможности) в

действительность определен мной как свертывание снятия. Для того чтобы снятие начало сворачиваться в нескольких направлениях одновременно, т. е. чтобы в реальности появилось некоторое число различных качеств, имеющих как исходное одно и то же, необходимы различные условия протекания снятия.

Исходя из представления, что закономерностям снятия подчиняются все объекты, находящиеся в процессе качественного преобразования, я использовала концепцию снятия при анализе антропосоциогенеза как процесса перехода от биологической к социальной форме движения материи, т. е. процесса переходного состояния развития.

Движущим противоречием исходного для антропосоциогенеза качества в данной работе признается противоречие между биологически целесообразной индивидуально-орудийной деятельностью (и связанной с ней тенденцией к обособлению индивидов от сообщества) гоминид и биологически же необходимой для сохранения жизнеспособности гоминид как вида стадной формы их существования, в рамках которой, по биологическим законам, орудийная деятельность индивидов нецелесообразна и даже вредна.

Думается, что именно это противоречие стало причиной начала антропосоциогенеза, в ходе которого были выявлены столь многообразные возможности дальнейшего развития исходного качества, которые позволили ему перейти с биологического уровня на новый, социальный. Этот процесс не закончен до сих пор, являясь источником развития современного общества, поскольку исходная биологическая сущность не преодолена до сих пор.

Развертывание возможностей дальнейшего развития на первых этапах антропосоциогенеза осуществлялось, как представляется, исключительно биологическими средствами путем устранения в качестве мнимой действительности стадной формы организации гоминид. Положение о том, что переход к человеку и обществу был возможен только при условии наличия в исходном биологическом качестве стадности, но осуществлялся через радикальное – путем уничтожения – ее преобразование, является принципиальнейшим постулатом излагаемой концепции происхождения человека и общества.

Элиминация стадности, являвшейся атрибутивной характеристикой жизнедеятельности гоминид, ознаменовалась становлением неустойчивости и аморфности групповых форм организации ранних австралопитековых, что материально выразилось в относительной неизменности орудий и технологии их обработки на всем этапе развертывания

снятия в антропосоциогенезе – хронологически вплоть до стадии существования палеоантропов (до среднего палеолита), т. е. на протяжении всего периода формирования истинно человеческой морфофизиологии.

В период неустойчивости и распада биологической стадности (сохранявшейся лишь на универсальном и простейшем для мира животных уровне – уровне территориальности, огораживания) чрезвычайно усилилась роль индивидуального опыта особей, роль психики австралопитеков, вынужденной накапливать огромное количество информации, которая была бесполезна без ее когнитивной переработки. Эволюция мозга, как свидетельствуют эмпирические данные, протекала в эпоху палеоантропов особенно интенсивно, что вполне вписывается в концепцию снятия, предлагаемую в качестве важнейшего теоретического инструментария для реконструкции антропосоциогенеза.

После распада животной формы организации сообществ в конце периода существования австралопитеков, на этапе максимально выявленных возможностей индивидуального развития особей, вовлеченных в процесс очеловечивания, началось свертывание возможностей в направлениях, обеспечивающих устойчивое существование, – сапиентном, специализированном и тупиковом. Снятие биологического осуществлялось путем синтеза многих морфофизиологических форм австралопитековых, неустойчиво приспособившихся до этого к среде различными путями, включавшими в себя как нестабильные приспособления морфофизиологии, так и различные типы тяготения к групповым формам организации, а также неизбежные в силу географических причин локальные различия в орудийности. При этом чрезмерно уклонившиеся в силу разных условий от общей направленности развития формы (линии) пошли в дальнейшем по пути либо тупикового, либо специализированного развития, но еще некоторое время могли участвовать в панмиксии признаков, одно из направлений которой вело к сапиентизации.

Исходной теоретической проблемой генезиса социального в ходе антропосоциогенеза является решение вопроса об исторической последовательности снятия биологического, т. е. решение вопроса о том, возникает ли общество сразу как целостность трудовых отношений, культуры и социальной организации, или основные составляющие социального возникают в определенной исторической последовательности. Пытаясь найти ответ на этот вопрос, я исходила из следующих

рассуждений: поскольку человеческое общество может существовать в реальности только как совокупность конкретно-исторических (культурных) образований, как специфическая система отношений между индивидами (система социальных связей), основанных на индивидуально-коллективном способе существования, то в качестве консолидирующих факторов группы, не имеющей ни упорядоченных семейно-брачных отношений, ни доминирующих над группой постоянных вожаков, может быть признана только совместная деятельность. Однако эта совместная деятельность вплоть до кроманьонского периода, окончательно оформившего трудовые отношения в отдельную сферу жизнедеятельности, не имела четко выраженного экономического характера. Совместная деятельность сапиентизирующихся индивидов в антропосоциогенезе была направлена в первую очередь не на производство и воспроизводство вещей (орудий), а на производство и воспроизводство индивида (вида). Труд же в последующем лишь конституировал, укрепил, сделал необратимым процесс очеловечивания, суть которого заключалась в формировании принципиально новых отношений между особями. Качественно новые взаимоотношения между индивидами состояли в том, что сообщества, не объединенные жесткими рамками биологической стадности, нуждались в производстве и воспроизводстве специфического, внутренне противоречивого индивида: с одной стороны, каждый индивид должен был принимать участие в коллективных действиях группы, полностью подчиняться ее потребностям и интересам; с другой стороны – индивид должен был быть способным осуществлять автономную, независимую от группы деятельность. Новые сообщества объединялись действительно на трудовой основе, но этот труд первоначально не был экономическим, ибо создавал ценности не столько материального, сколько духовного порядка.

Хронологические этапы антропосоциогенеза не означали исторически последовательного возникновения и формирования отдельных сторон человеческой (общественной) сущности, но роль различных сторон возникающего и развивающегося социального на каждой исторической стадии процесса очеловечивания была различной, как различным был и удельный вес всех сторон социального в процессе жизнедеятельности и преобразования сапиентизирующихся объединений.

Таким образом, началом антропосоциогенеза в монографии признается приобретение гоминидами прямохождения, переломным этапом (в этот период стала невозможна сапиентизация уклонившихся от данного

направления форм) – эпоха мустье, а концом, знаменующим собой становление социально-экономической системы, – формирование кроманьонского человека. Культурный комплекс в целом возникает при этом в эпоху палеоантропов, определившую дальнейшие направления развития обладающих двуногой локомоцией антропоидов.

Проведенное исследование доказывает, что предложенный подход может стать плодотворным при изучении таких принципиальных вопросов, как диалектика взаимодействия внешних и внутренних закономерностей процесса перехода от биологической к социальной форме движения материи, при детальном анализе особенностей снятия на каждом историческом этапе обсуждаемого качественного преобразования и т. д. Впрочем, пусть читатель сам рассудит, насколько дальнейшее совершенствование концепции переходных состояний развития достойно быть предметом внимания исследователей, стоящих перед задачей осмысления конкретного научного материала, имеющего непосредственное отношение к развитию методологии познания самых разных качественных переходов в природе, обществе и мышлении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Accoff R.* The systems revolution / R. Accoff // Long Range Planning. – 1974. – Vol. 7. – P. 6.
2. *Bazhutina T. O.* Social and Cultural space: Maintenance and Adaptation of an Ethnic Integty Germans in Siberia (English version) / T. O. Bazhutina. – Novosibirsk, 2004.
3. *Dobzhansky Th.* Mankind Evolving / Th. Dobzhansky. – New Hawen, Conn.: Yale University Press, 1962.
4. *Frege G.* Translation form the Philosophical Writings of Gottlob Frege / G. Frege, M. Black, P. Geach. – Oxford, 1952.
5. *Gamble C.* Information exchange in the Palaeolithic / C. Gamble // Nature. – 1980. – Vol. 283. – P. 522.
6. *Gehlen A.* Der Mensch, seine Natur und seine Stellung in der Welt / A. Gehlen. – Berlin, 1944.
7. *Hewes G. W.* Primate communication end the qestuural origin of language / G.W. Hewes // Curr. Anthropol. – 1973. – Vol. 14. – № 1–2. – P. 5–12.
8. Lecture d’Henri Wallon. Choix de textes. – Paris, 1976.
9. *Portmann A.* Umzuchtung des Menschen? Aspekte heutuger Biotechnik / A. Portmann // Universitas. – 1966. – Hf. 8. – S. 802.
10. *Portmann A.* Zoologie und neue Bild des Menschen. Biologischen Fragmente zu einer Lehre vom Menschen / A. Portmann. – Basel: Rowohlt, 1951.
11. *Reuner I.* Marx und der Begriff «aufheben» / I. Reuner // Deutsche Zeitschrift fur Philosophic. – 1966. – Hf. 3.
12. *Scheler M. D.* Die Stellung des Menschen in Kosmos. – Darmstadt, 1929.
13. *Steiz E.* Evolution des Menschen / E. Steiz. – Weinhein, 1974.
14. *Wilson E. O.* Sociobiology. The new synthesis / E. O. Wilson. – Cambridge: Harvard Univ. Press, 1975.
15. *Алексеев В. П.* Биологическая адаптация человеческих популяций к природным условиям в эпоху палеолита / В. П. Алексеев // Первобытный человек и природная среда / В. П. Алексеев. – М., 1974. – С. 29.
16. *Алексеев В. П.* Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас / В. П. Алексеев. – М., 1978.
17. *Алексеев В. П.* Становление человечества / В. П. Алексеев. – М., 1984.
18. *Алексеева Т. И.* Географическая среда и биология человека / Т. И. Алексеева. – М., 1977.

19. Алтухов В. Смена парадигм и формирование новой методологии / В. Алтухов // *Общественные науки и современность*. – 1993. – № 1.
20. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – Л., 1968.
21. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев // *Избранные психологические труды*. В 2 т. / Б. Г. Алтухов. – М., 1980. – Т. 1. – С. 79.
22. Андреев Л. И. Происхождение человека и общества / Л. И. Андреев. – М., 1988.
23. Астафьев А. К. О роли эволюционных и социально-исторических факторов в происхождении человека / А. К. Астафьев // *Человек и природа*. – М., 1980.
24. Ахундов М. Д. Эволюция, нелинейность и марксизм / М. Д. Ахундов, Л. Б. Баженов // *Природа*. – 1991. – № 4. – С. 5.
25. Бажутина Т. О. Культура, творчество, устойчивость / Т. О. Бажутина. – Новосибирск: ИФиПр СО РАН, 1994.
26. Бажутина Т. О. Происхождение человека: концепция переходных состояний развития: монография / Т. О. Бажутина. – Новосибирск: Наука, 1993.
27. Бажутина Т. О. Социокультурная прагматика искусства / Т. О. Бажутина // *Наука. Философия. Общество. Материалы V Российского философского конгресса*. – Новосибирск: Параллель, 2009. – Т. 2. – С. 544.
28. Бажутина Т. О. Формирование культуры и творчества в антропогенезе: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Т. О. Бажутина. – Новосибирск, 1995.
29. Бажутина Т. О. Культура понимания в современной философии образования / Л. Б. Сандакова, Т. О. Бажутина // *Философия образования / НИИ (УМЦ) ФО НГПУ*. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. – № 2 (19). – С. 230–237.
30. Бажутина Т. О. Философско-психологические основания интерпретации творческой деятельности / Т. О. Бажутина, И. С. Бажутин // *Гуманитарные науки Сибири*. – 1996. – № 1.
31. Бажутина Н. С. Человек и творчество / Н. С. Бажутина, Т. О. Бажутина // *Социальная онтология России: сб. науч. ст. по докл. VI Всероссийских Копыловских чтений*. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2012. – С. 22–38.
32. Бажутина Н. С. Сущностные основания языковой деятельности человека / Н. С. Бажутина, Т. О. Бажутина // *Социальная онтология России: сб. науч. ст. по докл. VII Всероссийских Копыловских чтений*. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2013. – С. 48–54.
33. Бажутина Н. С. Методологические проблемы структурной организации смыслов в тексте: Автореф. дис. ... канд. филос. наук / Н. С. Бажутина. – Новосибирск, 2003.
34. Бажутина Н. С. Формирование философского мышления и его вербализация в системе высшего образования / Н. С. Бажутина // *Философия образования*. – 2010. – № 3. – С. 91–96.
35. Бажутина Н. С. Культура философского мышления как проблема направленности вербального поведения / Н. С. Бажутина // *Идеи и идеалы*. – Новосибирск, 2010. – Т. 2. – С. 104–109.

36. *Байман С. Т.* Диалектика творческого процесса / С.Т. Байман // Художественное творчество и психология. – М., 1991.
37. *Батенин С. С.* / Человек в его истории / С. С. Батенин. – Л., 1976.
38. *Батищев Г. С.* Социальные связи человека в культуре / Г. С. Батищев // Культура, человек и картина мира. – М., 1987.
39. *Бахтин М. М.* Проблемы творчества Достоевского / М. М. Бахтин. – Л., 1929.
40. *Беляев Д. К.* О некоторых факторах эволюции гоминид / Д. К. Беляев // Вопросы философии. – 1981. – № 8. – С. 71–76.
41. *Бондарев Г. И.* Куда развивается мир? / Г. И. Бондарев // Диалектика отрицания отрицания. – М.: Политиздат, 1983.
42. *Борисковский П. И.* Древнейшее прошлое человечества / П. И. Борисковский. – М., 1980.
43. *Бородай Ю. М.* От природно-биологической к социальной и исторической детерминации поведения человека (к постановке проблемы) Ю. М. Бородай // Биология в познании человека. – М., 1989.
44. *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография / Ю. В. Бромлей. – М., 1973.
45. *Буданов В. Г.* Принципы гармонии как холистические правила эволюционного суперотбора / В. Г. Буданов // Современная картина мира. Формирование новой парадигмы. – М., 1997.
46. *Бунак В. В.* Род Номо, его возникновение и последующая эволюция / В. В. Бунак. – М., 1980.
47. *Бюллер К.* Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюллер. – М., 1999.
48. *Вайман С. Т.* Диалектика творческого процесса / С. Т. Вайман // Художественное творчество и психология. – М., 1991.
49. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн. – М., 1958.
50. *Гартман Н.* Старая и новая онтология / Н. Гартман // Историко-философский ежегодник. – М., 1988. – С. 321–322.
51. *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики / Г. В. Ф. Гегель // Наука логики. – М., 1970. – Т. 1.
52. *Гегель Г. В. Ф.* Сочинения в 14 т. – М.; Л., 1929–1959. – Т. 1. – С. 208.
53. *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук / Г. В. Ф. Гегель. Сочинения в 3 т. – М., 1975. – Т. 1.
54. *Геодакян В. А.* Эволюционная теория пола / В. А. Геодакян // Природа. – 1991. – № 8. – С. 65.
55. *Глядков В. А.* Закон отрицания отрицания и его методологические функции / В. А. Глядков. – М., 1982.
56. *Голицын Г. А.* Информация – поведение – творчество / Г. А. Голицын, В. М. Петров. – М., 1991.

57. Грант В. Эволюция организмов / В. Грант. – М., 1980.
58. Грант В. Эволюционный процесс / В. Грант. – М., 1991.
59. Григорьев Г. М. К вопросу о происхождении ориньякской культуры во Франции / Г. М. Григорьев // Вопросы антропологии. – 1963. – Вып. 14. – С. 25–40.
60. Григорьев Г. П. Палеолит Африки / Г. П. Григорьев // Возникновение человеческого общества. – Л., 1977.
61. Гурьев Д. В. Становление общественного производства – М., 1973.
62. Даниленко Л. Е. О месте закона отрицания отрицания в системе законов диалектики / Л. Е. Даниленко, Ф. И. Рекунов // Диалектика отрицания отрицания. – М., 1983. – С. 29.
63. Данилова Е. И. Эволюция руки / Е. И. Данилова. – Киев, 1979.
64. Джохансон Д. Люси. Истоки рода человеческого / Д. Джохансон, М. Иди. – М., 1984.
65. Ефимов Ю.И. Природное и общественное в человеческой предыстории / Ю. И. Ефимов // Человек и природа. – М., 1980.
66. Ефимов Ю.И. Философские проблемы теории антропосоциогенеза / Ю. И. Ефимов. – Л., 1981.
67. Зубов А. А. Общие предпосылки гоминизации / А.А. Зубов // Вопросы антропологии. – 1983. – Вып. 71. – С. 215.
68. Зубов А. А. Систематические критерии рода Номо и его эволюция / А. А. Зубов // Вопросы антропологии. – 1972. – Вып. 41.
69. Иванова И. К. Каменные изделия и их значение для стратиграфии / И. К. Иванова // Проблемы геологии и истории четвертичного периода (антропогена). – М., 1972.
70. Иди М. Возникновение человека: Недостающее звено / М. Иди. – М., 1977.
71. Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса / Э. В. Ильенков. – М., 1960.
72. Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории / Э. В. Ильенков. – М., 1984.
73. История диалектики. Немецкая классическая философия. – М., 1978.
74. История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. – М., 1983.
75. Канцельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Канцельсон. – М., 1972.
76. Карсаевская Т. В. Методологическая роль принципов диалектики в решении проблем становления человеческого общества / Т. В. Карсаевская, В. В. Леонович // Методологические проблемы материалистической диалектики. – Л., 1974.
77. Кедров Б. М. Ленин и научные революции. Естествознание. Физика / Б. М. Кедров. – М., 1980.

78. *Кедров Б. М.* Отрицание отрицания как один из основных законов материалистической диалектики / Б. М. Кедров // Диалектика отрицания отрицания. – М., 1983.
79. *Кларк Дж. Д.* Доисторическая Африка / Дж. Д. Кларк. – М., 1977.
80. *Кликс Ф.* Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта / Ф. Кликс. – М., 1983.
81. *Клягин Н. В.* От доистории к истории / Н. В. Клягин. – М., 1992.
82. *Колеватов В. А.* Марксистско-ленинская концепция материального производства как методологическая основа программы исследования духовного производства / В. А. Колеватов // Методологические проблемы научно-исследовательских программ. – Новосибирск, 1983. – С. 124.
83. *Констэбл Д.* Возникновение человека. Неандертальцы / Д. Констэбл. – М., 1978.
84. *Копалов В. И.* Общественное сознание. Критический анализ / В. И. Копалов. – Томск, 1985.
85. *Кочеткова В. И.* Палеоневрология / В. И. Кочеткова. – М., 1973.
86. *Крайнев Д. А.* Некоторые вопросы становления человека и человеческого общества / Д. А. Крайнев // Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. – М., 1970.
87. *Кребер Т.* Иши в двух мирах / Т. Кребер. – М., 1970.
88. *Крутова О. Н.* Проблема человека в социальной философии марксизма / О. Н. Крутова. – М., 1990.
89. *Ладенко И. С.* Интеллект и логика / И. С. Ладенко. – Красноярск, 1985.
90. *Левиков А. И.* Ищи себя, пока не встретишь / А. И. Левиков. – М., 1987.
91. *Левонтин Р.* Адаптация / Р. Левонтин // Эволюция. – М., 1981.
92. *Лексин Ю.* Если это действительно так / Ю. Лексин // Знание – сила. – 1991. – № 10. – С. 69.
93. *Лекторский В. А.* Субъект, объект, познание / В. А. Лекторский. – М., 1980.
94. *Ленин В. И.* Философские тетради / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. – М., 1965–1975. – Т. 29.
95. *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики / А. Н. Леонтьев. – М., 1981.
96. *Мамардашвили М.* Мысль в культуре / М. Мамардашвили // Философские науки. – 1989. – № 11. – С. 75.
97. *Марков В. И.* Методологическое значение процессуального подхода к анализу отчуждения / В. И. Марков // Исторический материализм как методология социального познания. – Новосибирск, 1985. – С. 92.
98. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. – 2-е изд. – М., 1955–1974. – Т. 1. – С. 232.
99. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. – 2-е изд. – М., 1955–1974. – Т. 4. – С. 296–297.

100. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. – 2-е изд. – М., 1955–1974. – Т. 12. – С. 733.
101. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. – 2-е изд. – М., 1955–1974. – Т. 20. – С. 488–489.
102. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. – 2-е изд. – М., 1955–1974. – Т. 23. – С. 188–189, 419.
103. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. – 2-е изд. – М., 1955–1974. – Т. 42. – С. 155, 167–169, 171.
104. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. – 2-е изд. – М., 1955–1974. – Т. 46. – Ч. 1. – С. 486.
105. *Мартынов А. И.* Археология СССР / А. И. Мартынов. – М., 1982.
106. *Мархинин В. В.* Диалектика социального и биологического в процессе становления этноса / В. В. Мархинин. – Томск, 1989.
107. *Мархинин В. В.* Основные закономерности процесса интернационализации общественной жизни / В. В. Мархинин. – Новосибирск, 1989.
108. Материалистическая диалектика как общая теория развития. – М., 1982. – Ч. 1.
109. Материалистическая диалектика. – М., 1981. – Т. 1.
110. *Матюшкин А. М.* Проблемные ситуации в мышлении и обучении / А. М. Матюшкин. – М., 1972.
111. *Межуев В. Н.* Культура как проблема философии / В. Н. Межуев // Культура, человек и картина мира. – М., 1987.
112. *Мелюхин С. Т.* Материя в ее единстве, бесконечности и развитии / С. Т. Мелюхин. – М., 1966. – С. 316.
113. *Миклин А. М.* Категория развития в марксистской диалектике / А. М. Миклин, В.А. Подольский. – М., 1980.
114. *Нестурх М. Ф.* Происхождение человека / М. Ф. Нестурх. – М., 1958.
115. *Обухова Л. Ф.* Концепция Жана Пиаже: за и против. / Л. Ф. Обухова. – М., 1981.
116. *Окладников А. П.* О значении захоронений неандертальцев для истории первобытной культуры / А. П. Окладников // Советская этнография. – 1952. – № 2.
117. *Павиленис Р. И.* Проблема смысла / Р. И. Павиленис. – М., 1983.
118. *Панов Е. Н.* Знаки, символы, языки / Е. Н. Панов. – М., 1983.
119. *Плотников В. И.* Социально-биологическая проблема: Материалы спецкурса / В. И. Плотников. – Свердловск, 1975.
120. *Плюснин Ю. М.* Проблема биосоциальной эволюции / Ю. М. Плюснин. – Новосибирск, 1990.
121. *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии / Б. Ф. Поршнев. – М., 1974.
122. *Пригожин И.* Перспективы исследования сложности / И. Пригожин // Системные исследования. Методологические проблемы: Ежегодник. 1986. – М., 1987. – С. 47–59.

123. *Пригожин И.* Познание сложного / И. Пригожин, Г. Николс. – М., 1990.
124. Проблема человека в современной философии. – М., 1969.
125. Психология. Словарь / Под ред. А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского. 2-е изд. – М.: Политиздат, 1990.
126. *Разумовский О. С.* Бихевиоральные системы / О. С. Разумовский. – Новосибирск, 1993.
127. *Рогинский Я. Я.* Проблема антропогенеза / Я. Я. Рогинский. – М., 1977.
128. *Рогинский Я. Я.* Антропология / Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин. – М., 1978.
129. *Рок И.* Введение в зрительное восприятие. В 2 т. / И. Рок. – М., 1980. – Кн. 1.
130. *Романов В. Н.* Историческое развитие культуры. Проблемы типологии / В. Н. Романов. – М., 1991.
131. *Руткевич М. Н.* Диалектический материализм / М. Н. Руткевич. – М., 1973.
132. *Северцов А. Н.* Эволюция и психика / А. Н. Северцев. – М., 1947. – Т. 3.
133. *Семенов Ю. И.* Антропосоциогенез / Ю. И. Семенов // Марксистско-ленинская теория исторического процесса. – М., 1981. – Ч. 1.
134. *Семенов Ю. И.* Как возникло человечество / Ю.И. Семенов. – М., 1966.
135. *Семенов Ю. И.* На заре человеческой истории / Ю.И. Семенов. – М., 1989.
136. *Семенов Ю. И.* Предпосылки становления человеческого общества / Ю. И. Семенов // История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. – М., 1983.
137. *Сержантов В. Ф.* Философские проблемы биологии человека / В. Ф. Сержантов. – Л., 1974.
138. *Смирнов С. В.* Становление основ общественного производства / С. В. Смирнов. – Киев, 1983.
139. *Смирнов С. Д.* Психология образа: проблема активности психического отражения / С. Д. Смирнов. – М., 1985.
140. *Стрельченко В. И.* Диалектика снятия в органической эволюции / В. И. Стрельченко. – Л., 1980.
141. *Сухотин А. К.* Закон отрицания отрицания в «Капитале» К. Маркса / А. К. Сухотин // Ученые записки Томского государственного университета. – 1958. – № 34. – С. 15.
142. *Тарасов К. Е.* Социальная детерминированность биологии человека / К. Е. Тарасов, Е. К. Черненко. – М., 1979.
143. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека / П. Тейяр де Шарден. – М., 1987.
144. *Томпсон М.* Философия науки / М. Томпсон. – М., 2004.

145. *Тугаринов В. П.* Природа, цивилизация, человек / В. П. Тугаринов. – Л., 1978.
146. *Туровский М. Б.* Труд и мышление / М. Б. Туровский. – М., 1963.
147. *Тэрнер В.* Символ и ритуал / В. Тэрнер. – М., 1983.
148. *Уошберн Ш.* Эволюция человека / Ш. Уошберн // Эволюция. – М., 1981.
149. *Урысон М. И.* Возникновение рода Ното и его эволюция / М. И. Урысон // Вопросы антропологии. – 1972. – Вып. 41. – С. 153–155.
150. *Урысон М. И.* Некоторые теоретические проблемы современного учения об антропогенезе / М. И. Урысон // Вопросы антропологии. – 1965. – Вып. 19. – С. 33.
151. *Файнберг Л. А.* У истоков социогенеза. От стада обезьян к общине древнейших людей / Л. А. Файнберг. – М., 1980.
152. *Философский энциклопедический словарь.* – М., 1983.
153. *Фирсов Л.А.* По следам Маугли? / Л.А. Фирсов // Язык в океане языков. Серия «Язык и мир». – Вып. I. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1933.
154. *Фирсов Л.А.* Голосовое поведение антропоидов / Л. А. Фирсов, В. Ю. Плотников. – Л., 1981.
155. *Флоренский П. А.* Обратная перспектива / П. А. Флоренский // У водоразделов мысли. – Сочинения. В 3 т. – М., 1990. – Т. 2.
156. *Фофанов В. П.* Применение метода восхождения от абстрактного к конкретному в историческом материализме / В. П. Фофанов // Методологические проблемы науки. – Новосибирск, 1981.
157. *Фофанов В. П.* Социальная деятельность как система / В. П. Фофанов. – Новосибирск, 1981.
158. *Фофанов В. П.* К методологии изучения социальной формы движения материи / В. П. Фофанов // Методологические проблемы науки. – Новосибирск, 1976.
159. *Хайдеггер М.* Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер // Проблема человека в западной философии. – М., 1988.
160. *Хакен Г.* Синергетика / Г. Хакен. – М., 1985.
161. *Харин Ю. А.* Диалектика социального отрицания / Ю. А. Харин. – Минск, 1972.
162. *Харин Ю. А.* Закон отрицания отрицания / Ю. А. Харин. – Минск, 1970.
163. *Хрисанфова Е. Н.* Эволюционная морфология скелета человека / Е. Н. Хрисанфова. – М., 1978.
164. *Чайковский Ю.* Познавательные модели, плюрализм, выживание / Ю. Чайковский // Путь. – 1992. – № 1.
165. *Чуприкова Н. И.* Психика и сознание как функция мозга / Н. И. Чуприкова. – М., 1985.
166. *Шаллер Дж. Б.* Год под знаком гориллы / Дж. Б. Шаллер. – М., 1968.

-
167. *Шевченко Ю. Г.* Эволюция коры мозга приматов и человека / Ю. Г. Шевченко. – М., 1971.
168. *Шмальгаузен И. И.* Пути и закономерности эволюционного процесса / И. И. Шмальгаузен. – М., 1983.
169. *Шовен Р.* Поведение животных / Р. Шовен. – М., 1972.
170. *Эльконин Д. Б.* К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте / Д. Б. Эльконин // Вопросы психологии. – 1971. – № 4.
171. *Якимов В. П.* Ближайшие предшественники человека / В. П. Якимов // У истоков человечества. – М., 1964.
172. *Яцкевич В. В.* Диалектика оптимального выбора / В.В. Яцкевич. – Киев, 1990.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Бажутина Нина Сергеевна
Бажутина Татьяна Олимповна**

**ЧЕЛОВЕК, КУЛЬТУРА,
ТВОРЧЕСТВО**

Монография

В авторской редакции

Выпускающий редактор *И.П. Брованова*
Корректор *И.Е. Семенова*
Дизайн обложки *А.В. Ладыжская*
Компьютерная верстка *Л.А. Веселовская*

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор продукции
Издание соответствует коду 95 3000 ОК 005-93 (ОКП)

Подписано в печать 15.12.2014. Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная. Тираж 100 экз.
Уч.-изд. л. 15,0. Печ. л. 15,0. Изд. № 123. Заказ № Цена договорная

Отпечатано в типографии
Новосибирского государственного технического университета
630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20